

16+

Евгения Черноусова

**Злоключения
на Острове Невезения**

Евгения Черноусова Злоключения на острове Невезения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50982123

SelfPub; 2020

Аннотация

Островом Невезения назвала героиня этих историй деревню Второе Рясово, где живут никому не нужные одинокие люди при полном отсутствии элементарных бытовых условий. Но бывает, что попадают сюда другие представители современной цивилизации: чёрные риелторы, аристократы, модели, бандиты.

Содержание

Весна. «Оставлен в подозрении»	4
Лето. «Когда Адам пахал, а Ева пряла»	65
Осень. «Процесс о трёх миллионах»	127
Зима. «Главрыба, Шариков тебя не забудет!»	171
Снова весна. «Если нет выхода»	216
И снова лето. Послесловие	253

Весна. «Оставлен в подозрении»

В дверь позвонили. Марья Кузьминична лепила котлеты, поэтому открыла не сразу. Пока отчистила руки от фарша, пока помыла, вытерла. Но звонивший был настойчив. Открыла:

– Ну?

Сонька, соседка. Зачастила:

– Ой, Марь Кузьминична, сказали, воду сейчас отключат. До вечера! Наливайте, пока не поздно!

– Спасибо, Сонь!

Кинулась в ванну, достала вёдра с полки, поставила под кран. Вода шла уже без напора. Ругнулась: Сонька, небось, всю посуду залила, а потом уж пошла соседей предупреждать! Успела набрать полтора ведра, и кран захрипел. Всё!

В последнее время воду отключали то и дело. Сын на мойке работает, значит, рабочий день закончен, минут через пятнадцать придёт. Невестка в собесе бухгалтером, она иногда обедает дома, может, бог даст, сегодня пропустит. Но не повезло. Почти одновременно появились оба. После ссоры ничего не наладилось, и теперь уже не наладится. Они общались, но через силу, внуков бабушка игнорировала вообще. Успела супа похлебать и помыть за собой посуду, как ключ в дверях загремел. Демонстративно уходить мимо них в спальню было бы нелепо, поэтому она зашла в ванную и

стала сортировать грязное бельё.

Вова и Таня сели обедать. Каждая из сторон чувствовала себя правой, и идти на примирение не собиралась. Матери и сыну, молчунам по натуре, это переносить было легче. А Татьяну буквально распирало. Она рассказывала мужу о какой-то своей сослуживице, он молчал, и только неопределённо мычал, когда она восклицала: «Ты представляешь?!» Тут Татьянин телефон позвонил. Она сначала буркнула что-то невнятное, а потом завопила: «Да ты что!» А потом началось: «А он?», «Насмерть?», «Уже арестовали?», «Кошмар!» и так далее. Когда разговор закончила, сказала:

– Ты слышал? Твоя-то бывшая Кольку Шумова убила!

Вова по инерции промычал, а потом до него дошло:

– Ты что несёшь?

– Да! Тонька сейчас звонила! Зарезала его, и сама заорала! Соседи набежали, полицию вызвали! Она вся в крови!

– Да ерунда, – неуверенно возразил он.

– Я тебе говорю! Тонькину мать понятой взяли!

До Марьи Кузьминичны дошло. Она метнулась на кухню:

– Ты что говоришь? Наташу арестовали?

– Да, вот представьте себе, – откинувшись на спинку стула, с торжеством сказала она. – Хорошая невестка у вас была? Со своей квартирой! А теперь у неё и вовсе бесплатная квартира будет на долгие годы!

Марья Кузьминична поглядела на неё с презрением:

– Теперь, наверное, ты у меня в любимицы выйдешь. Доб-

рая женщина, ишь, как обрадовалась, что Вова-младший с нами жить будет!

Лица вытянулись у обоих. Вова сказал:

– Мам, ты что?

– А что ты думал? Мать в тюрьме, но отец-то – вот он! Пошла я за ним, а вы пока место готовьте. У меня тесно, придётся вам в комнату складной диванчик втиснуть.

На ходу застёгивая пальто, она хрястнула дверью. Бежать было недалеко, всего два квартала. Во дворе к ней с рыданием бросился внук: «Бабушка!» Она крепко прижала его к груди и сказала:

– Вова, никому не верь! Всё будет хорошо!

– Меня не пускают...

– Меня пустят!

Огляделась вокруг. У подъезда стояла и глазела на них Анна Ивановна, санитарка из терапии. Марья Кузьминична спросила её:

– Ань, у тебя дома кто есть?

– Дочь гостит.

– Может она за внуком моим минут пятнадцать посмотреть?

– Пошли, милый, у нас сегодня плов на обед. И чай она тебе нальёт. С черничным вареньем! Не спорь, дай бабушке твоей время, она сейчас всю полицию построит. Я её знаю!

Марья Кузьминична ещё дождалась у дверей живущую на первом этаже Анну, расспросила её, а потом устремилась по

лестнице на третий этаж. В подъезде кучковались соседи. На втором этаже рыдала у двери девочка-подросток. Дорогу в Наташину квартиру преградил полицейский: «Сюда нельзя!» Она ему сказала:

– Серёжка, отойди, не доводи до греха! Мне – можно!

И прорвалась в квартиру.

В этом преимущество маленьких городов: все всех знают. Вот в прихожей стоит участковый Владимир Иванович. Он моложе лет на десять, но знает Марья Кузьминична его близко по жене. Она тоже медсестра, в реанимации работает. Не подруга, но в общих компаниях гуляют. Вот Сашка, полицейский. Однофамилец и даже родственник: мужа двоюродного брата сын. Племянничек, стало быть. Ещё один полицейский, как же его... Павел, да! Года два назад оперировали его, пулю схватил при задержании. Вячеслав Михайлович, следователь. Тоже оперировали, но не по ранению. Желчный ему удалили. Терпеливый он. Обезболить его забыли эти палатные вертихвостки. А он молчал. Вот алкоголик Дмитриев, патологоанатом. Считаю, свой. Понятые – звать как, Марья Кузьминична не знает, но баба из РОНО, а мужик – пенсионер с комбината, ещё у них в охране немного работал.

Наташка, невестка бывшая. Сидит на стуле у стола, но спиной к нему, глядит на неё отчаянными глазами. Руки в крови, на животе кровь, волосы слипшиеся, видно, рукой хваталась.

– Наташ, ты что, реанимацию проводила?

– Марья Кузьминична, я думала, он живой ещё!

– Небось, и нож выдернула?

– Да, – прошептала виновато.

– Так, мальчики, – она имела право так их назвать, все моложе. – Вы её сфотографировали? Описали? Опросили? Можно, я её умою и переодену?

Переглянулись Вячеслав Михайлович и Сашка как старшие в этой тусовке. Следователь рукой махнул, видать, по больнице запомнил, что спорить с ней – себе дороже. Сашка сказал:

– Конечно, тётя Маша.

Марья Кузьминична подошла к шкафу и спросила:

– Здесь всё трогать можно? Вещи собрать?

– Да конечно, тётя Маша, – и не удержался. – Наташке бы такой грамотной быть.

– Я, Саша, детективы люблю читать. И на трупы и ранения нагляделась за свою жизнь. Только в такой ситуации ни разу не была... ну, чтобы не с посторонним, а с близким. И посмотрела бы я на тебя, как бы ты умно поступил, если бы увидел с ножом в груди, к примеру, свою Любашку.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – замахал на неё Сашка.

– Ещё вопрос. Вы её заберёте?

– Да.

– Тогда надо спортивный костюм. Есть у тебя, Наташа?

Старалась действовать деловито, не показать свой страх. Наташка и так испугана. Зашли в ванную. Пустила воду: ага,

дали. Или у них на улице не отключали?

– Зачем, Марья Кузьминична... просто под краном...

– Ещё чего! Тут размачивать и размачивать!

Усадила её в ванну, одежду замочила в тазу, стала волосы ей слипшиеся оттирать, расспрашивая при этом. Да, поругались накануне. Об этом Марья Кузьминична уже знала от Анны. Ключ? С этого и начали. Она, конечно, ключ у него отобрала. Да не давала она ему его! Как можно постороннему мужику, у неё же дети! И не собиралась она с ним сходиться. Так, лекарство от скуки, встречались иногда в обеденный перерыв. А ключ... ключ Вова потерял. Ну, попросила она Кольку у зятя в мастерской дубликат сделать. Наверное, он себе лишний и заказал. А узнала как? Да поняла, что бывает здесь кто-то в её отсутствие. Что-то не так стоит, что-то не там лежит. Брать у неё нечего, но зачем-то же приходил в её отсутствие. Неприятно. Противно! Отобрала ключ и сказала, чтобы дорогу к ней забыл. Марья Кузьминична поняла, что-то невестка не договаривает. Но настаивать не стала. Может, любовь у неё:

– Быстро про сегодня рассказывай!

Пришла раньше, потому что на молзаводе знали, что воды не будет. Приёмку закончили, дежурных оставили, остальных отпустили. Никуда не заходила. Хотела хлеба купить, потом подумала, что, наверное, ещё масло подсолнечное надо... решила сначала зайти домой, в холодильник молочку поставить, ну, что в заводском магазинчике взяла, и посмот-

реть, что ещё прикупить. Зашла, дверь распахнутой оставила... ключи? Не помнит... нет, точно, ключи в дверях остались, она же на минуточку. Пальто сняла? Да, потому что в туалет захотела. Потом в ванну, руки помыть, там на всякий случай под ванной кастрюля старая с водой, потом на кухню, проверила, чего не хватает... да, кран покрутила, заметила себе, что воды надо купить бутылку, а то ведь не запасла. А в комнату пошла за полотенцем. Да, точно! Когда руки вытирала, обратила внимание, что полотенце мокрое. Кинула в корзину. Неприятно это зацепило, но не дошло, что Колька вытирался. Отобрала ведь ключ! А он лежит. Кровь... страшно... жалко! Думала, раненый. А он!

Вышли из ванной. От двери отпрянул Сашка и нагло так сказал, засовывая в карман диктофон:

– Вот видишь, сколько всего вспомнила для тётки Маши. А полиции только твердила: ничего не помню, ничего не знаю! Всё, пойдём, закончили мы!

– Подождёшь, – оттолкнула его Марья Кузьминична. – Волосы нам высушить надо. Наташ, у тебя фен есть?

– Откуда?

– Сейчас, – вышла на лестничную площадку и сказала, обращаясь вниз, где по-прежнему стояли соседи. – Женщины, одолжите фен на пять минут. Ну? Не думаете же вы, что эта овца безрогая всерьёз может кого-то убить!

– Я дам, – сказала понятая, и скрылась за соседней дверью. – Вот.

Марья Кузьминична усадила Наташу на тот же стул и воткнула фен в розетку. Под его шум она спросила Сашку:

– А скажи-ка, мил человек, нашли ли вы ключ, которым покойник дверь открыл? И закрыл потом, после того, как его зарезали?

– Не было ключа. Значит, Наташа дверь ему открыла!

– Кто-то видел, как он пришёл? – мужики промолчали. Правильно, не обязаны они ей отвечать. Тогда ещё спросить надо. – Но ведь как Наташа пришла, наверняка видели! Одна ведь она шла, да?

Похоже, что так. Надо дальше нападать, пока не опомнились.

– И что Шумов у двери стоял, Наташу поджидая, тоже ведь никто не видел? А народу-то сегодня много по подъезду сновало, с производства сегодня рано людей отпустили из-за воды! Значит, не ждал! И на теле у Наташи следов драки нет, так ведь, Дмитриев? Это внесли в протокол?

– Кончай следствие вести, Кузьминична, – решил урезонить её Сашка.

– Сейчас. Понятые, вы видели, что нет на ней синяков и ссадин? А то в тюрьме побьют и скажут, что так и было! Дмитриев, а покойник не побитый?

– Тётя Маша, может, Шумов вообще здесь ночевал, – сказал Сашка.

– Может. Только и тогда его кто-то видеть был должен. Да мать скажет, где он ночевал! Слышишь, она там внизу голо-

сит, Наташку проклинает! Уже аж из Ветошников принеслась! И ещё Вову можешь спросить, ночевал ли у них Колька!

Сашка выскочил из квартиры и понёсся вниз, прыгая через две ступеньки. Все толпой вышли следом: Вячеслав Михайлович, понятые, Марья Кузьминична, держащая за руку Наташу, Павел, прицепившийся к ней с другой стороны, Владимир Иванович последним. Прикрыл дверь и достал бумажную ленточку.

– Володя, ты что, опломбируешь дверь? Не имеете права! Кроме Наташи здесь ещё двое детей проживают! Павлик, отцепись от Наташи, не позорь её, никуда она не убежит!

– Так ключи у эксперта...

– Да шут с ними! У внука сейчас возьму! Ань, давай Вовку сюда!

Вова вцепился в мать. Наташа зарыдала:

– Вова, Нюся в садике!

– Ему её отдадут? Не волнуйся, пригляжу за обоими! Наташка, держись! Никому не верь, говори только правду и стой на своём!

Марья Кузьминична придержала внука, пока Наташу запикивали в машину, вытащила у него из кармана ключи и спросила:

– Ань, убрать квартиру возьмёшься? Заплачу!

– Ты что, Кузьминична, за мздоимство бог накажет. Я так, по-соседски!

– Ерунда! Каждый труд должен быть оплачен. Только экскурсии в квартиру не води. Ковёр выброси!

– Марья Кузьминична, – вмешался понятой. – В автомойке, которая на выезде, ковры берут в чистку. Моют очень хорошо!

– Нет, такая память нам не нужна. Выбрасывай!

– Вот и оплата, Кузьминична. Я её ковром возьму. Я не брезгливая.

Вышли со двора, и Марья Кузьминична задумалась. В квартиру сейчас детей пускать нельзя. К себе домой вести внука она не хотела. И невестка, и дети будут его обижать. А сын отстранится, он к Вове абсолютно равнодушен. А маленькая девочка, которая никому из них не родня? Наташка её от второго мужа родила. Даже не мужа, так, сожителя. Схватила за телефон, набрала золовку:

– Женя, ты можешь принять нас на одну ночь? Меня и двух детей? Наташиных детей?

Золовка замялась. Марья Кузьминична вспыхнула:

– Женя, если ты против, так и скажи! Я больше тебя не побеспокою.

– Ты что, Маша! Я просто прикидываю, что вам на обед...

– Мы с Вовой пообедали, а Нюся в садике. А вот если ужин нам предложишь, мы с удовольствием.

– Ну, и всё в порядке. А ты сразу обижаться!

С золовкой они общались вполне по-родственному, но не близко. В гости друг к другу ходили редко. Но другой родни

у неё просто не было. Женя ждала их в дверях. Сердечно обняла внучатого племянника:

– Вовочка! Пойдём, умоешься, ишь, как грязными руками физиономию разрисовал. Ну, чисто индеец Чингачгук!

Вова хихикнул. Марья Кузьминична успокоилась: в последние годы Женя чаще общалась с внуком, чем даже она, родная бабушка, и отношения у них были вполне сердечные. Позвонила в садик, спросила, нужно ли приходить за Нюсей Огородниковой с братом, или её отдадут ей так. Заведующая заверила, что отдадут, но посоветовала прийти всё же с мальчиком, если малышка её не очень хорошо знает.

Пошла домой. Невестка наверняка ушла, а вот Вова лежал на диване у телевизора. Молча прошла к себе, сложила в пакет халат, тапочки и бельё, прикидывая, что ещё потребуются на ближайшие три дня. Марья Кузьминична всё обдумала по дороге, и пришла к выводу, что Наташу отпустят на третий день. Решение об аресте принимает суд, а для суда улики слабоваты. Завтра надо зайти в полицию и посоветоваться с Сашей, стоит ли уже нанимать адвоката.

Ткнулся в дверь сын:

– Мам, Наташку арестовали? – она кивнула. – Что, нам теперь в самом деле придётся Вовку забрать?

Оказывается, дома были и Татьяна, и её дочь. Они вышли из кухни и нагло слушали.

– Господи, сын, а ведь ты предатель! Тебя только и волнует, что придётся ещё одну койку в это общежитие втиснуть!

А что сын твой сирота при живых родителях – это тебе по фиг.

– Его, между прочим, ещё и кормить придётся, – вмешалась Татьяна.

– Ну, если твоя дочь здесь ест, то почему его сын на это права не имеет?

– Я больше Вовы получаю! Я сама свою дочь кормлю!

– Татьяна, я твою дочь куском не упрекаю. Я занималась с ней, пока она хамить не начала. Вот что я скажу вам, дети мои. Все люди смертны. Это естественно, что я умру раньше вас. Но не надо ждать моей смерти ради получения половины двухкомнатной квартиры!

– Почему половины? – вылетело у Татьяны.

– Потому что у меня два сына.

– У Валерки есть квартира, – возразил толстокожий Вова.

– Да, он заработал её своим трудом. Но с чего он откажется от родительского наследства? Ему ещё сыновьям образование давать надо.

Такая простая мысль супругам Огородниковым просто в голову не приходила. Они переглянулись растерянно.

– И вот ещё, коли у нас сегодня наметилось выяснение отношений, что я вам скажу. Смертна не только я, но и вы. Татьяна, если завтра ты безнадежно заболеешь, или тебя переедет паровоз, или зарежет случайный прохожий – кому будут нужны твои дети? Вова так легко открестился от старшего сына, что у меня большое сомнение, станет ли он рас-

тить младшего. Найдёт новую бабу и снова ляжет на диван! Скажешь, мать или сестра? Они прошлый раз даже на дне рождения Ваню видеть не захотели.

– Вы... вы меня всегда ненавидели! Меня и моих детей!

– Неправда. Я больше занималась твоими детьми, чем твоя мать. Разве не так? Твоя мать вас выгнала, а я приняла. Хорошо мне на шестом десятке в своём жилище угол искать? Ты это поймёшь только, когда твои дети тебя в угол загонят!

Зазвонил телефон, номер незнакомый:

– Марья Кузьминична, это из детсада. Сейчас из опеки позвонили, собрались за Нюсей приходить. Я им сказала, что вы её уже забрали.

– Бегу!

– Пулей давайте! Мы её сейчас одеваем, а потом нянечка выведет на Храмовую улицу.

Марья Кузьминична оделась и побежала, опять застёгиваясь на ходу. На Храмовой она увидела идущую навстречу женщину с маленькой белобрысой девочкой. Бойкая девчонка спросила весело:

– Ты сегодня будешь моей бабушкой?

– Мы сказали, что сегодня мы будем играть в гостей у бабушки, – пояснила нянька, поворачивая назад.

– Я вообще теперь буду бабушкой, твоей и Вовиной.

– Правда? У меня ещё ни разу не было бабушки, – обрадовалась Нюся.

– А мы сейчас ещё к одной бабушке пойдём в гости, к

бабе Жене. А она нам ужин приготовит. Только давай мы по дороге ещё что-нибудь вкусное купим!

– Давай, бабушка! Я что-нибудь вкусное очень люблю!

Женино сердце Нюся растопила за пять минут. Она позволила ей даже немного попрыгать на своей кровати! И отдала ей на разорение кухонные часы в виде пластмассовой избушки, окружённой ёлочками.

– Эх, Машка, неполноценные мы бабки! Одни пацаны у нас: сыновья, внуки. Погляди, какая девочка ласковая! Мальчишки такими не бывают.

Вова, переживший сегодня очень многое, зевать стал даже раньше Нюси. Уложив детей, они сели на кухне чаёвничать.

– Ты извини, Жень, что я так агрессивно на тебя... я так сегодня переволновалась!

– Да что ты, Маша. Мне Вова рассказал, как ты ситуацию разруливала.

– Зря ты с ним об этом.

– Он сам захотел. Ему надо было излить свои страхи. Как ты за Наташку бросилась сражаться! А мне казалось, ты её не любишь.

Марья Кузьминична невесело пошутила:

– Нет такого закона, чтобы невесток любить. Больше всех из них я люблю Валеркину Юлю, потому что за шестнадцать лет видела её три раза: на свадьбе, потом, когда в гости к ним приезжала лет десять назад и ещё раз, когда они у нас гостили. Наташу, что греха таить, я терпеть не могла. Они

сошлись, когда ему было восемнадцать, а ей двадцать один. Он институт бросил! Теперь-то я понимаю, что он так или иначе его бы бросил. Ленивый и безвольный. Жили у неё, благо от её матери квартира осталась. Но когда он к Татьяне ушёл, до меня дошло, что может быть и хуже. А уж когда они вчетвером ко мне жить пришли, тут уж я взвыла!

– У вас что-то произошло в последнее время? Если не хочешь, не рассказывай.

– Просто терпение лопнуло...

С тех пор, как Марья Кузьминична вышла на пенсию, она возненавидела субботу. В этот день рано вставать должна была только школьница Танечка. Когда она начинала её будить, девчонка брыкалась, ругалась и снова засыпала. Если от скандала просыпался Ванечка, истерил ещё и он. А их родители выражали недовольство ей.

Вот и в позапрошлую субботу она оторвала от подушки всклоченную голову и завизжала: «Отвянь, бабка!» И Марья Кузьминична отвяла. В конце концов, оно ей надо? Внука не её – и заботы не её. А квартира её. Только вот три с половиной года назад пришёл младший сын с семьёй и стал здесь жить. В двухкомнатной квартире! Сначала они заняли зал, потом тихой сапой переселили её в спальню Танину дочь от первого брака, а теперь и кровать Вани сюда воткнули, мол, большой уже, неудобно с родителями. Пока она работала, было ещё терпимо. А сейчас, когда она целыми днями дома, сил уже нет! Что-то надо менять.

Решила пройтись. А куда можно пойти субботним утром в маленьком провинциальном городке? Только на рынок. Но в половине восьмого торговцы ещё только подъезжали и раскладывали товар. Она прошла по центральной линии и решила съездить на вещевой рынок, который в посёлке комбината. Больше часа ходила, разглядывала товар, но так ничего и не купила. Да ей и надо было только время провести. На выходе уже столкнулась с школьной подругой, которая жила в этом посёлке, да и торговала здесь. Настроилась поболтать, но та сказала, что сегодня не торгует, а собирается на похороны. Чьи? Нины Фёдоровны. Марья Кузьминична горестно охнула. Покойнице было 82, хорошо пожила, но это была её любимая учительница. С пятого класса их вела. От неё у Марьи Кузьминичны любовь к чтению. Обсудили, с чем поехать, но решили, что венок тащить хлопотно, купили в цветочной лавке по паре розовых гвоздичек и поспешили на автобус.

Дома она появилась ближе к часу дня. На стук входной двери выглянула из кухни невестка и сказала возмущённо:

– Марья Кузьминична, Танечка пропустила контрольную! Почему вы не предупредили, что уйдёте рано?

– А что, должна была? Так скажи мне сразу всё, что я должна в своём доме.

– Вов!

Из зала выглянул сын. И со злостью сказал обеим:

– Почему я должен вникать в ваши дразги в свой выход-

ной день?

– Вот пожалуйста! У неё – свой дом, у тебя – свой выходной, а что у меня?

– А у тебя – своя мама со своим домом и своя дочь, которую хоть иногда надо воспитывать, – отрезала Марья Кузьминична и захлопнула за собой дверь ванной.

Больше всего она рассердилась на собственного сына, который ни во что не желал вникать. К обеду она не вышла, благо на поминках наелась. После пяти сварила себе манной каши. Когда ела, Татьяна зашла на кухню и стала сердито греметь посудой. Только Марья Кузьминична собралась встать из-за стола, как в спальне что-то грохнуло. Она вбежала туда и увидела, что внук стоит над разбитой вазой. Вазочка была копеечной, но её в четвёртом классе Маша подарила своей маме на 8 марта. Они тогда собирали макулатуру, и на полученные деньги купили эти вазочки и устроили мамам чаепитие. Первый заработанный подарок! Жалко до слёз, но Ваня сделал это специально. Мать не раз ехидничала над старой посудой, которую свекровь не желала выбрасывать и хранила в серванте, поэтому и полез туда. Да ещё краем глаза она заметила с трудом сдерживаемую ухмылку на лице Татьяны. Она подошла к внуку и сказала:

– Это была память о моей маме.

– Память, – засмеялся Ваня. – Бе-е!

– Да. Тебя я тоже теперь забуду.

Повернулась и пошла на кухню. Стекло затрещало под но-

гами. Татьяна подхватила сына на руки:

– Что вы делаете, ребёнок обрежется! Сами-то вон, на толстой подошве! Топаете тут по утрам!

– Тут – это в своём доме!

Марья Кузьминична вернулась на кухню, помыла за собой посуду и закрылась в ванной. Уже лёжа в наполненной ванне, услышала шум пылесоса. Вот так-то, а ты думала, я утрюсь как всегда и кинусь за вами убирать?

Потом она снова вернулась на свой диван и читала до вечера. Утром в воскресенье пила кофе и читала на кухне, пока домашние не зашевелились. Тогда она оделась и ушла. Ещё вчера прикидывала, куда бы пойти, и решила сходить прибраться на кладбище. Там обдумывала, где переждать этот выходной, и тут позвонила Надя, медсестра из реанимации. Она сказала, что проставляется сегодня в больнице по случаю дня рождения, потому что в другие дни нельзя – новое начальство гайки закручивает. Вот и нашлось, где время убить!

Когда сели за стол, зазвонил телефон. Сын. Отключила. Сидели часов до четырёх. Потом помогла Наде донести до дома сумки, потом пошла в библиотеку, набрала книг и потрепалась часок с библиотекарьшей, благо кроме неё посетителей не было. Уже поворачивая к дому, стала вспоминать, что можно сготовить на ужин, и решила не напрягаться. Повернула назад и зашла в кафе «Селезень».

Занесла в гараж хозяйственную сумку с маленькими гра-

бельками и веником, которые весь день носила с собой. Вспомнила, что дома кончается картошка. Включила свет и полезла в подпол. Ну, а в подполе поняла, что надо бы перебрать картошку. Когда вытаскивала очередное ведро гнили, увидела в воротах Ваню:

– Бабка, ты что тут делаешь?

По сердцу полоснуло. Не ответила. Высыпала ведро в мешок и вернулась в подвал. Заканчивая работу, слышала голоса внука и сына. Когда вылезла, уже закончив работу, мешка не было. Значит, сын вынес в контейнер.

– Ты это нарочно? – спросил Вова, когда Марья Кузьминична без сил вытянула ноги под кухонным столом.

Она только взглянула на него и промолчала.

– Ты знала прекрасно, что у Людмилы сегодня день рождения!

– Кто мне Людмила, чтобы помнить, когда у неё день рождения?

– Но мы собирались!

– И что?

– А ты не могла посидеть с внуком?

– Меня об этом никто не просил!

Ну, и так далее. Она должна была посидеть с Ваней, потому что Людмила предупредила: ваш сын невыносим, на семейном празднике ему делать нечего. То есть та родня его не выносит, а она должна выносить. И терпеть его грубость, которой в семье учат. В результате Татьяна с дочерью отпра-

вились в гости, оставив Вову в няньках. Сын обозлился, потому что был настроен на пьянку.

– Вот такие у нас дела, Женя, – закончила она. – Все, конечно, виноваты. Но невозможно справиться с внуками, это не дети. У них свои родители есть. И если родители не уважают своих родителей, то внуки бабушку слушать не будут. Жили бы мы отдельно, я бы, наверное, раньше от них прятаться начала. Можешь меня осуждать, но у меня уже нет сил... господи, как я хочу жить одна!

– Три с половиной года я бы не выдержала. Сдохла бы на втором месяце.

Назавтра, отправив Вову в школу и заведя Нюсю в садик, Марья Кузьминична отправилась в полицию. Саши не оказалось на месте. Зашла в приёмную: «К начальству можно?» Секретарша вполне благожелательно ответила: «Зам устроит?» Зам устраивал вполне. Были они знакомы по донорским делам. У Ивана Ивановича кровь первая отрицательная, такие у них наперечёт.

Встретил её ухмылкой, обещал, что Наташу завтра отпустят. Почему не сегодня? Формальности. Как она из областного центра добираться будет? Её ведь из дома взяли даже без кошелька? Решим вопрос.

Значит, адвоката нанимать не надо. Уже легче. Спросила заодно про опеку. Отмахнулся. Пояснила, что детей двое, и младшей она никто. А отцова родня? Они не расписаны были, так что записана девочка Огородниковой. По её настоя-

нию позвонил в детский сад и предупредил, что мать ребёнка освобождена, и поэтому у опеки изымать её из дошкольного учреждения нет оснований. Изъявил желание осмотреть квартиру.

– Обыск? – испугалась она. – Только Анька от предыдущего квартиру отмыла.

– Да нет. Просто посмотрю.

Заехали к Анне Ивановне в больницу за ключами, приехали в дом. Отдать должное, разулся. Прошёл в комнату, потом заглянул на кухню, пощёлкал выключателями в ванной и туалете. Потом спросил:

– Слушай, Кузьминична, женщина ты проницательная, вопросы правильные задавала. Почему, кстати, Саше она вообще ничего не сказала, а тебе выложила всё как на блюдечке?

Марья Кузьминична фыркнула:

– Ты бы видел, в каком виде он её допрашивал! На полу покойник, а она вся в крови! А я её пытала в ванне с лавандовой пеной.

– Новое слово в уголовно-процессуальном кодексе. Надо будет попробовать как-нибудь допросить кого-нибудь этак.

– Представляю себе! В ванной, к примеру, нежится Витя Калитин, а над ним ты в клеёнчатом фартуке.

Посмеялись. Витя был местной достопримечательностью. Как попал в тюрьму по малолетке, так и ходил на очередной срок как в баню. Появится в полуразрушенном роди-

тельском доме на несколько недель, максимум месяцев – и снова загремит на нары по какому-нибудь пустяковому делу. Не работал принципиально. Как-то Марья Кузьминична расспрашивала его о жизненных планах, когда он у них в отделении с аппендицитом лежал. Он иной жизни не желал, как только попасть в тюрьму по более серьёзной статье, чтобы сокамерники уважали. Но сел всё по хулиганке или кражам. Абсолютный балбес. Сейчас у него как раз были каникулы между отсидками.

– Так вот, спросить я тебя о чём хотел? Как думаешь, чего Шумову в этой квартире нужно было?

– Сама в недоумении. Тут одно из двух. Или прятал, или искал что-то. Но что можно утаить в однокомнатной квартире, где двое детей? Они найдут даже то, о чём ты сам давно забыл!

– А историю квартиры ты знаешь? Кто до Натальи ею владел?

– А что тут не знать? В семидесятых дом построен. Квартиру бабушка получила от комбината. На себя и на дочь. А через год дочь Наташку в подоле принесла. Так и жили. Семейных драгоценностей не было, военными секретами не владели. Так что прятать им было нечего.

– А Шумов?

– Не женат. Жил с матерью. Дом большой, когда сестра вышла замуж, перестроили на два выхода. Если что прятать, возможностей больше. Там и надворные постройки, если в

доме не получается.

Звонок. Марья Кузьминична без опаски открыла дверь. Две дамы – Валька Акименко из опеки и её тёзка, сестра бывшего Наташиного сожителя, отца Нюси. Так вот откуда ноги растут!

– И что вам здесь надо?

– Эта квартира принадлежит несовершеннолетним, и вопрос о ней будет решать опека, – выпалила Акименко.

Тихо вышел из комнаты Иван Иванович:

– Разувайтесь, дамы, и проходите. Вы очень кстати. Мы с Марьей Кузьминичной голову ломаем, кому эта квартира могла понадобиться. А тут, как говорится, на ловца зверь сам прибежал.

Расчёт тётки оказался прост. Жила она почти в таких же стеснённых обстоятельствах, как Марья Кузьминична: дочь, зять, внук. Вот и решила установить опеку над племянницей, жить с ней и получать опекунские. А Вову куда? А Вову к родному отцу. Планы были идиотскими, о чём можно было просто сказать. Но Иван Иванович желал поприкалываться. Он с серьёзным видом предложил свою помощь в перевозе девочки к тётке в квартиру. Почему к тётке? Потому что собственница квартиры – Наталья. Наследница? Наследники у покойников, а Наталья живёхонька. Так что забирайте ребёнка, только документы о родстве предъявите. Ах, нет? А как вы хотели всё это оформить? А у вас случайно нет ключа от этой квартиры? Может, вы гражданина Шумова уби-

ли, чтобы гражданку Огородникову посадить и её квартирой овладеть? А с вами, Валентина Ивановна, мы будем отдельно беседовать. В чём ваш интерес? Почему вы пошли в чужой дом с такой подозрительной гражданкой?

Доведя гостей до икоты, проводил и сказал:

– Да, насчёт ключа. Один Вова потерял, один предположительно убийца унёс, один у нас у экспертов. Не много ли? Смените вы замок ради бога! И выспросите у Натальи, что всё-таки не так в этой квартире!

– Иваныч, а оно мне зачем теперь, если Наталью оправдали?

– Было в старом российском судопроизводстве такое выражение: «Оставлен в подозрении». Примерно это на деле получается, когда преступник не найден. Поверь моему опыту: не так важно наказать виноватого, как защитить от подозрений невиновного!

Очень скоро Марья Кузьминична эти слова вспомнила.

Как Иван Иванович обещал, Наташа приехала назавтра ещё до обеда. Привезли её на полицейской машине. Марья Кузьминична увидела это с лоджии, где вывешивала бельё, и встретила её в дверях. И была поражена, как Наташа изменилась за эти двое суток. Сразу вспомнила разговор о методах допроса. Сказала:

– Одежду – в машину, сама – в ванну! Истребить казённое амбре!

Ни о чём не стала расспрашивать, просто дала возмож-

ность отмокнуть и выспаться. Вернувшемуся из школы Во-
вке велела не шуметь. Он её отказался: «Я с мамой!» У Ма-
рьи Кузьминичны слёзы наворачивались, когда он крутился
у дверей комнаты, как щенок, которого в дом не пускают.
Ведь в отсутствие матери вёл себя обычно: озоровал, смеял-
ся. А сам переживал!

Наташа попросила не уходить хотя бы сегодня. Марью
Кузьминичну тревожило её состояние, поэтому осталась:
«Ладно, на полу заночую!» Приглядываясь, замечала: боит-
ся выйти на люди, вздрагивает от внезапного звука или дви-
жения. Решительно сказала:

– В садике уже полдник. Пойдёмте все вместе Нюсю за-
бирать!

Наташа готова была отказаться, но Вова так шумно обра-
довался, что она стала собираться. И на улице она была всё
такая же: вцепилась в локоть Марьи Кузьминичны и вздра-
гивала, когда с ней здоровались. Выйдя из садика, Нюся рас-
терялась, с кем за ручку идти, она и с мамой хотела, и с ба-
бушкой, и с Вовой.

– Тут одно из двух: или третью руку отрастить, или Вова
за ногу тебя будет держать, – сказала Марья Кузьминична.

Ребятишки визжали, толкались, Наташа тихо улыбалась,
постепенно оттаивая. Потом Нюся сказала:

– Бабушка, давай купим что-нибудь вкусное и пойдём к
бабе Жене!

– А хорошая мысль!

Марья Кузьминична ей позвонила из гастронома, попросила поставить чай. Опасалась немного реакции золовки, и с изумлением увидела, что она тронута вниманием. Уходила с чувством вины: если бы не ребёнок, ей бы и в голову не пришло поблагодарить Женю.

Утром, проснувшись на полу, с трудом повернулась, так сковало спину. И обнаружила, что ночью ребяташки перебрались к ней на это прокрустово ложе со своими одеялами и подушками. Встала на четвереньки и увидела, что Наташа сидит на диване с выпученными глазами и трясущей рукой показывает на её подушку:

– Там... что-то ползёт...

Марья Кузьминична охнула, встала на колени и выхватила из-под одеяла котёнка за шиворот:

– Это Васька. Опять Нюся его в комнату притащила!

– Ну, бабушка, – подняла голову Нюся. – Я ночью проснулась, а Вася боится. Я его к тебе положила. С тобой не страшно!

– А сама как здесь очутилась?

– Ну... чтобы Вася совсем не боялся.

– Так. А Вова у нас почему здесь?

– Что я, рыжий, на кровати спать?

Наташа уткнулась в подушку лицом и хохотала:

– Васька... рыжий...

– Ну, кажется, нам пора переходить на нормальные условия жизни.

Марье Кузьминичне теперь можно было заняться своими делами. А дела были такие: она решила уехать.

Когда она рассказывала золовке о ссоре в их семье, об этом решении она рассказывать не стала. А что ещё она могла придумать? После тех скандальных выходных Марья Кузьминична совсем пала духом. И так тяжело жить в такой скученности, а в состоянии всеобщего недовольства – и во все невыносимо. Было у неё ещё одно дело: истекал срок её вклада в коммерческом банке, и надо было решить, куда его переложить. Деньги были небольшие, то, что накопилось за три с небольшим года, в которые она и работала, и пенсию получала. Пока никого не было дома, включила компьютер и стала проглядывать предложения банков по пенсионным вкладам, отмечая для себя, что в областном центре возможностей больше. И тут наткнулась на предложение строительной компании. Из любопытства посчитала, сколько нужно платить по ипотеке за однушку. Если бы у неё были деньги на первоначальный вклад, она могла бы переехать в областной центр, устроиться на работу и отдавать зарплату на погашение ипотеки, а на пенсию жить. Но потянуть ещё кредит на недостающую сумму... нет, нереально.

Она выключила компьютер и задумалась. Двадцать лет назад Марья Кузьминична отказалась от доли родительской квартиры в пользу брата. На вырученные от её продажи деньги он купил квартиру в областном центре. Он переезжал, расставшись с первой женой и увозил с собой новую, уже бе-

ременную. Было ему в то время уже под полста. Естественно, она его осуждала, но не помочь не могла. Муж Николай, естественно, злился, но права голоса она ему не давала. Теперь бы эта сумма её выручила. Может, попросить брата о помощи? Ладно, за спрос денег не берут.

Назавтра, закрыв счёт, она с сумочкой, прижатой к груди, ехала на автобусе в Уремовск. Открыла новый счёт в новом банке, вздохнула с облегчением и уже пешком отправилась в гости к брату.

– А, Машка, – вяло приветствовал он её. – Чё приехала?

– В больницу, – ответила она. – И ещё кой о чём поговорить надо. Вот такие у меня, Вань, дела...

Брат до пенсии занимал не последнюю должность в областной администрации, возглавлял управление статистики. Сейчас, когда ему уже под семьдесят, из номенклатуры выпал, но там же, в администрации, работал комендантом здания. Жена в управлении образования специалистом, единственная дочь – студентка. Для него это деньги были небольшие.

– В общем, я выпишу тебе расписку, а чтобы ты не сомневался, квартиру твоей Светке по завещанию отпишу. Если несколько лет ещё проживу, получит она её даже уже без долгов. Ну вот, что скажешь, брат?

Он встал с дивана и взял со стола чайник:

– Пойду воды налью. Ты чай будешь?

Он с детства такой. Если ему предложение не нравится,

делает вид, что разговора не было. А ведь можно как-то мягче отказать, мол, дела плохи, расходы были, машину разбил, жене бриллианты купил...

– Нет, Ваня, мне пора, – быстренько обулась, оделась и открыла входную дверь. – Прощай.

– Пока.

– Нет, Вань, не пока. Навсегда.

Она и не надеялась. Не должен. Не обязан. Но вот доброе слово сказать мог, какие-то пустые утешения. Ладно, эту страницу перелистнула.

Успела на приём к врачу, и даже анализы сдала. Выходя из лаборатории, затормозила за стоящей посреди лестничной площадки старухой, толкающей инвалидную коляску с другой старухой. Пассажирский лифт не работал, и множество пациентов толпилось у грузового. Открылись двери, и, отталкивая колясочницу с сопровождающей, толпа рванула в него.

– А ну, назад, – рывкнула Марья Кузьминична. – Грузовой лифт – для носилок и колясок!

– Правду вы говорите, – подхватила санитарка, поставила ведро на пол и нажала кнопку лифта. Зазвенел звонок, и свет в лифте погас. – Вытряхивайтесь, господа ходячие! Эй, парень с костылём, ты оставайся! Въезжайте, дамы на каб-риолете!

Марья Кузьминична хмыкнула и пошла вниз по лестнице. У раздевалки она вновь столкнулась с колясочницей и со-

провожающей, на этот раз лицом к лицу. Безусловно, сёстры. Похожи на постаревших обезьянок...

– Мариинки!

– Карпуша!

Однокашницы. Медучилище закончили 38 лет назад. Сёстры Воловы, Марина и Инна, их на курсе звали Мариинки. А Маша в девичестве была Карпухина, Карпушей её однокурсницы звали. Сёстры местные, Маша – из области, жила в общежитии. Подругами не были, поэтому после окончания училища друг друга не искали. А теперь обрадовались встрече. Сёстры уговорили Марью Кузьминичну заночевать у них, чтобы «наговориться всласть». Она засмеялась:

– До пятницы я абсолютно свободна!

Не так далеко они жили от больницы. Всё в том же родительском доме. Целый квартал старых двухэтажных домов ждал сноса, ветшая. А бедность в этом доме просто вопила. Но при всём том Марью Кузьминичну тронуло, что ни у Инны с ампутированной стопой, ни у Марины, вынужденной vorочать инвалидку, ни разу не прорезалось раздражение на сестру. Вот у неё в семье, вроде, все здоровы, а зла в каждом!

– Представь, ждали расселения, чтобы с первого этажа перебраться, а теперь, когда обезножела, рада, что первый этаж, и что не расселили.

Вспоминали студенческие годы, преподавателей, поездки «на картошку». На втором курсе попали в большое село Рясово, где жили в бетонном бараке, называемом почему-то

«яровизатором».

– Там картофель перед посадкой выдерживали, чтобы быстрее прорастал, – сказала Инна.

– На нарах?

– Нет, нары к нашему приезду сбивали.

– А ты откуда знаешь? А, у вас же там родня... помню, тётка с дядькой, мы ещё к ним в баню как-то ходили. А потом селёдку с картошкой ели. После совхозной столовки так вкусно показалось!

– Ты меня ещё учила селёдку чистить! Помнишь, сказала: не хватайся за хвост, вспоминай Ваньку Жукова!

– Не помню, – засмеялась Марья Кузьминична.

– Ага, «ейной мордой начала меня в харю тыкать». До сих пор, как берусь за селёдку, так вспоминаю Ваньку Жукова... и тебя!

– А я иногда вспоминаю Рясово. Само-то оно не бог весть какое: ну, совхозные двухэтажки, коттеджи для начальства, поближе к реке – домики попроще и постарше. А вот где родня ваша жила – райское место! За логом, от села в отдалении на высоком берегу ряд домов. Некоторые старенькие, столетние, наверное, как у вашей родни – красного кирпича, с маленькими окошками, приземистые. Жив домик-то ещё, не знаете?

– О-хо-хо, – вздохнула Марина. – Наша боль.

– Что так?

Сёстры Воловы, перебивая друг друга, принялись расска-

зывать, какая беда приключилась с этой сельской улицей, называемой теперь деревней Второе Рясово. Домик-то им в наследство достался от бездетных тётки с дядей. Хоть и далеко, в соседней области, а продавать не захотели. Там километрах в двадцати в райцентре Пружинск проживает Олежек, сын покойного брата, вот он за домиком и приглядывал, огородом пользовался. Летом они все там отдыхали, родня, пока жива была, даже из Москвы наезжала. Часто рыбаки настой просились. Чтобы всем места хватало, Олег даже купил пару деревянных разборных домиков в Ссёлках, селе на противоположном берегу, когда там пионерский лагерь закрыли, и во дворе поставил. А пять лет назад случилась экологическая катастрофа. Так совпало, что выше по течению в соседнем селе решили подвесной мост соорудить. И под его опоры часть высокого берега счистили. И в это же время ещё выше по течению, где несколько лет назад была дамба построена, чтобы уровень воды в черте соседнего города поднять, вода в половодье стала берег подтачивать, да так, что подобралась вплотную к шоссе. И пришлось в спешном порядке военных вызывать и дамбу взрывать. Там перепад был незначительный, метра два, но этого хватило, чтобы русло пошло не туда. Вал воды переметнулся через площадку, подготовленную под опоры подвесного моста, прорвал земельную перемычку, попал в овраг и пронёсся, сметая плодородную почву.

– В общем, наша Тихая Ряса шумно прокатилась по логу,

о котором ты вспомнила, и далее слилась с собою прежней. И оказалось наше Второе Рясово островом. Островом Невезения. На пологом берегу реки – огороды, плавно поднимающиеся к домам, а фасады домов смотрят на дорогу, которая идёт по высокому берегу старицы, – сказала Марина.

– Дорогу, ведущую в никуда, – добавила Инна. – Старица тоже не всегда старица. Чаще это залив, который тянется от того места, где появилось новое русло, и до порогов. А когда осадков мало, то у асфальта залив заканчивается, и появляется перешеек к противоположному берегу. А дальше – старица в форме полумесяца.

– Да, асфальт уходит в реку, представляешь? Раньше дорога от сельсовета проходила по лугу и подымалась на высокий берег, заканчиваясь площадкой за нашим домом. Теперь дорога выходит из воды, подымается на самую верхнюю точку Верхнего Рясова, где дом москвича Тимофея, проходит мимо всех домов и упирается в пороги. Помнишь, где прежде вода бурлила? Там каменистое дно было, которое летом теперь обнажено. В сухое время там дорога проходит. Сделали грунтовую дорогу от шоссе на Ссёлки. Но в половодку через пороги вода идёт, и жители Второго Рясова оказываются отрезанными от мира.

– Как же люди там живут?

– Так и живут. Кто не уехал, тот приспособился.

– А многие уехали?

– Ну... 5 домов вывезли, 2 пустых стоят. Но в трёх моск-

вичи, так что считай... В четырёх домах коренные жители... ясное дело, старики. 6 человек. А всего живут сейчас 10 человек.

– А что за москвичи?

– Да мы их только по рассказам племянника знаем. Чёрные риелторы столичные за бесценок купили четыре дома. Нам вот тоже 60 тысяч предлагали. Но Олег сказал, что лучше он бульдозером дедово наследство с землёй сравнивает, чем за такое душегубство деньги получит. Привозили алкашей да стариков. Мало кто зиму переживал. Сейчас один Тимофей остался.

– А как же ты говорила... москвичи?

– Их так называют. А на самом деле там алкашка и одна супружеская пара из областного центра, из Новогорска. Видно, у москвичей по дешёвке дома перекупили тамошние живодёры, теперь своих стариков и алкашей облапошивают.

– Значит, жить там всё-таки можно?

– Ой, Маша, там из благ цивилизации – только электричество. Отдать должное, поставили новый трансформатор, счётчики в нём, чтобы энергию не воровали. А всё остальное... за водой к роднику спускаться, а это карабкаться потом с ведром на очень приличную высоту. А когда обледенение – вообще ужас. В Рясово газ. А во Втором – дрова, которые обходятся в немыслимые деньги. Магазин – в Ссёлках. Почти пять километров. Это если пройти можно. Так что мука, сухари, консервы, концентраты запасаются в немысли-

МЫХ количествах.

– А я бы на такое подписалась, – сорвалось у неё это с языка.

– Не выдумывай, Маша!

– Ох, Марииночки, пожили бы вы впятером в двух комнатах, захотелось бы и вам на остров!

– Так какие проблемы, поживи и оцени!

Назавтра рано утром к тёткам заехал племянник Олег. Возвращался с женой из Москвы, ездил картошкой торговать. Тётки принялись накрывать стол, гостя закрылась в ванной, а Олег занялся хозяйственными делами: прочистить сифон, заменить перегоревшие лампочки, выбить ковёр.

За столом зашёл разговор о деревенском доме. Жена племянника руками замахала:

– Мы что, риелторы московские, пенсионеров облапошивать? В своё время не продали, а теперь уж чего? Поживите так, нам же спокойнее будет. Я Олега ругаю, что туда мотается, а ему родовое гнездо жалко. Через Ссёлки теперь туда только можно ехать, а это крюк километров пятнадцать. В прошлом году только перестал огород сажать.

– Ладно, съезжу, посмотрю, тогда уж решу.

– Так давайте с нами, сразу и посмотрите!

До Пружинска доехали на тентованой «Газели» часа за два. Марья Кузьминична малость приуныла: это не на дачу съездить. Подъехали к дому Воловых, Олег сказал:

– Выйдите покуда, разомнитесь. Я только мотоблок загру-

жу.

Жена вздохнула:

– Грузи уж сразу и семенную картошку.

– Зачем? – растерялась Марья Кузьминична.

– Если жить будете, то как без огорода? Ну, а откажетесь...

Нет, она не откажется! Когда за Ссёлками машина свернула на грунтовую дорогу, вдалеке показался сосновый лесок. Потом еще некоторое время ехали вдоль оврага, потом внизу показалась вода. А на берегу у воды – бревенчатая банька, не та ли, в которой сорок лет назад они студентками мылись? Впереди над водой – высокий берег, а на нем домики. И свой домик она сразу узнала, вспомнила! Вот именно свой! А когда проехали так называемые пороги, у которых плескалась вода, въехали по ведущей на холм дороге, миновали крайний домик и остановились у палисадника следующего, Марья Кузьминична уже твёрдо знала, что будет здесь жить.

Из террасы дверь вела в коридор, по бокам две двери; одна вела в отапливаемую часть дома, небольшую, метров двадцати комнату, посреди которой стояла печь; другая – в неотапливаемую горницу. В горнице пахло пылью, в доме – сыростью.

– Сейчас протоплю, – решительно сказала Марья Кузьминична. – Эх, переодеться не во что!

– Вон, в шкафу много одежды, – сказал Олег. – Тут и тётушек моих, и жены. Всё чистое, разве что отсырело. Не по-

брезгуйте. А я на огород.

Она затопила печь, пошла вслед за Олегом, стала дёргать сухие длинноствольные сорняки и носить их в кучу. Пришла соседка из крайнего дома, маленькая старушка в возрасте за семьдесят, представилась: «Лена», потом нерешительно начала:

– Олежек...

– Да вспашу, тётя Лена!

Она присоединилась к Марье Кузьминичне, Олег затрепал мотоблоком, через некоторое время подошла ещё одна старуха, грузная и рослая, помахала Олегу рукой, он мотнул головой, и она взялась за грабли. Её Лена называла Паней. Чувствовалось между бабками какое-то напряжение, словно не поделили что-то. Потом пришла женщина помоложе, её старухи называли Маруськой, позже Марья Кузьминична узнала, что ей и пятидесяти нет. Но на столько она не выглядела. Марья Кузьминична поняла, что это та алкашка из Новогорска, о которой Мариинки рассказывали. Лена стала рассказывать, что «у москвичей река огороды срезала вчистую, и Маруська на соседнем участке сажается, откуда дом в Рясово перевезли», и глядела на Марию Кузьминичну вопросительно. Та даже не сразу поняла, а поняв, махнула рукой:

– Не мне у вас порядки наводить! Да и земли достаточно – уработаюсь!

В общем, Олег до темноты бы пахал огороды, но пришёл

москвич Тимофей и его сменил. Олег уснул в горнице, а старухи скородили, а потом сажали картошку. Сажали под плужок, за лошадь ходила Маруська. Марью Кузьминичну отпустили убираться в доме и следить за печью, только иногда она выходила сменить Маруську. Закатывая мотоблок в машину, Олег одобрительно сказал:

– Я думал, вы горожанка, а вы и с печкой управляться можете!

– Велик город – Утятин, я сама до сорока лет царице кланялась.

– Моя мама тоже так про печку говорила, – тепло улыбнулся Олег.

Переночевав в Пружинске у Волowych, она вернулась на следующий день в Утятин и уже планировала, что перевезти в своё новое жильё, и тут эти беда с Наташей...

А теперь, после освобождения Наташи, Марья Кузьминична стала собираться во Второе Рясово, «в свой дом», как она себе говорила. И пару раз съездила, каждый раз на два-три дня, постепенно обживаясь и составляя список, что перевезти сюда. Постепенно знакомилась с односельчанами. Уже знала, что по субботам мужики топят баню и первыми моются, а потом идут старухи. И все несут с собой по несколько полешек. Около бани – родник, ходила к нему с двумя пятилитровыми пластиковыми бутылками, больше за раз ей не утащить. Зато как она здесь спала! Как наслаждалась тишиной! Как-то топталась на площадке напротив до-

ма. Подошли «москвичи» – настоящий москвич Тимофей, нелюдимый мужик лет под сорок, и старик Зимин, что из Новогорска. Зимин спросил, не собирается ли она с обрыва броситься. Марья Кузьминична ответила:

– Тут нужно к зиме колодезный ворот поставить, и на санках воду в пластмассовых флягах поднимать. Один внизу наливает – один наверху принимает. Ну как, вступаете в колхоз или будете единоличниками по тропке скользить?

– Надо подумать, – сказал Тимофей. А Зимин только крикнул.

Когда Олег привёз по её заказу насос, шланги и большие бочки под воду, помогли все. Ставили бочки на фундамент развалившегося угольного сарая, а воду собирались качать из нового русла реки, с конца огорода. Для питья она не годилась, а для хозяйственных нужд – вполне. Правда, только на тёплое время. Зимой, старухи сказали, они снег топят. Когда Олег спросил, с какой стороны краны ставить, она ответила:

– А вот, где тропка, чтобы и Лене, и мне удобно было.

– Ты что, и ей дозволишь воду брать? – спросила с завистью Паня.

– Дерьма жалеть – еды не будет, – ответила Марья Кузьминична, и увидела, как Зимин толкнул Рясова, а тот показал ему большой палец. «Они что, думали, что я исключительно по-французски изъясняюсь?», – подумала.

На середину мая она наметила окончательный переезд. Из

последней, как Марья Кузьминична надеялась, поездки она возвращалась уже к вечеру, припоминая, что ещё нужно не забыть. Во дворе у дома её ждал Вова.

– Ты что? – сказала она. – Давай-ка в квартиру поднимемся.

– Не пойду, – упёрся внук. – Там Танька.

– И что тебе Танька?

– Я тебе звонил, а она ругается.

Уточнила, как ругается. Вова объяснил.

– Ладно, я с ней разберусь. Пошли тогда в «Селезень», поужинаем.

– Мне Нюсю забрать надо. И кашей покормить.

– Ладно, пошли за Нюсей, а потом в «Селезень».

Нюся ей обрадовалась:

– Мы купим что-нибудь вкусное и к бабе Жене пойдём?

– Нет, мы пойдём в кафе, и там съедим что-нибудь вкусное.

За столом Нюся спросила:

– А страшная бабушка сюда не придёт?

– Кто?

Вова сказал:

– Ну, я сказать хотел, а мама не разрешает... а баба Аня говорит, «ты бабушке скажи».

– Точнее можно?

Вова молчал, сопя.

– Большой мужик, 12 лет скоро. Научись уж ты не мям-

лить!

– Бабка Шумова скандалить к ним ходит, – сказала буфетчица, и поставила на стол чашки с чаем. – Правильно Анна Ивановна сказала, нечего от бабушки родной скрывать. Дура старая детей пугает, женщину беспомощную обижает. Какие вам пирожные к чаю?

– Три разных, – ответила Марья Кузьминична. – Мы от всех откусим, и следующий раз будем знать, что заказывать.

– Бабушке, Вове, мне, – ткнула пальцем в пирожные Нюся и облизала его. – Ой, а маме?

– Маме мы домой ещё возьмём, – сказала Марья Кузьминична. У неё сердце колотилось от злости, от безысходности, от жалости к внуку. Прав был Иван Иванович, пока виновного не найдут, невиновным покоя не будет. Придётся пенсионерке следствие вести. Завтра она Наташку пытаться будет, и не в ванне, а с ножом к горлу!

Проводила детей до дома, но заходить не стала. Едва доплелась до собственного дома, помылась и спать легла. Сквозь сон слышала, как гремел телевизор, как шумели дети, как громко разговаривали взрослые. Но снова засыпала. Устала.

Утром встала раньше всех. Надо перехватить Наташу и поговорить с ней по дороге на работу. Ещё не собралась, как в дверь позвонили. Кого в такую рань принесло?

Сонька. Стоит, трясётся. В руках полотенце:

– Вот.

Кровавые пятна. Ага, глубокий порез.

– Вы что, на топорах с Мишкой рубились? Я сейчас скорую...

– Я прошу, Марь Кузьминична! Ну, пожалуйста!

– Соня, я ведь медсестра. Тут хирург нужен.

– Ну, Марь Кузми-и-нична-а!

– Садись и зажимай! И чтоб без истерик!

Выскочила в коридор, скомандовала сыну:

– Живо, сверху аптечку доставай! (Аптечка у них в зале на стенке лежала, чтобы дети не добрались).

Схватила телефон:

– Владимир Иванович, вы когда личный приём ведёте? Без формализма? Тогда я вам без формализма скажу: если сегодня Шумова по дороге на рынок на улице Горького у известного вам дома общественный порядок нарушит, внуков моих напугает, то я вашему начальству такой формализм устрою! На каждое слово протокол и жалобу! Вот именно!

– Ишь ты, «моих внуков», – сказал Вова, вынося аптечку. – Ты уже Наташкину байстрючку внучкой считаешь?

– От тебя другого и не ожидала. Ты своего сына бросил, неудивительно, что чужую дочь обзываешь.

– Папа меня бросил? – спросил Ваня.

– Ну, не удивлюсь...

Схватила аптечку и убежала на кухню.

– Соня, теперь никаких работ: ни посуду не мыть, ни уборки, ни тем более, сельхозработ.

– А я на дачу собиралась...

– Не вздумай! И чтоб никаких резиновых перчаток и напальчников! Обещаешь?

– Ну, Марь Кузьминична!

– Соня, ты меня за решётку засадить решила? На скорую!

– Ну, я клянусь! Помогите!

Все собрались и глядели на ужасный Сонин палец. Ваня ныл, дёргал мать за юбку: «Я тоже хочу посмотреть!» Татьяна подняла его на руки.

– Вы, наверное, уже на даче управились? Ой, вы шить будете? – спросила Соня.

– Да я там в этом году ни разу не была, – ответила Марья Кузьминична. – А делать я буду, что считаю нужным, – и прыснула. – Ты, Сонь, не подумай, это я не на тебя смеюсь, а на себя. Первый раз за тридцать лет о даче не вспомнила.

– Что, и ни разу не были? А вот вчера вы откуда? Я думала, с дачи.

– Нет, я из гостей. В деревне была.

– А дача как же?

– Далась тебе эта дача! Вова права проср... это самое, профукал, ну и что теперь, всё на себе таскать? Солений, варений с прошлого года осталось, картошку на рынке продают.

– А лук, морковь, свёкла, клубника? А цветочки ваши?

– Всё будет магазинное! Половина города без земли живёт, никто не пропал!

– А, гори оно всё! И я свою брошу!

– Ты, Соня, резко не вставай. Голова закружится. Красное вино есть? Надо выпить стаканчик.

– У меня в доме что горит, то не держится.

Встала и снова на табурет грохнулась: «Ой!». Татьяна взяла из буфета бутылку и налила: «Пей!»

Обуваясь у порога, Марья Кузьминична слышала, как в зале тихо бубнила Татьяна, а Вова ей отвечал:

– Да никуда она не денется! Она без своей дачи жить не может!

А она радостно улыбнулась, подумав: «У меня есть дом!»

Натальи с детьми, конечно, уже не было. Зато во дворе встретила Анну Ивановну и получила полную информацию: поздно вечером подростки подпалили дверь Огородниковых; к счастью, ещё позже с дня рождения от подружки возвратилась домой Тонька, из соседней квартиры разводка, у матери сейчас живёт, она залила огонь просто из чайника, соседей будить не стала; бабка Шумова сегодня не была, а участковый заходил, расспрашивал. Бабка приходила не один раз, дети боятся, Наташка в полицию идти отказывается, и бывшей свекрови тоже не велела говорить. Сказал всё-таки Вовка?

– Да нет, это Нюся...

– Золотая девочка, – улыбнулась Анна Ивановна. – Вова твой хороший мальчик, но, ты извини, тихоня. А эта будет матери заступница.

Марья Кузьминична отправилась в Ветошники. Как

участковый с бабкой поговорит? А она попробует попутать, в крайнем случае, и за грудки потрясёт. Ишь ты, убийцей Наташу обзывает! Убила овца волка...

Звонила в двери, никто не открыл. В другой половине тоже никого не было. Ну, понятно, дочь и зять бабкины на работе, дочери их, подростки, в школе. Знает девчонок Марья Кузьминична, старшая с Танечкой учится.

Решила дожидаться. Через дом тут дед цветами торгует, надо будет семена у него прикупить, в палисаднике посадить. Набрала семян, поболтали, пошёл к калитке проводить. Очень кстати, вот и бабка из-за угла показалась. Увидел её, заспешил:

– Вон гадина идёт, даже здороваться не хочу! Прибил кто-то её отродье, выручил.

– Что так?

– Я бы сам его убил, Кузьминична. Ребятишки у нас, подростки. Ну, озоруют. Выйдет кто из взрослых, как водится, шуганёт. А этот всё норовит девчонок то за коленку схватить, то обнять да потискать. Не раз я ему говорил: не подходи! Дети-то, конечно, сейчас другие, не стесняются, хихикают. Но ведь гадко это!

Дед ушёл во двор, а Марья Кузьминична ухватилась за забор, почувствовав приступ сердцебиения. Вот что скрывалось в Наташкиной квартире. Дура, дрянь! «Лекарство от скуки»! Двое детей, надо о них думать, а не кобелей заводить! Решительно направилась навстречу бабке Шумовой:

– А, убийцына свекровка, – подбоченившись, завопила она.

– Ты прекрасно знаешь, кто твоё отродье убил, – достаточно громко ответила ей Марья Кузьминична. – А хочешь, я ему скажу, что это ты проговорилась? Он и тебя приберёт, чтобы не орала по городу.

У бабки Шумовой клацнули вставные протезы:

– Я ни про кого...

– А зачем на Наташку напраслину возводишь?

– Она зачем Коленьку у себя привечала!

– Детей пугаешь? Я ведь и твоих детей не пожалею. Возьму да расскажу, кто его дочь с Колькой познакомил. Представляешь, как перед смертью внучек твоих Царьковы холуи истерзают?

– Ты что, – бабка схватилась за сердце.

– Вот и води их теперь за ручку!

Повернулась и пошла. Две бабы у соседнего забора стояли, прислушивались. Наверняка кто-то знал, кто-то догадывался. Бабка изливала своё горе, обвиняя невиновную, а все молчали. Что-то делать надо, но никак не сообразить, что.

Мчалась не разбирая пути, и очнулась только на площади. Нет, делать что-то надо! Зря бабке всё выложила, она ещё какую-нибудь напраслину возведёт. Дрянь Наташка, а детям она мать! Нельзя, чтобы пострадала.

– К начальству, – бросила она на проходной и рванула в приёмную.

Иван Иванович встретил её в дверях:

– Доложили уже, что Огородникова несётся как ракета!

Значит, невестка свои секреты выдала или сама что-то в квартире нашла?

– Хуже. Я знаю, кто убил и за что, но доказать ничего не могу. Поэтому пойду сейчас с убийцей договариваться.

– Да ну? Полиции, значит, не доверяете?

– А вы точно не знаете? Потому что полгорода знает. Вот, слушайте. Кем был Коля Шумов, вы знаете? Я не знала, но сегодня узнала. А могла бы раньше узнать, да не любопытна. Так вот, я хожу в библиотеку всегда примерно в одно и то же время...

– Неужели он любил читать?

– Нет, он любил посещать хореографический зал по средам и воскресеньям в четыре часа.

У Ивана Ивановича с громким треском разломилась в руках ручка.

– Дошло? Он был извращенцем, и ходил туда, где были девочки-подростки. А уж если они были там в гимнастических купальниках, как в балетном кружке, в который и ваша Лиза ходит...

– Хорошо, что кто-то догадался его убить!

– Вас от убийства уберёт? Это я сегодня уже слышала. Его не убивать надо было, а изолировать. А для этого не молчать. Я не раз видела, как хореограф кружка его гоняла, но не придавала значения, думала, что это нежелание мастера пока-

зывать незавершённый творческий продукт. А она знала! И должна была родителей предупредить. Наша Танюшка с его племянницей дружит. Если бы мать знала, разве она разрешила бы дочери мотаться в Ветошники? Сегодня их сосед почти открытым текстом мне сказал, что она была в опасности. Но почему раньше не сказал? Подростков, особенно из неполных семей, очень легко может завлечь взрослый мерзавец. Они так нуждаются в отцовской поддержке!

– Не присыпай солью, Кузьминична. Я в разводе, но детей своих не бросаю. Так убийца – мать девочки что ли? Там удары-то неженские были.

– Значит, всё-таки побитый он был? А вы Наташку задерживали зачем тогда?

– Отпустили же! Ладно, рассказывай!

– Так вот, в том доме жил когда-то Серёга Царёк, наш бизнесмен, меценат и депутат. Давно переехал в особняк на Хамских Выселках, но в квартире оставил парализованную мать и ухаживающую за ней сестру. Баба пьянь была, поэтому сыночек бандитом вырос. Но обеспечил ей безбедное существование, чтобы электорат не возбуждать. А внучка очень часто бабушку навещала, и оставалась одна, отпуская тётку прогуляться. Вот скажите, вы сам – отец девочек-подростков, возможно такое по доброй воле? А она навещала, и отец не знал.

– А как же неполная семья?

– Да какой он, на фиг, отец! Мать в четырёх стенах запер-

та, кажется, даже запивает наподобие свекрови, сам по бабам и пьянкам, девчонка предоставлена самой себе. Вот и стала добычей педофила. Представьте себе, привязалась к нему. Как рыдала, когда его нашли убитым! А квартира... вы уже поняли? Подцепил дурочку Наташку, чтобы было куда нимфетку водить, а то в Царьковой опасно. Виновата Наташа? Конечно, но только в том, что в людях не разбирается. Ключа она ему не давала. А сколько их сделано, можно узнать у Колькиного зятя. А я и так знаю, минимум три: растеряше Вовке, себе, девчонке. Приходили каждый со своим ключом в утреннее время, когда хозяйка на работе, а дети в школе и садике. Накануне у Кольки Наташа ключ отобрала. Узнала по приметам, что он бабу приводил. А может, догадалась, что за баба. Ну, и как Колька в квартиру попал, господин полицейский?

– Вы думаете, отец взял ключ у девчонки и пришёл в квартиру первым?

– Причём дочь об этом не знала. Иначе кинулась бы эту мразь защищать. Как узнал, неважно.

– А может, неважно и всё остальное? Я Царёва как отец понимаю.

– А я мать и бабушка! И не могу рисковать жизнью детей и их матери! Вы знаете, что их дверь нынче ночью подожгли?

– А нечего было вам бабу пугать!

– А нечего было детей пугать и матери нервы трепать!

Они так орали, что секретарша просунула нос в дверь:

«Может, чайку?» Оба отмахнулись, и она поспешно захлопнула дверь.

– В общем, я иду к Царьку и говорю ему, что всё знаю.

– Ага. А он новым ножом делает вам харакири.

– Я всё-таки надеюсь, что он меня послушает и оградит

Наташу от злых языков.

Встала и вышла из кабинета.

Марья Кузьминична была уже на полпути к выходу, когда полицейский выскочил из кабинета и заорал вслед:

– Глупая старуха!

– От юного новобрачного слышу!

Парни в дежурке прыснули.

Марья Кузьминична шла быстро, понимая, что если задумается, то сдуется. «А на что я надеялась? – подумала с горечью. – Правосудие – для нас. Вот если бы Вова Кольку убил или, положим, Олег, или старый сосед Шумовых, их бы сходу закатали. И улики бы поискали. Или подделали. А тут отец города, слуга народа!»

Калитку открыл охранник:

– Приглашали?

– Ты пригласишь. Доложи Царёву, Огородникова Марья Кузьминична по его душу явилась.

Доложить он не успел. Видно, сигнал какой-то получил, потому что махнул рукой и входную дверь. А второй охранник, открывший дверь, махнул рукой налево: проходите!

– Значит, Огородникова Марья Кузьминична? По мою ду-

шу?

– Она самая, Серёжа. А есть она у тебя?

– Что?

– Душа у тебя есть?

– Вы меня исповедовать пришли?

– Не поп, не имею права. А то спросила бы: что чувствует убийца?

– Чем докажешь?

– А кому доказывать? Тебе? Мне? Так мы с тобой и так всё знаем.

– А если я убийца, что же ты меня не боишься?

– Да, один раз через это переступивши, на следующий раз решиться легче. Только вот... мальчики кровавые в глазах блазниться не будут?

– Какие мальчики? Я извращенца убил, паскуду, растлителя малолетних, мир от нечисти избавил!

– А заодно подставил мать с двумя малолетними детьми. Бабка Шумова скандалы закатывает, Наташу обвиняет. Подружки её квартиру пытались ночью поджечь.

– Чего ты хочешь от меня, тётя Маша? Ты не понимаешь, что пришла сюда своими ногами и в целости, а выйдешь в мешках и по частям? Неужели не боишься?

– Как не бояться? Только за Наташу с детьми я больше боюсь. Да и подстраховалась я. Думаешь, никто не знает, что я к тебе пошла?

– Ха! – засунув руки в карманы, Царёв прошёлся по ком-

нате и остановился у окна. Оперся руками на подоконник и замер. Потом повернулся к ней и спросил. – Тебя эта сука продажная послала?

Марья Кузьминична с трудом выбралась из кресла. Вроде, нормально сидела, а ноги затекли от напряжения. Подошла и глянула в окно. У тротуара стояла большая чёрная машина, привалившись к ней, стоял и курил Иван Иванович.

– Меня, старуху, может послать только плохо воспитанный человек. И только туда, куда всех посылают. А сюда я пришла по своей воле. И против его воли.

– Давай телефон!

Она пожала плечами и достала из сумки телефон. Царёв недоумённо повертел в руках простенькую модель, заглянул в сумку и стремительно вышел. Марья Кузьминична увидела, как он лёгкой походкой вышел сбоку, видно, из калитки, подошёл к автомобилю и заговорил с полицейским. Потом Иван Иванович открыл дверцу. У неё сердце оборвалось. Но он только наклонился, достал что-то и вновь дверцу прикрыл. Сигареты. Закурил, протянул пачку Царёву. Тот пожал плечами, повернулся в сторону дома и помахал ей рукой. Она отодвинула штору из органзы, помахала в ответ и снова её задвинула. Царёв повернулся и так же стремительно ушёл. Иван Иванович посмотрел ему вслед, а потом привалился к автомобилю и как-то вяло махнул рукой в сторону окна.

– Как тебе это удаётся, тётя Маша? – войдя в комнату и

снова усаживаясь в кресло, спросил Царёв. – С ним же всегда можно было договориться!

– Понятно, – улыбнулась совсем успокоившаяся Марья Кузьминична. – Машина у него крутая, явно не на зарплату купленная. Первой жене и дочерям квартиру оставил. Молодой жене и маленькой дочери сейчас дом строит. Коррупция, блин. Затягивает. Но соучастие в убийстве – на это решиться труднее. То есть на Кольку Шумова он готов был подписаться. Сказал, что как отец тебя понимает. А вот меня расчленивать вместе с тобой отказался.

– Два деловых человека тратят время на какую-то пенсионерку. Ладно бы на тёлку, пусть даже и не первой свежести, вроде Наташки твоей! Я обещаю, что от Наташи и её семьи все отстанут, на неё даже тень больше не упадёт. А ты знаешь, что я у неё первым был?

– Но замуж она за тебя не пошла.

– А я, между прочим, звал.

– Знаю, Серёжа. Не очень у неё счастливо жизнь сложилась. Но было бы разве с тобой лучше? Сломал бы ты её как свою нынешнюю!

– А может, не сломал. Может, дочь наша не такой дурой была бы. Что мне делать с ней, тётя Маша?

– Она ведь не знает, что это ты?

Он помотал головой.

– Я тебе как медик скажу. То, что подростки в этом возрасте сексом занимаются – увы, обычное дело. Но боюсь, что

неопытные сверстники ей теперь не партнёры. Эта тварь разбудила её чувственность. А значит, виться вокруг неё будут извращенцы. Олигархи своих детей в престижные закрытые школы отправляют: в Англию, в Швейцарию. Но ведь она языков не знает и учёбу не тянет? В кого, как думаешь?

Царёв расхохотался:

– Помнишь, тётя Маша, как ты на нас с Валеркой ругалась, когда алгебру объясняла? Валерка, конечно, быстрее чем я понимал. Но дочь моя – это вообще что-то! Ей и репетиторы ничего в башку вбить не могут. Да и бог с ней, с учёбой. Она у меня красивенькая, замуж выйдет, детей родит, хозяйством займётся. Сейчас-то как её выправить?

– Отпусти своих девчонок совсем, Серёжка: жену, дочь, сестру. Да, сестру! Сколько лет она потратила на вашу беспутную мамашу! Найми сиделку, а ей заплати за потраченные годы и отправь туда, куда она пожелает. А если согласится, пусть за невесткой и племянницей следит: извращенцев отогнать, бутылку отобрать. Где-нибудь на море или в лесу пусть живут. Сестра ведь в курсе этой истории?

– Нет, никуда я их теперь не выпущу! Разве что сеструху, тут ты права. Но за племянницей она не уследила!

– Серёжа, дочь свою ты ей не поручал. Сам не уследил.

– Пойдём, познакомлю.

Они прошли через холл и поднялись по лестнице.

– Вот, познакомьтесь, – сказал он. – Это тётя Маша. В детстве она мазала зелёнкой мои коленки, побольше стал – даже

пулю из ноги вынимала, когда я из поджиглета подстрелился. И сейчас уму-разуму учит. Решила, что вам лучше жить на море или в лесу.

Женщина и девочка сидели с заплаканными лицами. Девчонка поглядела на Марию Кузьминичну так испуганно, что она сразу поняла причину этого испуга.

– Девочка моя, что плохого тебе сделал мой внук? А маленькая Нюся? Ты только представь себе, как бы они металась в пламени, как вспыхнули бы волосики малышки, как бы она кричала перед смертью! А тётя Наташа? Она ведь никого не убивала. А ты вдруг решила, что они не должны жить!

Девчонка разревелась. Царёв схватился за голову:

– Сдохну я с вами! Тётя Маша, иди уже! Всё компенсирую, всех изолирую!

Иван Иванович всё так же курил у машины. Увидев её, слабо мотнул головой, подзывая, и набрал кого-то в телефоне, коротко сказал: «Возвращайся» и открыл перед ней дверцу.

– А я бы прошлась, – строптиво сказала она и устроилась на заднем сиденье. – Ну, что стоим, кого ждём?

– Сашку.

Через пять минут из проулка между особняками вынырнул Саша Огородников и устроился рядом с ней. Понятно, там калитка со стороны реки, у неё караулил.

– Ну?

– Обещал всё прикрыть. Не знаю, как. Но я поверила.

– С чего бы? – фыркнул Иван Иванович.

– Они лет пятнадцать соседями по бараку были, – сказал Саша. – Тётя Маша ему больше дала, чем мать и отец.

Не привыкла днём спать, а тут уснула. От волнения, наверное, утомилась. Проснулась через пару часов, и до вечера пребывала в дремотном состоянии. Вечером за столом у Татьяны только и разговоров было, что о подожжённой Наташиной двери. Отдать должное, Вова забеспокоился о сыне.

– Mam, как там Вова? Не обжётся?

– Я не видела, но раз в школу пошёл, значит, обошлось.

– Вот Наташка из-за своих кобелей чуть детей не потеряла, – осуждающе покачала головой Татьяна.

– Пойду посмотрю, как там сын. Mam, ты со мной?

– Нет, устала. Ваню возьми. И хоть пирожки прихвати, как же с пустыми руками!

Татьяна надулась. Марья Кузьминична сказала ей:

– Успокойся, Вова Наташе с рублём в придачу не нужен!

Скажи лучше, Танечка вчера во сколько пришла?

– Как же, пришла она! Уже после одиннадцати в горсаду отловили. Одной мне было идти страшно, а Вова скулил всю дорогу.

– Ну, слава богу!

– Что?

– Она ведь в компании обычной своей была: Царёва, племянницы этого Шумова, ещё девочка с волосами разноцвет-

НЫМИ...

– Ну да...

– Так вот, после двенадцати эти дуры пошли поджигать дверь Огородниковых.

– Боже!

– Неправда, – испуганно пискнула Танечка.

– Ты знала об этом? Знала и собиралась пойти?

– Мама, я их отговаривала! Я не думала, что они на самом деле!

– Ты обязана была сказать дяде Вове! Он тебя растил, кормил, а ты собиралась убить его сына!

– Поменьше при детях взрослых обсуждайте. Знаешь, что она Вове-младшему по телефону сказала? Я, кстати, за это санкции ввела. Проводной телефон отключила. Да, советую вам обеим о поджоге помалкивать в тряпочку. Вова за сына не простит. Всё, кончен разговор.

Через два дня у рынка встретила Сашу. Он её отвёл в сторону и тихо сказал:

– Тётя Маша, знаешь, кто вчера в отделение с повинной явился? Витя Калитин. Предъявил ключ от квартиры и кожаную куртку, в которой убивал. Кровь смыта, но наличие подтвердилось. Рассказал, что Колька в тот день пригласил его на серьёзный разговор, обещал выгодное дело и привёл в Наташину квартиру. А там предложил приводить ему сюда по утрам школьниц за хорошие деньги, похвастался, что уже было здесь такое дело. Говорит, себя не помнил, как в

морду ему двинул, нож схватил и его проткнул. Потом чисто машинально вышел, квартиру закрыл и домой пошёл. Перечислил, кого по дороге видел. Двое даже вроде вспомнили, что да, встречались. Говорит гладко, противоречий никаких в рассказе.

– Два дня заучивал...

– Он уже всерьёз верит, что всё так и было. А у отделения просто народные гуляния. Бабы предлагают скинуться на адвоката. Соседи подтверждают, что Колька к девочкам-подросткам приставал. В общем, если бы не было у Вити многократных судимостей, отделался бы минимальным сроком: аффект, добровольное признание, личность жертвы, то-сё... а так, конечно, огребёт...

– Сбылась мечта идиота. Он давно хотел пойти по серьёзной статье.

С утра собирала вещи. Книги все забрала. На кой они молодым? Никто в семье не читает, кроме неё. Будет классику перечитывать осенними и зимними вечерами. Что ещё? Одежду, посуду древнюю, памятную. И стиральную машину «Малютку», автомат без водопровода не работает. Олег звонил, он сейчас на комбинате разгружается, картошку привёз сдавать. Как освободится, за ней заедет. Присела, огляделась. Что нажила, ничего не надо. Долгов нет... а, Сонька! Не пошла за ней, позвонила: давай живо на перевязку! Бросила телефон на подзеркальник и пошла открывать дверь.

– Вы вроде сказали, завтра... а что это за коробки?

– Я уезжаю сегодня, так что уж покажу, как дальше будешь обрабатывать.

– Надолго?

– Насовсем.

– Ой!

– Так что кончай свои ролевые игры, перевязывать больше некому.

– К Валере?

– Нет.

– А к кому?

– Ни к кому, одна жить хочу. Ты чего ревёшь, неужто больно?

Сонька помотала головой, всё ещё всхлипывая:

– А куда?

– На один малообитаемый остров.

Звонок. Олег приехал. Стали втроем вещи носить.

– Что ж так мало берёте, – робко спросила Сонька.

– Это всё, что снял Робинзон со своего затонувшего корабля.

Стояли у соседнего подъезда бабки, наблюдали за погрузкой. Марья Кузьминична сказала: «Ну, всё, Сонь, прощай», обняла её и полезла в машину. Сонька снова заплакала и пошла к кучкующимся соседкам. Когда доехали до угла, Марья Кузьминична охнула:

– Телефон!

– Вернуться?

– Ну, нет, – представив себе, как воспримут это соседки, сказала она. – Давай у магазина остановимся. Возвращаться – плохая примета. Да и аппарат старый, – это она вспомнила, как Царёк с недоумением вертел его в руках. Вышла из машины и столкнулась с Вовой и Нюсей. Хлопнула себя по лбу

– Олег, ты ведь в этом понимаешь? День рождения у внука скоро. Вот деньги, купи мне, что попроще, а Вова – чтобы не крутой, который старшие отберут, и не позорный, чтобы ровесники не дразнили. Вова, иди с дядей Олегом. А мы с Нюсей пока рассаду купим.

– А я уже маме позвонил, – похвастался Вова, когда они с Нюсей вернулись к машине. – Смотри, Нюся, телефон!

– А-а, – протянула она без интереса. И радостно похвалилась. – А мы с бабушкой купили вот: куколку, киндер, сумочку!

Из-за угла выскочила взмыленная Наташа:

– Что же вы ничего не сказали!

– Дальние провода – лишние слёзы. Береги детей, Наташа! Что там за спонсор в вашем доме, о котором Нюся говорит?

– Серёжка Царёв. Железные двери с домофоном в подъезд, и нам железную входную как пострадавшим.

– Приставал?

– К Нюсе. Она с ним поздоровалась: «Здравствуйте, дядя Спонсор», соседки так его называли, а он её спрашивает: «Тебе папа не нужен?» А она ему: «Не, папа не нужен, они сер-

дитые, дедушка нужен». Отказался, говорит, дедушкой не хочу. Вот и всё. Говорят, всю семью куда-то увёз. Вы не думайте, мне он не нужен. Да и я ему не по статусу.

Как только выехали за город, Марья Кузьминична привалилась к дверце, вспомнила, что на завтра наметила посадить в палисаднике цветы, и уснула со счастливой улыбкой на лице. Олег иногда поглядывал, недоумевая. Вроде, добрая тётка, не жадная. И родные её любят. Но бросила телефон, в котором все контакты, и уезжает тайком, ничего никому не сказав. И радуется, что уехала.

Лето. «Когда Адам пахал, а Ева пряла»

Марья Кузьминична колола дрова. Затянула она с этим делом. По весне, когда их только привезли, были они сырыми. Когда просохли, тут и земля просохла. Огород, некогда на другие дела отвлекаться. Потом Мариинки в гости приехали, решились наконец. Планировали дня на три, а задержались почти на две недели. Местные старухи устроили им трогательную встречу с причитаниями и угощениями, ведь знали они их с детства и до старости, только последние шесть лет не виделись. В субботу сёстры даже к бане спустились. Правда, брали с собой складной стульчик, и на обратном пути несколько раз присаживались, Марина даже чаще Инны – сердце. А Инна уже довольно прилично ковыляла на протезе. Перед отъездом Инна сказала:

– Меня всё совесть мучила, что ты из жалости к нашей бедности у нас дом купила. А теперь я спокойна: в доме душа есть. Сколько ты всего за этот год сделала! Доживём до следующего лета – обязательно ещё приедем.

Вот теперь надо спешить. Сын Валера с Дальнего Востока прилетает с семьёй. Обещал только на четыре дня, больше не получается – путёвка у них на море. Непонятно, чего ради ехать с моря – да на море. Увидит, что дела не сделаны –

кинется помогать. А зачем ей это, она и сама справится. Не любит Марья Кузьминична одалживаться. Предлагал Тимофей помощь – она отказалась. Он ведь денег не возьмёт. Нет уж, сама пока в силах.

А вот и Женя позвонила. Фоном – рёв Нюси.

– Что случилось?

Оказывается, Валера уже приехал и к тётке в гости пришёл. А у неё сейчас Нюся «срок отбывает», садик-то на ремонте. И Вова здесь же оказался. Дядька позвал Вову к бабушке, а Нюся негодует, почему её не берут, в бабушкиной деревне ведь её все ждут!

– Валера, я за детишками потом после твоего отъезда сама приеду. Вчетвером вы как раз в такси поместитесь, а если с Вовой – это уже придётся от Пружинска или две машины брать, или микроавтобус. Да и в няньках он, если сад не работает. Нет, мест тут на всех хватит, у меня во дворе ещё два летних домика.

Так и договорились на шестерых гостей.

Гости приехали к полудню на двух машинах. Первой вырвалась на простор с визгом Нюся и вцепилась в Марью Кузьминичну, не давая ей обнять дорогих гостей:

– Вот видите, меня бабушка больше всех любит!

– Анна, – строго сказала Марья Кузьминична. – Немедленно прекрати!

– Меня так бабушка ругает: «Анна!», – пояснила приедем Нюся.

Одна машина развернулась сразу, водитель второй стоял у приоткрытой дверцы.

– Мам, – сказал Валера. – Это попутчики. Они нас выручили, двоих посадили, а мы обещали им квартиру найти.

– Ох, попробуем. Хлеба-то привезли?

– Вот мешок. На кой столько?

– Это на всю деревню. Нюся, Вова, взяли хлеб и давайте с приезжими до тёти Маруси. Если она их примет – на обратной дороге разнесёте. А нет – так спросите ещё у бабы Анны и бабы Наташи, не возьмут ли они постояльцев.

Познакомились. Ольга и Дмитрий. Оба – симпатичные люди возрастом в районе пятидесяти; у неё заурядная внешность, но необыкновенные глаза, с неё бы икону писать. Что-то знакомое и вызывающее тревогу. Марья Кузьминична тряхнула головой: некогда, потом разберусь!

Минут через двадцать машина вновь остановилась напротив дома. Вова доложил:

– Хлеб раздали, на квартиру никто не пускает. Тётя Маруся в запое. Нюся пошла к бабе Пане с курочками знакомиться.

– Ох, самой пойти к Лене...

Лена руками замахала:

– Ты что, я ж никогда жильцов не беру. Да и не прибрано в горнице.

– Что ты там скрываешь?

Не слушая возражений, заглянула в горницу. Запах прели,

прогнивший потолок, четыре таза под протечками.

– Лена, что ж ты молчала! Крышу чинить надо!

– Маша, ничего не надо. На мой век хватит.

– Вот что, открывайте окна и выносите всё в сарай. Вы говорите, матрасы у вас надувные? Значит, кровати оставьте. Пойдём, Оля, я жидкость для полов дам, чтобы запах перебить. А после обеда мужиков организую, чтобы, значит, крышу залатали.

Через час всё население Второго Рясова собралось у крайнего дома. Супруги Зимины привезли на тачке два шиферных листа: «Старинный, шести волновой, как раз подойдёт!» Тогда и Паня позвала: «Эй, которые мастеровые, там у меня за сараем старые листы. Может, где подлатать, сгодится!»

Как ни странно, горожане Тимофей, Дмитрий и Валера работали очень уверенно, о чём не преминула съехидничать баба Наташа, деревенские, мол, никуда не годные, а городские – хоть куда. Тогда старик Рясов сказал: «Пойду за инструментом, боров и трубу прочищу, покуда чердак открыт». Наташа замолчала: печник он был не только знатный, но и на всю область один. Если в деревню заезжала какая-нибудь крутая тачка, значит, за ним из какого-нибудь барского посёлка богатеи прислали, чтобы камин сладил. Ребятишек с трудом удалось отправить за родниковой водой, чтобы под ногами не путались, а Марья Кузьминична стояла у калитки с невесткой и поясняла ей: да, старухи все местные, кроме неё и Зиминной, а из мужиков местный только Рясов. Да

все они тут Рясовы по реке и селу: река Тихая Ряса, а село Рясово. Паня по мужу Рясова, Анна и Лена по отцу, замужем не были. А Наташа Сенявина, а девичья у неё не знаю, но скорее всего тоже Рясова. И на той стороне чуть не половина жителей Рясовы. Поймала внимательный взгляд Ольги, она не просто прислушивалась, а жадно слушала. Опять это неприятно царапнуло, и опять отложила на потом, гости же у неё, не до чужих пока!

Вечером расспрашивала сына, кого из знакомых на родине навестил.

– Ну, ты же знаешь, я за двадцать лет здесь один раз был. Всё чужое. Один друг был с садовского горшка, Серёга. Но он, мне сказали, уехал накануне. Так и не повидались.

– Слава богу!

– Ты что?!

– Я, конечно, обещала никому не рассказывать. Но тебе – придётся...

Марья Кузьминична рассказала об убийстве Шумова и обо всём, что случилось потом. Валера слушал, облокотившись на стол и вцепившись в волосы.

– Да, слава богу, что не встретились...

– А что, – вмешалась вдруг в разговор Юля. – Он педофила убил. И всё нормально!

– А то, что чуть маму не убил?

– Но это же не всерьёз!

– Мам, скажи ей!

– Убил бы, если бы не подполковник.

– Но как же, вы же говорили, с детства он у вас дневал и ночевал...

– Благодарность, Юля – родственница совести. Ты дом Серёжкин видела? В таком доме совесть не живёт. Холуи его, конечно, на убийство не пошли бы. Но он бы в одиночку и убил, и расчленил, и в озере бы утопил.

– То есть вы шли на верную смерть? Но зачем?

– Надеялась договориться. И договорилась ведь.

– А если...

– А если бы наступило «если», дальше убивать он бы не осмелился.

– Мам, ты ради Наташки жизнью рисковала?

– Ради детей, сынок. Как они без мамы?

– У-у, – завыл Валера. – Ну, что ты за человек!

– Ты что плачешь, дядя Валера? – спросила Нюся, выпрыгивая из-за сарая. – У тебя голова болит, да? У тёти Маруси тоже голова болит. Потому что она водку пила. Ты водку не пей, тогда голова болеть не будет.

– Всё, Нюся, хватит, – строго сказала Марья Кузьминична. – Яйца курицу не учат. Где мальчики?

– Они подушками дерутся. У меня от них тоже голова болит!

Юля сорвалась с места. В дальнем домике метались тени, доносилось пыхтение и взвизгивание. У них ещё хватило ума не орать, чтобы не привлечь внимания взрослых! Дра-

лись Коля и Саша. Где Вова? Марья Кузьминична заглянула в ближний домик и хмыкнула: внук, утомлённый ранней побудкой, долгой дорогой и массой впечатлений, прилёг не раздеваясь и уснул. Спал под визг двоюродных братьев и писк комаров, налетевших в открытую дверь. Она накинула на него одеяло, включила ультразвуковой отпугиватель и прикрыла дверь.

Последующие три дня пролетели быстро. Вова с утра до обеда рыбачил. С двоюродными братьями общался, но близко не сошёлся; хотя младший из них Саша всего на год старше, но было им вместе неинтересно. Зато Нюся приезжим понравилась чрезвычайно. Они её и на руках таскали, и качели ей смастерили, и на старицу её водили. Юля как-то даже вздохнула: «Надо было девочку родить». Марья Кузьминична ей улыбнулась: «Не факт, что получилась бы девочка. Да и одно дело – вот так поиграть, а если бы как Вовке пришлось из памперсов вытряхивать, в сад приводить-уводить, да кашей кормить – взвыли бы!»

Ленина жиличка оказалась художницей. Уже на следующее утро Марья Кузьминична видела, как она прошла вверх по дороге с большим плоским ящиком, висящем на ремне, закинута на плечо. Вернувшись с рыбалки, Вова сказал, что видел её рисующей пустой дом. Бабушка пожалела плечами: может, он был интересен на взгляд художника, но жители и смотреть-то на него лишний раз не хотели. Называли его «поповским», вроде бы, до тридцатых годов это был дом

священника. Потом его репрессировали, семью выслали, а в доме сделали клуб. А в мезонине была библиотека. В пятидесятых клуб построили в центре села, а стоящий на отшибе большой бревенчатый дом вновь стал жилым. Обезлюдел он уже потом, но ещё до того, как Рясово стало Вторым, а после перемены русла реки наследники владельцев продали его за копейки столичным риелторам.

– Ба, а почему лужок под водой? В прошлое лето я по тропинке к ивам рыбачить ходил, а теперь вброд приходится.

– Пришлось затопить. Повадилась пьяная молодёжная компания туда ездить. Городские рыбаки, ты знаешь, наезжали, но вели себя прилично: костёр разжигали на старом кострище, мусор за собой прибирали. А эти по деревне гоняют на дикой скорости, орут, каждый раз на новом месте нагадят. Пробовали с ними поговорить, куда там! Ну, а лужок этот... его Тимофей не так давно, года три, наверное, как осушил. Там четыре ключа били. Он их почистил и отводные канавки к старице прокопал. А теперь мы их снова камнями завалили. И вода пошла на лужок.

– Перестали хулиганы ездить?

– Попробовали проехать. Завязли. Вызвали техпомощь. Они дёргать не стали, колёса приспустили и задним ходом выбрались. Этим бы уехать, а они у нас на площадке остановились, к бане спустились и начали замок сбивать: видите ли, заночевать там соизволят. А у Тимофея какой-то ключ электронный шпионский. Отмычка-декодер, вот! Он машину их

открыл, правда, при этом сигнализация заорала. Но, пока это хулиганье доверху добрались, мужики машину до порогов спустили и назад вернулись. Эти кинулись драться. Но наши чудо-богатыри Зимин и Рясов прихватили у меня во дворе по полону, и пришельцы отступили. Тимофей драку не предусмотрел, а они предусмотрели. Опыт не пропьёшь! Зато он потом сделал себе лук и начал тренироваться в стрельбе. Второй год Робин Гуда изображает.

– Ба, ты крутая!

– Я-то при чём? Мужики у нас защитники.

– Не-е, другая бабушка бы не пустила дедов воевать, а ты сама с ними ходила. А где все?

– Детство играет. Собрались у бани и соревнуются в стрельбе из лука. Э-э, не спеши! Пока не доешь, не пуцу! И флягу прихвати, назад с водой поднимешься. Да не беги ты, ребятам лук не достался. Мужики стреляют: дядя Валера, Дмитрий, Тимофей, даже деды. Дурдом!

Рано утром семья Валеры уехала. Дмитрий довёз их до шоссе и посадил на проходящий автобус.

– Эх, – сказала Нюся. – Беситься теперь не с кем!

– Да, избаловали тебя братаны. Будем исправлять. Марш мыть посуду! И фартук не забудь надеть!

Через день пошли дожди. Дети заскучали, особенно Вова. Если Нюся могла два часа сама с собой в куклы играть, то у него не было привычки к какому-нибудь домашнему хобби: чтению, шахматам, рисованию. Впрочем, как у большинства

его сверстников. Им бы в соцсетях шариться или в стрелялки играть. Глядя на его кислое лицо, заскучала и Нюся. Марья Кузьминична покопалась в шкафу и вытащила книгу:

– Вот, Нюсенька, мы с тобой сейчас книжку читаем. Когда я была школьницей, её в каком-то детском журнале печатали с продолжением. Я побольше тебя была, чуть ли не как Вова. Как я ждала, когда продолжение придёт! Когда у меня свои дети появились, я для них эту книжку купила. Вот, теперь внукам читаю!

Она начала читать ей «Путешествие Голубой стрелы», иногда косясь на внука. Вовка слушал с интересом. Тогда она сказала:

– А следующую главу тебе Вова читает, если ему не трудно, а то у меня горло заболело. Я пойду в горнице приберусь пока.

Она уже выплёскивала грязную воду, когда по тропинке к ней пришли Лена с квартиранткой. Повесила ведро на забор, поздоровалась, пригласила пройти. По дороге проехала от порогов машина.

– Крутая, – со знанием дела сказала старуха. – Наверное, за Рясовым.

Жиличка прислушалась к тому, что читает Вова, и с восторгом сказала:

– У нас в детдоме была такая! Я её так не хотела в библиотеку относить! Любимая книга была!

И осеклась. Видно, об этом периоде своей жизни она го-

ворить не хотела. Но тут у Марьи Кузьминичны телефон зазвонил. Зимин:

– Кузьминична, риелторы какую-то бедолагу привезли!

– Бегу! Так, внуки, сидим, читаем книжку, никуда не уходим. Я к Зиминым, – схватила сумку с аптечкой, увидела, что Лена, тоже ответив на звонок, собирается что-то сказать, перебила её. – Пойдём вместе, по дороге поговорим.

Вышли во двор, объяснили Ольге, в чём дело. Она сказала:

– Я сейчас Диму вызвою, он нас довезёт.

Нас? Ну, как хочет. Загрузились, поехали. Два голых фундамента от вывезенных в Рясово домов, потом Панин дом, потом снова пустое место, потом дом Анны, а вот и Паня спешит-переваливается. Посадили её, доехали до Марусиного дома мимо домов Наташи, Рясовых и Зиминых. Здесь стояла чужая машина и все жители Второго Рясова. Понятно, почему машину оставили здесь. Это ровная площадка на вершине улицы, далее дорога идёт всё время под гору после дома Тимофея, мимо «поповского» дома и развалившегося, который ранее тоже принадлежал риелторам, мимо затопленного луга и уходит под воду. Вот как, интересно, они переоформляют дома на новых жильцов после смерти предыдущих? А предыдущих, говорят, уже около десятка на Ссёлковском кладбище.

Вытирает глаза старуха Зимина, крестится Анна, тонко причитает Наташа. Поглядела Марья Кузьминична на шос-

се, по которому медленно вёл под руку их новую соседку какой-то пузан, а рядом идущая дама в узком платье и кожаной курточке держала над ней зонтик, и тоже чуть не завывала: хрупкая древняя старушка ростом, наверное, меньше полутора метров в мешковатом платье почти до щиколоток, в белых носочках с каёмочкой и туфельках тридцать второго размера на небольшом каблучке и в довершение всего – кружевная шляпка с обвисшими полями и маленькая сумочка на цепочке. Осанка просто царственная, прямые плечи и ровная спина.

– Господи, да ей же за девяносто, – выдохнула Ольга.

– Аристократка, – благоговейно прошептала Зиминая.

В это время зазвонил телефон у водителя риелторов. Очевидно, что ему звонила дама с зонтом. Он буркнул: «Сейчас!», нехотя вылез под дождь и рысью побежал под горку.

– Тимка, ты как хочешь, – сказал Зимин. – У тебя, может, в интернете биткоины и евро, а мне терять нечего: в одном кармане – вошь на аркане, в другом кармане – блоха на цепи. Давай свою бандуру, горит душа диверсанта.

– Тоже мне хакер, – буркнул Тимофей. – Командуй лучше, куда двинем?

– Не по асфальту, а то не ровен час, задавим кого. Вот здесь вдоль забора и по траве. Пусть вот с обрывчика в речку сиганёт, милое дело.

Пискнула сигнализация, мигнули фары. Зимин первый рванул дверцу:

– Тут сумки и коробки ветхие, бабкино барахло. А ну, живо, старухи, взяли по штуке и к Маруське в сарай!

Как ни странно, первой очнулась нетрезвая Маруська, схватила коробку, шепнула: «Марь Кузьминична, сверху ещё одну подай!» Марья Кузьминична вытащила коробку, поставила её на первую, потянула на себя сумку и ещё какой-то пакет и побежала вслед за Марусей. Сзади сипло дышала Паня. Когда они влетели в сарай, следом прибежали Рясовы с большим тюком, а потом Лена со шляпной коробкой. Зимина сгрузила поверх всего ветхий чемодан и весело гаркнула: «Последний! Расчёт окончен, товарищ командир!» Пока Маруся навешивала замок, бабки уже семенили по скользкой дорожке к опустевшей площадке. А мужики уже дотолкали автомобиль по размокшей земле до уклона. «И – раз!», – шепнул Зимин, и подбежавшие Маруся и Марья Кузьминична успели вместе с ними подтолкнуть машину. Она нырнула передними колёсами в ямку, а потом медленно поехала по скользкой земле, потом по гусиной травке, всё больше ускоряясь, и устремилась к реке. Завопили риелторы, кинулся наперерез шофёр и почти успел. Но вдруг на пути машины оказался большой камень, она умудрилась проехать по нему одним колесом, накренилась и изменила траекторию. «У-у», – взвыл разочарованно Зимин, поняв, что река остаётся в стороне. А автомобиль на сравнительно невысокой скорости пересёк лужайку перед «поповским» домом и врезался, нет, даже не врезался, а ткнулся в его боковую стену. «Как

телок к мамке», – поэтично выразилась потом Лена. Бежали к машине её хозяева, оскользаясь на мокрой траве и бросив старушку на дороге. И тут дом содрогнулся. Дрогнула бревенчатая стена, и вдруг брёвна рухнули на автомобиль. Потом несколько мгновений ничто не двигалось – и скользнули вниз ржавые листы бокового ската крыши. Грохот. И тишина! И в этой оглушительной тишине неожиданно звонко прозвучал голос обычно сиплого Зимина:

– Маруся, а у тебя не осталось?

– Пол четвертинки на завтрашний опохмел.

– Тащи, завтра Нинка моя тебя опохмелит! Обязательно надо сейчас по пять капель.

– Стой, никуда не ходи, я вынесу, – сказала Зимина и бодро заскользила по тропинке к дому. Когда потерпевшие, оставив растерянную старушку на дороге, добежали до Марусино дома, она уже возвращалась, прижав к груди две коробки и целлофановый мешочек с солёными огурцами. Из кармана грубого плаща виднелось горлышко с чёрной пробкой. – Сколько нас?

– Тринадцать, – ответила бабка Рясова. – Очень хорошее число.

– Я из горла, Надь, не волнуйся, – мигнул ей муж. Расставил стаканы из коробок на крышу машины Дмитрия и ловко разлил водку, оставив себе явно побольше, чем остальным. – Ну, за нашу и вашу свободу!

И присосался к горлышку.

– Будет вам свобода с небом в клеточку, – клокотала яростью женщина в кожаной курточке.

– Уйди, старушка, я в печали, – пробурчала Маруся, с сожалением ставя стакан в коробку. – Нина Борисовна, где посуду такую хорошую брала?

– Это я на поминки заготовила, как сюда нас помирать вывезли.

Больше всего, кажется, чёрных риелторов огорчило нежелание рясовцев обращать на них внимание. Шофёр шагнул к Марусе:

– Сейчас я вам устрою тут братские поминки!

Взвизгнула стрела и впилась в ботинок. Взвизгнул шофёр от неожиданной боли. Тимофей, неизвестно когда уже вернувшийся в дом, стоял на открытой веранде и натягивал лук:

– Следующая стрела воткнётся в плечо! Убивать не буду, но покалечу с удовольствием!

– Да что же это такое, – взвыла басом риелторша. – Мужчина, вы довезёте нас хотя бы до трассы?

– Не могу, – ответил Дмитрий, хрустя огурцом. – Я выпивши. Собутыльники, можно, я ещё один огурчик возьму? Исключительный вкус, прямо как малосольные.

– Кушай, Димочка, кушай, родимый. Я завтра Лене трёхлитровочку занесу. А хочешь, так сейчас заберёшь.

Рыкнула на своих мужиков риелторша. Шофёр, вырвавшийся из ноги стрелу, у которой вместо наконечника был большой гвоздь, разулся и ныл, глядя на ранку над пальцами. Пу-

затый по приказу начальницы добежал до старухи, вырвал у неё из рук нелепый купол большого зонта с крупными алыми розами на чёрном фоне и побежал назад.

– Кузьминична, что со старушкой делать? Эти ведь хриstopродавцы её с собой не заберут.

– Куда же ещё, придётся ко мне. Давайте, Дмитрий, спускайтесь к ней.

Их встретил абсолютно безмятежный взгляд старой дамы из-под обвисших мокрых полей шляпки кружевного шитья. Удивительно, что Дмитрий, не выглядевший рафинированным интеллигентом, сразу нашёл нужный тон. Он содрал чехол с сиденья, ужом выскользнул из-за руля, по-гусарски щёлкнул каблуками, пробормотал: «Мадам, позвольте!», завернул, бережно взял на руки и усадил на заднее сиденье. Рядом примостились Лена и Ольга, впереди устроилась Марья Кузьминична. Когда они вернулись к площадке, Рясов махнул рукой. Машина притормозила, он спросил:

– Кузьминична, ты клятву Гипро... это... Гриппо... тьфу, словом, клятву давала врачебную? Будешь этому заср... этому му... жику рану обрабатывать?

– Я из доисторических времён. Мы клятву советского медика давали, да и то на первом курсе. Я и текст забыла, и не советская уже, да и не медик. Так, пенсионерка. Отойди от машины, ехать надо, а то пожилую даму застудим.

На горницу эта царственная особа взглянула с таким изумлением, что хозяйка даже устыдилась: «Может, во вре-

мянку пожелаете?» Прошли по двору, открыли дверь дальнего домика, она заглянула туда и впервые открыла рот:

– Турбаза! – засмеялась и хлопнула в ладоши. – Я в Кутаси отдыхала.

– Ну, слава богу, – шепнула Лена. – А то, я уж думала, она нас в угол поставит!

Накрыв гостью ватным одеялом, Марья Кузьминична вышла во двор и увидела, как мимо дома проехало такси.

– Что-то быстро за ними приехали, – с тревогой глядя ему вслед, сказала она. – Дмитрий, не откажите в любезности, домчитесь до Тимофея, перевезите ко мне вещи старухи и все улики: лук, стрелы, декодер. А я Зимину позвоню, чтобы проконтролировал. Да, и на дороге приберитесь, чтобы, значит, следов ранения не осталось. Ну, на гвоздь мужик напоролся!

Зимин пояснил, что такси привезло к Наташе внука с семьёй:

– Повезло паразитам. Погрузились на такси с матом, обещались вернуться с полицией. А что с нас взять? Все будут говорить одно и то же: поехала вдруг машина, никто её не трогал. Она у них только из салона, бракованная, наверное. Или на тормоза шофёр не поставил. Поехала сама, дом подшибла. Пусть теперь выковыривают. Если какие улики обнаружат, валите всё на меня. У меня в собственности только дом, и даже без земли. Пусть забирают, в тюрьме хуже не будет!

Приковыляла Паня и с восхищением сказала:

– Глянь, я этой принцесске престарелой яичек свеженьких отварила. Так она мне: «Уберите, я это не ем! Это плохой хрен-стеарин!»

Марья Кузьминична не выдержала:

– Паня, неужели ты никогда не слышала про холестерин? Да задолбали им в телевизионной рекламе!

– Я, Маша, под рекламу на ведро бегу!

На следующее утро у дома Марьи Кузьминичны остановилось аж четыре машины. Вертевшуюся у калитки Нюсю окликнул Рясовский участковый:

– Эй, малая, бабку позови!

Нюся задумалась. Потом догадалась:

– Это вы к старенькой бабушке? – и убежала за дом. Вернувшись, старательно выговорила. – Она не пойдёт, это не комильфо... а дальше я не помню. Сами разговаривайте!

Марья Кузьминична, конечно, этот разговор слышала. Специально не вышла, слово «бабка» действовало на неё словно красная тряпка на быка. Но теперь появилась из дома:

– Неужто совесть проснулась? За ограбленной и брошенной на дороге бабушкой вернулись? Нюся, быстро в дом, опять дождь накрапывает!

– Огородникова, что там у вас за разбой? Собирайся и подходи к поповскому дому!

– А на что так глядеть? Ладно, завтра, обещали, дождь

прекратится. Тогда схожу.

– Немедленно!

– погоди, милоч, а что это ты раскомандовался?

– Я полицейский!

– Вижу, дорогой, что рубашка, которая на пузе не сходится, у тебя форменная.

– Марья Кузьминична, – вмешался глава Рясовской администрации. – Ваше присутствие как старосты деревни, то есть представителя местного самоуправления, требуется на месте происшествия.

– Это я понимаю. А пострадавшая вас интересуется?

– Пострадавшие – вот.

– Излагаю события вчерашнего дня: эти, как вы говорите, пострадавшие приехали в нашу деревню, привезли с собой беспомощную девяностолетнюю старуху в аварийный полуразрушенный дом. Оставили машину на самом высоком месте шоссе, и то ли тормоза не включили, то ли она у них неисправная была. Машина съехала сама по себе с горки, врезалась в дом, даже не врезалась, а так... приткнулась. И стена обрушилась, погребя под собой автомобиль. Они отбирают у старухи зонтик, бросают её посреди дороги и уезжают на такси. Вопрос: зачем приезжали? Вы как лицо ответственное, можете мне подтвердить, что у этих граждан на сегодняшний день есть в нашей деревне собственность?

– Да, «поповский» дом их.

– То есть Щербатова Раиса Тихоновна в нашей деревне

никакой собственностью не владеет и не зарегистрирована?

– Нет.

– Отлично! Тогда я сейчас вызову такси и отвезу её в Новогорск в её квартиру.

– Э, подождите, – вмешалась риелторша, которая вчера была в куртке, а сегодня в плаще. – Мы у неё квартиру купили, а этот дом продали!

– Я так понимаю, что документов о купле-продаже нет?

Судя по тому, как она скривилась, с документами не всё было в порядке. Марья Кузьминична вспомнила, что, когда они таскали старушкины вещи, там оставались портфель и папка, которые они не тронули, понимая, что ей они принадлежать не могли. Господи, уж впутались в уголовщину, так надо было идти до конца! Ну, почему ни один из деревенских не покусился на барахло этих негодяев? Понятно, что теперь они захотят разобрать завалы, чтобы вытащить документы. А ведь вчера вечером мужики брали у неё насос и шланги, пытаясь размыть почву, чтобы уничтожить следы рядом с машиной. Заодно они пытались подмыть фундамент дома, чтобы другие стены рухнули, и следа его на земле не осталось. Но, конечно, ничего не вышло.

– Ладно, вы зачем приехали-то?

– Разобрать заявление о правонарушении.

– Пошли!

Подъехала «Лада» Дмитрия:

– Карета подана, Марья Кузьминична. А то мне Вова ска-

зал, что эти важные особы хотят заставить вас пешком по деревне под дождём идти.

– Вот! Этот с ними был!

– С кем? Со здешними? Пил! Не запрещено!

– Документы!

Участковый взглянул в удостоверение, которое Дмитрий показал ему из своих рук и козырнул:

– Ну, зачем же вам беспокоиться? Потеснятся дамы вон в той машине.

– Никого не надо теснить. Меня очень интересует, как у вас заявления граждан разбираются.

– Вова, на телефоне, – скомандовала Марья Кузьминична. – Охраняешь стариков и детей. В случае нападения звони.

– Ба-а, – заныл Вова.

– Вова, недаром они её вчера на смерть здесь бросили. Бди! Вдруг добивать сунутся? Запритесь на всякий случай!

Усевшись в машину, спросила:

– Да вы никак полицейский, Дмитрий?

– А вы против?

– Профессия не хуже других. Но что же вы наши противоправные действия не пресекли?

– А я в отпуске.

Снова, как и вчера, подхватили по дороге Паню. Снова, как и вчера, все остальные их опередили и уже стояли на площадке перед домом Маруси. Дальше всё пошло по сце-

нарию «бодались два барана»: участковый захотел обыскать жилище Тимофея – хозяин попросил предъявить постановление; участковый потребовал выдать лук – его подняли на смех, мол, на всю деревню один приезжий мальчик, и тот ходит с удочкой, а не с луком. Дмитрий слонялся вокруг и по-свистывал. Когда услышал про лук, показал на Марусин забор – вот, мол, гвоздь торчит, если бы не дождь, увидели бы вы кровь того придурка, который пнул этот забор и проткнул им ботинок. Марья Кузьминична не сомневалась, что он сам забил этот гвоздь, отломав его от стрелы, это ведь она послала его уничтожить улики. Про машину она сказала: «Ваши слова против наших слов – и что дальше?» Пузатый мужик сказал, что в машине есть видеорегистратор, и всё будет ясно, как только его оттуда изымут. Деревенские приуныли, но Зимин махнул рукой в сторону завала: «Бог в помощь!»

А без божьей помощи тут было не обойтись. Утренний морозящий дождичек к полудню усилился и превратился в ливень. Деревенские, нахватавшие а Ссёлковском магазине дешёвых прозрачных плащей с капюшонами и привыкшие к калошам, расположились на пригорке и ждали продолжения банкета. Приезжие, пошумев и помахав руками, вызвали из Пружинска кран. Марья Кузьминична махнула развела руками и сказала, что ей пора кормить детей, да и «аристократку» – у всех режим. Дмитрий повёз её и жену, Наташа тоже пошла кормить гостей, остальные решили сварить у Маруси картошки и перекусить всем вместе («Перед посад-

кой», – шепнул Зимин). Через час приехал кран, и пообедавшие и согревшиеся дома Ольга, Дмитрий и Марья Кузьминична поехали следом за ним. Но не успели. Как рассказали им радостные земляки, кран не доехал до завала. От лёгкого сотрясения от берега откололся пласт земли, и вся эта куча дерева и железа сползла в речку. Вода огибала эту кучу, выбивая и унося брёвнышки по одному.

– Как в Сибири, – вздохнула Маруся.

– Почему в Сибири?

– Лесосплав...

– А машина где?

– Где-то под кровельным железом.

На следующий день небо очистилось, выглянуло солнце. После завтрака зашли Лена с Ольгой. Лена присела на кресло и вздохнула:

– Отплакало небо всех усопших, кого стены «поповского» дома помнили. А было их... ой, сколько же их было! И хозяйева, и грабители, и строители, и разрушители, и неистовые, и слабые, и грешники, и праведники. Не все царствия небесного достойны, но пусть всем земля пухом будет и обрящут покой души их.

– Расскажите о них, тётя Лена, – попросила Ольга.

– Да я-то сама тридцать девятого года, а церковь нашу не то в тридцатом, не то в тридцать втором закрыли. Так что семью Ивановских не застала. А потом... да что потом, временщики! Последнего-то в моём гробу схоронили... что-то

я вздремнуть захотела...

И пошла через двор мимо бочек с водой.

– Как это «в моём гробу»? – шёпотом спросила Ольга.

– Да дело житейское. У нас же не всегда дорога. Вот так умрёшь – а ты на острове. И что, неприбранной лежать, пока вода сойдёт? На этот случай наши старухи заранее гроб покупают.

– Ой, а где хранят?

– Где-где! В сарае!

– И у тёти Лены?

– В погребнице. Всё, как положено. Сами ткань для обивки подбирают, ленты, крышка на двух гвоздях. Целлофаном прикрыт, а сверху ещё тряпками, чтобы не выгорал. У нас самая старшая Наташа, она уже дважды свой гроб отдавала, этот – третий. Анна сверстница Лены, на несколько лет моложе. Рясовы тоже где-то с конца-середины тридцатых, у них один на двоих, кто первый помрёт, тому и достанется.

– А... вы?

– А я приезжая. Мы налегке в чужой дом приезжаем, в чужой домовине из дома уходим.

– Ужас какой!

– Моя мама так же считала про «смертный узел», что бабки собирают. Говорила: «Поверх земли не оставят». Но, когда она умерла, я у неё в шкафу всё нашла, только по отдельности лежащее. Это ведь не о себе забота, а о близких, чтобы не метались они, собирая тебя в последний путь. Лад-

но, будет о грустном, давай о тебе поговорим. Кого или что ты разыскиваешь? Да не майся ты, это же очевидно! Твой Дмитрий – полицейский, почему не помогает? Я же вижу, что вы очень хорошая пара. И в то же время вид у тебя совсем несчастный. Что случилось, открой душу, самой легче станет.

– Я не из-за поисков несчастная. Поиск мне Дима предложил, чтобы отвлечь. В общем, дочь у меня... ей всего девятнадцать. В прошлом году замуж вышла. Месяц назад родила двойню. Мальчики. Ну вот, а меня не допускают...

Марья Кузьминична слушала, поражаясь, как всё схоже в отношениях отцов и детей. Родители думают, что взрослые дети всё ещё глупы и должны к ним прислушиваться, а дети – что родители своё отжили и должны жить только их интересами. У Ольги брак с Дмитрием официально второй, а практически третий. Выйдя замуж молоденькой за однокурсника, она через несколько лет с ним развелась, и уже после тридцати сошлась с мужчиной, от которого родила дочь. С ним семья тоже не получилась, воспитывала она Нику одна. Пять лет назад познакомилась с Дмитрием, но дочь-подросток встретила его в штыки. Как он ни пытался наладить отношения, Ника была категорически против. Прямо матери условия поставила: или он – или дочь. Тут ещё, будь она неладна, влезла в их жизнь её несостоявшаяся свекровь, мать биологического отца Ники, предложила внучке к ней переселиться, мол, мать тебя на мужика променяла. Ольга порва-

ла с Дмитрием, чтобы не потерять дочь. Полгода страдала по нему, потом потихоньку возобновила отношения. Встречались тайком, хотя и он давно в разводе, два взрослых сына, живущих отдельно – не помеха, и она не замужем.

– А как у тебя с деньгами было?

– В корень зрите! Нормально у меня было с деньгами!

Специализация Ольги – декоративно-прикладное искусство. В этой сфере она достаточно популярна и даже титулована. Когда-то работала на фарфоровой фабрике в Подмоскowie, потом предложила другим сувенирным предприятиям свои разработки, и уже много лет работает дома. Самой ей много не надо, а дочь у неё имела всё, что пожелает. В разумных, конечно, пределах. Но достатка не скрыть. Так что бабушка на внучку навалилась не случайно, она сначала хотела Ольгу снова свести со своим никчёмным сыночком, а когда поняла, что этот номер не пройдёт, решила девочку к себе переманить и алименты потребовать. К счастью, Ника училась хорошо и считать умела, недаром после школы поступила на экономический. Матери удалось объяснить подростку, что весь её доход на них двоих больше, чем четверть, которая будет делиться на Нику, бабушку и отца.

Когда этот конфликт начался, Ольга поняла, что для свободы требуется жильё. И вступила в ипотеку. Купила двухкомнатную квартиру и скрывала это, продолжая жить с дочерью в однокомнатной, чтобы избежать подозрений. Думала, вырастет дочь, создаст семью, а она им бац квартиру –

и свободна! Но не тут-то было. Зять у неё нормальный, но его мать – диктатор. Когда к свадьбе готовились, Ольга предложила, что будет снимать для молодых квартиру. Нет, заявила будущая свекровь, невестка молодая и абсолютно ничего не умеет. Будет жить с родителями и учиться строить семью, которой никогда не имела, поскольку дочь детдомовки. В общем, оказалось, что свекровушка-змеиная головушка уже влезла в эту семью и спелась с коллегой. И дочь с их уст вторила: я ничего не видела хорошего, ты меня бросала, потому что тебя бросили!

– Вы представляете, мне ещё пришлось оплатить часть свадьбы за гостей, которых я не звала: за сожителя, его маму, Никиных подружек. А она даже крёстных своих не соизволила пригласить! Я не выдержала и сказала: «По-моему, вот это совсем как у безродных – крёстных не звать. Или вы не православные?» Им крыть нечем: «Что же ты, Никочка?» А она хотела, чтобы я поневоле на свадьбе с отцом и бабкой общалась, больше-то никого не знаю. Крёстный её – Ванька, одноклассник мой, самый близкий друг по детдому. Жена его, Люся – тоже наша. Живут в Твери, работают на вагонзаводе, общаемся не часто, но душевно. И подарков они ей дарили побольше, чем этот так называемый отец. А крёстная – моя подружка по художественному училищу Юлька. Конечно, богема, но друг верный. А Ника их так обидела! Только ради меня пошли. И вот, вы понимаете, на свадьбе меня ждал сюрприз. У них по сценарию мы должны были вдвоём

из темноты с этим так называемым отцом свечу выносить, передавать молодым и потом целоваться! А называется это «свеча любви». Это же унижение! Если бы я была на свадьбе одна, я бы всё это вынуждена была терпеть. А тут друзья! Ну, Ванька ловко так опрокинул на папашу греческий салат, а пока он отряхивался, схватил своей ручищей и руку мою, и свечу, и вывел из темноты. И поцеловал. Ника взвыла: «Дядя Ваня, ты что?» А Ванька поворачивается к ней и говорит: «Ника, пришла пора узнать тебе правду. Недаром ты носишь мою фамилию и отчество!» А Витька от меня ушёл ещё до рождения Ники, и я взяла и записала её Ивановной в честь Ивана, родства не помнящего. А фамилия у нас по детдому одна – Тверитиновы. Люська Ваньке подыграла: «Да, Ника, ты наша! А Ваньку с Ольгой я простила!» и вишенкой на торте – Юлькин театральный шёпот на весь зал: «Видишь ли, Витькина спермограмма оказалась нулевой». В общем, сваты показали нам на выход. Мы ушли, хотя Юлька сопротивлялась: «За чей счёт банкет?» Потом Люська: «Неудобно, поели-попили, а подарок не вручили». А Юлька: «На развод вручите». И мы поехали к Диме. Утром все вместе пошли в Дворец бракосочетаний, и мы с Димой подали заявление. А вечером улетели в Рим.

– А дочь?

– Дима отобрал у меня телефон и купил новый. А старый отдал Юльке, чтобы с моими заказчиками переговоры вела. Кстати, она и жила тогда у меня, с очередным бойфрендом

разбегалась. Ника в квартиру ворвалась – там Юлька. По телефону звонит – опять Юлька! Так что выяснение отношений было отложено на две недели.

– И что она говорила?

– Что я ей не мать.

– А ты?

– Марья Кузьминична, я сдалась! Я сказала: не мать – так не мать. Насильно мил не будешь. Иди к своей второй маме!

– А деньги?

– Ну, деньги... даю, конечно. Она ещё истерику закатила, когда узнала, что мы с Димой поженились: «На мужика меня променяла». При Диме. А он ей: «Это ты мать на мужика променяла». Она опешила. Потом: «Я молодая!» А он: «А мать твою старая. Ей горшок нужно подавать. Если я уйду, ты вернёшься, чтобы подавать?»

– Ладно, Оля, всё образуется. Два малыша – это не келодидный рубец, от гипноза не рассосётся. Свекрови надолго не хватит, и дочь поневоле приползёт к тебе. Только ты не бросайся грудью на амбразуру, дождись, чтобы она осознала, что обидела тебя.

– Дима то же самое говорит. Так вот, когда меня к внукам не пустили, он взял отпуск и повёз меня сюда.

– Зачем?

– Дима предложил мне разыскать моих родных. Я немного помню свою семью, но мало. Помню, что мама рыдала и ругалась, а папа гладил меня по головке. Потом мама уеха-

ла, а папа запил. А потом меня отвезли в детдом. Это был такой шок! Но я быстро привыкла. В общем-то, не так там было плохо. У нас были добрые воспитатели, очень хорошая директор и дружные ребята. А Дима съездил туда и узнал то, что было до детдома. Не думайте, он не полицейский... то есть он, конечно, майор, но не детектив, не сыщик, просто оцифровывает старые дела в архиве. Вот!

– Я это поняла, когда увидела забитый им гвоздь.

Посмеялись. Ольга продолжила:

– В общем, Тверитинова – детдомовская фамилия. Поэтому мы с Ванькой однофамильцы. Ему в доме малютки фамилию дали, он подкидыш. А у меня папина... то есть приёмного папы. Он тоже детдомовский был. У них с женой не было детей, и они взяли меня из дома малютки...

– ... где твоя фамилия была Рясова?

– Да! Понимаете, местный архив сгорел. Но Дима догадался сходить в больничный архив и нашёл карточку моей биологической матери. Она тоже испорченная оказалась, мыши её погрызли. Вот ксерокопии.

– Да, место прописки – Рясово Пружинского района. Специально так далеко заехала, чтобы родить и бросить. Ты предполагаешь, что буква «Н» – инициал?

– Да. Только неизвестно какой. То ли имя, то ли отчество.

– А в большом Рясово вы были?

– Да, там мы в сельсовете у секретаря просмотрели похожие книги. Они заведены бог знает когда, в конце

пятидесятых. Дима сказал, что расследует старое дело, и мы два дня сидели с книгами. Там много Рясовых с «Н», но женщин детородного возраста на 61 год всего две, обе умерли. А у вас – почти все!

– Да... Паня – Прасковья Никитична, Лена – Николаевна, Наташа, Надя... вот Анна – Тихоновна, хоть одна вне подозрений. Спасибо, мы с Ниной приезжие. Три дома, где москвичи – там жили Воскобойниковы, Чулковы и Филины, в развалившихся – тоже другие фамилии. Наши «Н» все в тридцатых рождены кроме Анны, та, если я не ошибаюсь, сорок четвёртого, но она и по буквам не подходит. Что я тебе скажу, моя дорогая? Очень жестока к тебе жизнь. Дважды предали матери, а теперь дочь предаёт. Я сама мать, уверяю тебя, дочь вернётся. Я не детдомовская, но от младшего сына тоже, знаешь ли... но не будем о грустном. Оля, нет в нашей деревне твоей матери. Насчёт Лены: у неё один свет в окошке – племянник Феденька. Кажется, шестидесятого года. Он с малых лет по тюрьмам, а она ему посылки отсылает. Раньше навещала, теперь уж не доехать. Замужем не была.

– Да, я понимаю, такая добрая женщина ребёнка бросить не могла.

– У Пани дочь твоих лет была или чуть помоложе. Как говорят сейчас, с особенностями развития. Дожила лет до двадцати пяти. Они с мужем в ней души не чаяли. Бросила бы она такую красотку, как ты? Да никогда! Наташа... у неё к 61 году было не то двое, не то трое. Ой, погоди! Она

сына Юркой назвала, потому что перед его рождением Гагарин полетел. Алиби, в сентябре никак родить не могла! Мать Анны. Семнадцать Анне было. Мать, возможно, была ещё в фертильном возрасте.

– Вот, я записала. Нонна, 39 лет.

– Да? С ума сойти! Всё село под подозрением! Но с биографией у неё... да...

– Что?

– Никто не говорит. Могу только предположить. Вскоре после оккупации Анна рождена.

– От немца?

– Или от полицая. наших мужиков в ту пору здесь не было. И на мать, и на неё смотрели как на прокажённых. С детства мать её по храмам и монастырям таскала. Лучше бы в город отправила! Нет, святоша она! Второй раз не допустила бы беременности. Ну, и Надя Рясова. Они поженились 45 лет назад, в 66-м. Зимой по случаю сапфировой свадьбы поляну накрывали. Значит, Рясовой она в 61-м не была!

– Как же так?

– А так. Кто-то из этих «Н», может, из наших, может, из тех, кто умерли, свой паспорт дал напрокат. И не факт, что знал, зачем. И за полвека забыл напрочь. Мамаша твоя, скорее всего, была просто молоденькая глупенькая девчонка. В те годы не такой уж это считался грех – в девках родить. Я, например, за десять лет до тебя вне брака рождена. И оба брата моих. Правда, отец нас усыновил. Только не сразу, а

когда старший уже в первый класс пошёл. Плюнь на родословную, Оля! У тебя есть Дмитрий! У тебя есть Юля, Ваня, Люся. У тебя есть и будет дочь, у тебя будут внуки, и ты ещё взвоешь от них. Живи сегодня!

Через день Марья Кузьминична со вздохом сказала:

– Ещё неделя – и я рухну. По двору она ходит, но в сортир зайти не соизволит. Есть принесу – отпускает царственным кивком. Мне нетрудно тарелку супа налить и ведро за ней вынести. Но чего ради?

– Бывают такие люди, – вздохнула Ольга. – Так себя ставят, что всё время чувствуешь себя перед ними виноватой. Ладно вы и тётя Лена, но ведь даже тётя Паня, которая за свою птицеферму, уж простите, удавится! Яйца соседям продаёт по совсем невыносимой цене. А ей несёт с поклоном за так и терпит, что эта барыня объедает белок, а желток сбрасывает на землю.

– Ох, была у нас такая одна, – оживилась Лена. – В поповском доме они жили. Он – директор школы, приезжий. А жена его местная была, из Чулковых. На вид – без слёз не взглянешь. А вела себя как наша Раиса Тихоновна. Мы, Онисифоровы!

– Знакомая фамилия, – сказала Ольга. – Художник такой есть, довольно известный.

– Художник? Ну, Венька их, вправду, всё в тетрадке чиркал. Врать не буду, не видела, он не давал заглянуть. Да я не интересовалась. Он помоложе меня был, на таких внимания

не обращаешь.

– Точно! Вениамин Онисифоров! Неужели местный?

– Вы про Веника, что ль?

Это Паня появилась. Она поглядела на скамейки у стола во дворе, за которым сидели женщины, и решила, что места для её обширной фигуры маловато. По-хозяйски зашла на терраску и вынесла себе старое кресло. Уселась, похлопала по подлокотникам и продолжила:

– Мозгляк был – соплёй перешибёшь. В шпиёны годился – за швабру спрятаться мог. Родители у него не то: папаша видный такой, сам с водонапорную башню, шея шире морды, а уж мамашка как рюмашка: плечи коромыслом, грудь шилом, зад колесом. Но рисовал он, я вам скажу, баско.

– Когда это ты углядела?

– Да как-то он на кралю нашу засмотрелся, на Анну. А я мальчишке за спину зашла. Он её нарисовал как на карте даму. Ну, знаешь, кокошник такой с висюльками. Похоже! Она же вечно с надвинутым платком ходила. Сгубила родительница дочь за свой грех! В ту пору кто из мужиков на девку смотрел, прямо дурели. А она глаза в землю, ни на кого не глядела. Так и прожила вековухой.

Из-за дома выбежала Нюся:

– Бабушка! Вот!

На фартук была приколата брошь в виде розы со стекляшками-росинками на лепестках. Паня простодушно спросила:

– Нюсенька, у тебя фартук новый? Какой красивый, как у

школьницы! С крылышками!

Нюся возмутилась:

– Баба Паня, ты не видишь, что ли? Это драгоценность!

Раиса Тихоновна подарила!

– А-а! Графская бирюлька!

– Ага! Графские брюлики, – подтвердил Вова.

От калитки Тимофей позвал:

– Вова, Нюся, пошли за водой!

– Мужики, потом зайдите, посоветоваться надо! Слава богу, от игрушки своей оторвались!

Второй день деды с Тимофеем вытаскивали из реки брёвна. Паня завидовала: дрова бесплатные. Марья Кузьминична отмахнулась: если бы! Они паром собрались делать, чтобы в Рясово переправляться.

Советовались о том, как избавиться от «графини». Паня предложила «прописать в газете». Тимофей сказал, что это «прошлый век» и предложил разместить материал в интернете. Зимин заспорил, что телевидение доходчивее. Пришёл Дмитрий, послушал и сказал:

– Если вы говорите о воздействии на электоральное поведение, то телевидение в провинции, безусловно, предпочтительнее.

– Чевой-то? – спросила Паня.

– По телевизору будем нашу аристократку показывать, – пояснила Марья Кузьминична.

– А есть ли у кого-то интерес ударить по силовикам? –

спросил Дмитрий.

– Какие силовики? Участковый, что ли, наш?

– Квартиры в областном центре – это уровень очень высокий. Куда участковым!

– Тогда бесполезно...

– Нет, почему, – оживился Зимин. – Этот кандидат, который бесноватый, он очень о коррупции в полиции надрывается.

– Тогда пошли ко мне, видео на флешку сгоним, – сказал Тимофей.

– А что нужно?

Тимофей пожал плечами. Марья Кузьминична оглядела присутствующих и поняла, что в журналистике все ни уха, ни рыла. Поэтому скомандовала:

– Дмитрий, вы много снимали. Посмотрите, есть ли панорама села, желательно со стороны шоссе, старики на улице и в огородах, трансформаторная будка как единственный атрибут цивилизации. Поповский дом до и после.

– У меня есть, где риелторы бабульку под дождём ведут.

– Чудненько! А ещё завтра по дороге в Новогорск надо заехать на наше кладбище и снять участок, где пришельцы лежат.

Вывела Нюся гостью за руку. Дмитрий схватился за фотоаппарат и тоже сказал: «Чудненько!»

Когда гости разошлись, уходившая последней Ольга сказала:

– Марья Кузьминична, я немного разбираюсь в таких вещах. Эта брошь, которую наша аристократка Нюсе приколотла... я её разглядела, пока перекалывала и Нюсю перед фотографированием прихорашивала. Брошь золотая, на вид ей лет полтора. Камни – горный хрусталь. Стоимость определить не возьмусь, но от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч.

– Господи боже мой!

– Так что лучше её старухе вернуть, причём в присутствии свидетелей.

– Спасибо, Оля! Сейчас я у неё заберу и припрячу, а потом торжественно верну владелице.

– Плакать будет?

– Выменяю на что-нибудь.

Договорилась она с Нюсей легко. Брошь ей было жалко, но бабушка объяснила, что вещь очень дорогая, и несправедливо грабить бездомную старушку. Поэтому она предлагает ей взамен вазу из цветного стекла в форме рыбы, которая Нюсе очень нравится.

– Насовсем?!

– Насовсем! Хочешь – разбей, хочешь – в приданое отложи.

Нюся стала выяснять, что такое приданое, и идея ей очень понравилась. Она даже решила не есть все конфеты, которыми её баба Паня угостила, и тоже отложить в приданое.

В областной центр поехали втроем: Дмитрий, поскольку

при транспорте и удостоверении, Зимин как местный уроженец и знаток текущего политического момента и Марья Кузьминична как представитель местного самоуправления.

Сначала заехали в филиал ВГТРК. Зимин скривился, эти, мол, всегда за правящую партию. Марья Кузьминична плечами пожала: тогда здесь я договариваться буду, а в той, которая за бесноватого топит – ты. Выписали пропуск, объяснив, что привезли видеоматериал. Милой женщине Ангелине, лицо которой знакомо по новостным программам и интервью, Марья Кузьминична сухо изложила суть дела и против кого их материал направлен:

– Вы не удивляйтесь, что мы к вам обратились, хотя, вроде бы, тема против вашего кандидата...

– Мы нейтральны...

– Даже спорить не буду! Просто вы же понимаете, что на других каналах это может прозвучать под другую музыку. Мы в нашем Втором Рясово все старые, в сказки не верим, зло побеждать в губернском масштабе не собираемся. Нам бы для одной конкретной старушки справедливость восстановить! Будет стоить это для вашего... ладно, для не вашего кандидата довольно дёшево. Обещал наказать самое коррумпированное лицо из силовиков в этой компании, постового какого-нибудь, погрозил пальчиком риелтору, который, кстати, оформил это дело не полностью и грязно, взял под локоток девяностолетнюю старуху и торжественно вернул её в квартиру. Для пиара ещё можно потолок ей в прихожей

побелить и чайник подарить. Электорат давится соплями.

– Как вы циничны, – засмеялась телевизионщица. – Вы можете подождать десять минут? Я переговорю с начальством.

Вернулась она даже раньше:

– Давайте, пока ваш видеоматериал посмотрим. Пойдёмте в монтажную.

Шустрый мальчонка в джинсовой жилеточке начал в ускоренном темпе просматривать их материал, ведущая скороговоркой поясняла, что он иллюстрирует. Потом он замедлил скорость, вернулся назад, ещё раз просмотрел и сказал:

– Снято хорошо, фрагменты нарезаны со смыслом. А от кадров «дороги никуда» со старушкой, которую ведут на заклятие – просто мороз по коже. Кладбище – вообще бомба! Кто придумал на табличках писать, сколько люди на вашем Острове Невезения прожили?

– Те, кто хоронил.

– Ладно, давайте ваш монолог запишем.

– А вы ещё один фрагмент не смотрели.

Еще один мужик в это небольшое помещение протиснулся. Мальчонка включил звук. Дмитрий записал Лену, облокотившуюся на подоконник. За окном шумит дождь, она говорит:

– У нас ведь в Рясово фашист стоял полгода, я, конечно, не помню, маманька моя рассказывала. Говорила она, что не так страшны были эти ироды... про них всё ясно, они враги,

они себя хозяевами чувствуют. А страшны свои, которые к ним переметнулись, они спешат урвать, пока их те или эти не придушили. Я сейчас гляжу и думаю: наши-то отцы за нашу землю полегли, и мы потомства не дали, а те, кто врагам прислуживал, своих детей-внуков научили, как нас душить, никого не жалея...

– Жесть, – пробормотал мальчонка в жилеточке.

– Лина, к вечернему блоку смонтируете? – спросил вновь прибывший.

– Да как же, а съездить?

– А давайте к квартире Щербатовой съездим. И к риелтору, – предложила Марья Кузьминична, смекнув, что новый мужик из начальства, и что получено добро. – Потолок-то побелят?

– И чайник подарят, – подмигнул он ей и вышел.

Когда они вернулись в деревню, у их палисадника надрывалась Наташа, пытаясь позвать своего правнука, который носился с Нюсей вокруг колодезного ворота. Увидев Марью Кузьминичну, Нюся бросилась к ней.

– Так, внучка моя уже бесприданница.

– Чего?

– Чего-чего, съела ты своё приданое, да? Вон лицо и руки какие грязные да липкие.

– Да ладно, бабушка, не пойду я в замуж! Ещё конфеты ему отдавать и вазочку! Буду как мама без мужа!

– Ладно, пошли домой! Незамужним умываться всё равно

нужно!

Во дворе их встретила Ольга:

– А мой где? Как съездили?

– Зимина завезёт и хлеб раздаст. Сейчас будет. Съездили нормально, сегодня по телеку нас покажут. У тебя что-то случилось? Ты вся вздёрнутая.

– Ника позвонила!

– Чего просит, денег или помощи?

– Она плакала. Говорит, они ей спать не дают, заставляют готовить и убираться, мальчики плачут всё время.

– Так в семье и бывает.

– Я позвонила Юльке, и она за ней приехала. Увозом забрала, с прогулки, безо всего. Юлька говорит, она дошла до крайней степени истощения. Увезла её на дачу к одним знакомым. Хозяйка – наша однокурсница, у неё и дети, и внуки... опытная. Вызвала своего врача. Она говорит, детям не хватает молока, а матери – отдыха. Ника спит уже четыре часа. Они одного мальчика ей поднесли, она кормила не просыпаясь, другого кормили уже детским питанием. Мне надо ехать!

– И что? Рванёшь к ней и будешь в попу дуть? Дмитрия побоку?

– Нет, что вы! Я поселю её в своей квартире, буду приезжать, чтобы помочь, но жить я буду с Димой. Только откормлю её немного и подлечу.

– Хочется верить.

Вечером смотрели телевизор. Сюжет в 7 минут: на фоне съёмок Дмитрия Ангелина скороговоркой дала краткую характеристику деревне, историю риелторских афер и их итог, потом рассказала о последней сделке. В конце она обратилась уже с экрана с вопросами: кто виноват и что делать?

Кроме Марьи Кузьминичны, никому это не понравилось. Зимин кричал, что надо было идти прямо к бесноватому кандидату; Лена до слёз обиделась, что её «снимали неприбранной»; Паня, кажется, обиделась, что сняли именно Лену. Всех пришлось утешать. Только Нюсе всё понравилось:

– Не ругайся, бабушка Зимин! Очень красивое кино! Деревня наша красивая, баба Лена такая красивая, старенькая бабушка Раиса Тихоновна очень красивая. А я с графскими брюликами совсем красивая!

Назавтра Ольга и Дмитрий уехали. Марья Кузьминична взяла с них обещание звонить, но понимала, что это всего лишь случайное знакомство, которое продлится некоторое время в виде коротких звонков и СМС, а потом сойдёт на нет.

Было раннее утро. Самое время пополоть, пока дети не проснулись. Но Марья Кузьминична вздохнула, взяла аптечку и пошла по деревне мимо Паниного дома. Постучала. Дверь оказалась незапертой.

– Давай-ка давление померю.

– Зачем?

– Давай-давай. Ну, ничего. Ты не закисай, иди на пропол-

ку, – посоветовала она, положила тонометр в сумку и пошла к дверям.

– Уехали? – прозвучал вопрос.

– Зря ты. Открылась бы. У тебя внучка, два правнука. А у Олечки твоей и мать, и отец живы. Она бы обрадовалась!

– Нет, не могу! Ни ему, ни ей.

Марья Кузьминична вздохнула и повернула к дому.

Через неделю в деревню Второе Рясово прибыл сам губернатор. Он с интересом понаблюдал, как рясовские мужики, матерясь, сбивали плот, потом выслушал пояснения районного энергетика у трансформаторной будки, потом с улыбающимся лицом зашёл во двор Марьи Кузьминичны, где сидела уже собранная в дорогу «аристократка», а хозяйка уговаривала её забрать брошь. Гостья надменно отказывалась: «Мы, Щербатовы, решений своих не меняем!» Пришлось сунуть розу в карман, не показывать же дорогую вещь посторонним! Хоть и говорила Ольга, что надо возвращать подарок при свидетелях, но, если за квартиру бабку чуть не убили, то за бирюльку, которую в кулаке унесёшь, точно убьют!

Ну вот, придётся теперь ещё раз ехать в Новогорск своим ходом!

Вечером повела ребятишек посмотреть, как мужики продолжают строить плот:

– Привет Гекельберри Финну и негру Джиму!

Тимофей прыснул. «Ба, ты что?», – теребил её Вова. Тимофей сказал:

– Вашему поколению не понять. Любимая книга детства.

Присела на брёвнышко, рассказала о своей проблеме. Тимофей пожал плечами. Рясов забурчал:

– Да выброси ты эту хрень к такой-то матери!

А Зимин сказал:

– Я вот при мужиках тебе скажу: прошлый раз был неправ. Ты с телевидением вопрос правильно решила. И картинки сразу сообразила, какие подобрать, и в нужную компанию обратилась, чтобы вопрос решился, и права не качала, только малость намекнула, что хуже будет. Я человек невыдержанный, дров бы наломал, а толку, может, и не добился бы. И теперь, думаю, не прятать эту цацку надо, а орать на всех углах. Может, я и не прав, но я бы этой симпатичной женщине Ангелине позвонил бы. Пусть она передачу про эту брошку сделает. И пусть у бабки её кто-нибудь купит. Ей будет и добычнее, и спокойнее.

– А что, дело ты говоришь. Завтра с утра и позвоню.

Ангелина сказала:

– Стоимость от нескольких тысяч? Вещь не уникальная. На расследование не тянет, но неприятности доставить может. Давайте я просто сниму вас на телефон, как вы будете бабуле эту вещь передавать.

На том и сговорились. Марья Кузьминична решила поездку отложить до тех времён, когда внуки домой вернутся: оставлять их одних не хотелось, соседки бы приглядели, но всё-таки пожилые они, могут не уследить. Но по случаю при-

шлось Зимину жену в больницу на обследование сопровождать, он и предложил ей ехать с ними вместе:

– И свой вопрос решишь, и нам поможешь!

Определив Нину в стационар и позвонив Ангелине, они отправились к Раисе Тихоновне. Вылезая из переполненной маршрутки, Зимин ворчал:

– Ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным! Придавило бы бабуку в поповском доме вместе с той нечистой риелторской – и не пришлось бы тебе сейчас колготиться!

Присели на скамейку у подъезда, ожидая Ангелину. Вскоре и она подъехала на микроавтобусе телекомпании. Поднялись на второй этаж. Из-за двери слышался спор на повышенных тонах.

– Ну, опять кто-то бабуку прибить хочет, – пробурчал Зимин.

– Подождите, не звоните, – остановила его Ангелина. – Я оператора вызову.

Поднялся с камерой оператор, и Ангелина одним жестом отправила стариков в арьергард. Открывшему дверь мелкому мужчине неопределённого возраста она скороговоркой сказала:

– Новогорское телевидение, мы к Щербатовой!

И проскочила мимо него в квартиру, где за столом напротив хозяйки сидел ещё один гость. Представилась. Познакомились. Внучатый племянник, член Союза потомков Российского Дворянства Щербатов. Искусствовед Сойкин.

Оказалось, что спор был как раз о розе. Родственник при-
вёз искусствоведа, чтобы оценить семейную реликвию – по-
дарок Екатерины Великой предку, а Раиса Тихоновна ему в
ответ: «Я подарила брошь внучке горничной!»

– Ни фиги себе, Кузьминична наша горничная, – вспылил
Зимин. – Да Огородниковы по сравнению с вами – королев-
ской крови! Аристократы, блин горелый! Бабку без жилья
оставили, на смерть вывезли в развалины, так внук голубых
кровей даже не почесался! Деревенские люди бабку у себя
поселили, поили-кормили, дерьмо выносили! Она ребёнку
эту цацку дала поиграть! Мы возвращали – не берёт! Вот,
пришлось в страду ехать, терять время и деньги, чтобы от
этой докуки избавиться! Ангелина, снимай! Кузьминична,
доставай побрякушку, отдавай – и пошли!

– Золотая брошь с бриллиантами – побрякушка, – поднял
брови внучок.

– Золотая, но с хрусталём, – ответила Марья Кузьминич-
на, протягивая брошь хозяйке.

Бабка не взяла. Искусствовед перехватил розу и вынул лу-
пу из кармана:

– Алексей Семёнович, вещь из золота, тут и проба есть,
56-я. Но камни – горный хрусталь. Ориентировочно конец
девятнадцатого века.

– Что?!

Выдержка аристократа покинула. Он визжал и ругался,
грозил всех посадить. Зимин рявкнул:

– Ишь, грозный какой! Рабочий и колхозница ему артефакт подделали! Серпом и молотом! Ангелина, сняла? Пошли отсюда на хрен!

Остановились у микроавтобуса. Ангелина предложила подвезти – отказались, удобнее на трамвае – и до автовокзала. Оператор поцеловал руку Марье Кузьминичне и долго тряс руку Зимина:

– Респект! Я бы, откровенно, и за бабуку бы не подписался, и побрякушку бы возвращать не стал! Но благородных людей ценю!

В последующие дни Щербатов развил бурную кляузную деятельность. Он написал заявление в прокуратуру; он давал интервью в прессе; он разместил материалы о «Золотой розе Екатерины II» на сайте своей дворянской организации: фотографию Раисы Тихоновны 50-х годов с приколотой розой, фотографию её матери 30-х годов, где она тоже была с брошью, только на голове и, что самое неприятное – фотографию Нюси с розой на фартуке.

Тимофей, показавший эту электронную публикацию Марье Кузьминичне, сказал:

– Абсолютно не дворянские физиономии. Эта – типичная комсомолка, а Раиса наша в молодости – просто провинциальная мешаночка. Самое благородное лицо тут у нашей Нюси.

Марья Кузьминична была на пределе. Когда к ней приехал следователь, она спросила:

– В чём меня обвиняют? Я подделала ювелирное изделие?

– В том, что не поддельвала, я точно уверен. Но, может быть, кто-нибудь, пока вещь была у вас, её подменил?

– Там искусствовед был. Он сказал, что вещь относится к концу девятнадцатого века. Выясните, кто подделал эту вещь сто с хвостиком лет назад и гонялся за владельцами, чтобы подменить.

– А откуда вы узнали, что это хрусталь? Все утверждают, что вы сказали это ещё до резолюции искусствоведа.

– Смотрите, вот фотография моей внучки и Щербатова рядом с ней. Это в доказательство того, что брошь она дала ребёнку сама.

– Она мне это подтвердила: подарила и назад не возьмёт. Но теперь этот... её внук требует признать её неменяемой!

– Вот пусть сначала признает! А пока он вывешивает в сети Нюсенкину фотографию как доказательство того, что роза похищена! А спокойно стоящую рядом бабушку отрезает! Так вот, снимал их один знакомый, майор столичной полиции, между прочим. А его жена, известная художница и лауреат различных художественных премий, причёсывала Нюсю и поправляла на ней одежду перед съёмкой. И сказала мне: верните цацку от греха, это золото с хрусталём и стоит от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч.

– А не могла она...

– Хватит! Они приехали писать пейзажи и ловить рыбу за несколько дней до того, как бабушку к нам привезли! Совер-

шенно случайно здесь оказались!

– Не обижайтесь, никто ни на кого из вас не думает! Эти самодельные дворяне готовы любого с дерьмом смешать, чтобы доказать своё высокое происхождение. У него нет никаких доказательств, что эта побрякушка драгоценная была. Пусть в девятнадцатом веке концы ищет. Я своё дело сделал: вас опросил. Извините за беспокойство.

Наконец-то в Утятине открыли после ремонта детский садик. Сначала Наташа хотела приехать за детьми, но потом Марья Кузьминична решила отвезти их сама. Позвонила Женя, похвалилась, что у неё в гостях сын, и пригласила повидаться с приехавшим.

Марья Кузьминична уже больше года не виделась с собственным сыном. Она по-прежнему была в обиде на него, ведь он даже не пытался с ней связаться, но понимала, что повидаться надо. Остановилась у золовки, а та заранее предупредила Вову, что мать придёт в гости вместе с ней и сыном. Визит прошёл натянуто, но при тётке и двоюродном брате отношения выяснять никто не пытался. Назавтра даже договорились, что бабушка заберёт внука из садика пораньше и сводит его в цирк шапито. Не сказала она только, что вместе с ними пойдут Вова и Нюся.

Нюся в ожидании представления так возбудилась, что практически не спала после обеда. Только задремала и тут же вскочила:

– Мы не опоздаем?

Вова засмеялся, хотя и сам к выходу приготовился заранее, нарядился сразу после обеда. Марья Кузьминична махнула рукой и сказала:

– Давайте перед цирком ещё куда-нибудь сходим! Например, в музей.

Ребятишки застряли прямо у входа перед чучелом медведя. А Марья Кузьминична прошла чуть дальше и увидела свою сверстницу, работницу музея Елену Игнатьевну. В школе они учились в разных классах, не дружили, но общались нормально. И сейчас остановились, обмениваясь новостями. Потом Елена Игнатьевна посмотрела на Нюсю, прилипшую к коллекции бабочек и заскучавшего рядом с ней Вову и сказала:

– Раз времени у вас сегодня мало, пойдём посмотрим один только зал – крестьянского и помещичьего быта. Лапти и бальные туфельки, коклюшки и дуэльные пистолеты – это всем интересно.

Она показала на дверь рукой, и Нюся побежала впереди. Женщины не спеша двигались за детьми. В зале дети переходили от витрины к витрине, то и дело останавливаясь, а они встали у входа, продолжая разговаривать. Скользя взглядом вслед детям, Марья Кузьминична вскрикнула. На стене висел портрет молодой девушки в бальном платье с шарфом, приколотым к рукаву золотой розой.

– Что? – испугалась Елена Игнатьевна.

Марья Кузьминична включила телефон и показала фото-

графию Нюси с розой.

– Откуда у тебя это?

– Некогда рассказывать. Кто эта девушка?

– Это работа художника Петра Лукьяновича Алексюты.

Примерно 1910 год. Ирина Владимировна Барташевская, племянница последнего владельца имения Озерки.

– Они имеют какое-нибудь отношение к Щербатовым?

– Князьям? Вряд ли. Барташевские не слишком родовиты были.

– У нас с этой розой связана очень неприятная история.

У вас тут нет интернета?

– Конечно, есть.

– Лена, я тебя прошу как специалиста, посмотри материалы прессы с обвинениями в мой адрес.

– Что искать?

– Я сейчас попрошу моего соседа, чтобы он на твой адрес ссылки скинул. А сама зайду к тебе завтра.

Цирковое представление Марья Кузьминична практически не видела. Может быть, Лена найдёт связь между этими двумя фамилиями и выяснит, кто у кого спёр эту цацку!

– Ты, конечно, влипла, – с сочувствием сказала Елена Игнатьевна при утренней встрече. – Я просмотрела все публикации, это, безусловно, бред. Ювелирному делу мы не обучены. Но нервы они тебе ещё потреплют. Кто свои дворянские грамоты восстанавливают, они же упёртые, они уверены, что земной шар вокруг их пупка крутится. Я довольно

основательно прорабатывала переписку Барташевых. Дважды упоминалась там роза Барташевых. Я думала, что это поэтическое имя какой-нибудь девицы в их семье, в частности, Лидия слыла красавицей. А теперь перечитала и думаю, что речь шла об украшении. Хочешь, я дам тебе адрес далёкого потомка этой семьи? Он в Америке строительной фирмой владеет, но очень прилично знает русский язык. В прошлом месяце чудовищная история произошла, Катю Васильеву похитили. Он очень нашей полиции помог, подтвердил посланникам похитителей, что она наследница большого состояния. Катюшка наша ведь праправнучка этой Ирины, — она кивнула на портрет. Я ему кое-что из писем и дневников предков отсканировала, он воспоминаниями своего двоюродного деда поделился. Спроси его о розе!

— А!

Марья Кузьминична села за клавиатуру и в нескольких строках изложила свою ситуацию, присовокупив 3 фотографии: портрет Ирины Владимировны, групповое фото во дворе Рясовского дома с Нюсей, украшенной розой, и Раисой Тихоновной рядом с ней и фото Нюси с розой крупным планом. Попросила ответ прислать по электронному адресу Тимофея.

Через день она уже была дома.

А ещё через день ей позвонил Тимофей:

— Марья Кузьминична, вам тут пришло такое длинное послание! И фотографии! Не хочу пересказывать, лучше, ес-

ли вы придёте и прочитаете сами с экрана! Вы обрадуетесь!
Жду!

«8/13/2011

Многоуважаемая Мария Кузьминична.

Вы не представляете себе, как взволновало меня Ваше письмо, сколько воспоминаний пробудило! Неужели нашлась золотая роза Барташевых? Пусть вторая, с недорогими камнями, но это та, что на протяжении полувек а украшала барышень семейства моей бабушки при первом выходе их в свет.

Я много слышал о ней от своего двоюродного дедушки Владимира Павловича Барташевича. С детства я в общении с ним и его служащим, Хвостовым Григорием, познавал русскую речь, в университете изучал славистику, но впоследствии после смерти отца был вынужден заняться делами строительной фирмы. В беседах с Владимиром меня более интересовала речь, чем история семейства, о чём сожалею. Если бы вернуть время вспять, я бы записывал эти воспоминания. Он дожил до 95 лет, сохранив ясный ум и хорошую память, и я с удовольствием общался с ним, когда располагал временем.

Думаю, что могу рассказать Вам об истории этого украшения, ибо фамилия Барташевых давно пресеклась. Последним её носителем был мой дядя, Александр (Алекс) Барташевич, впрочем, носивший её не вполне по праву. Владимир Барташевич, основатель нашего семейного дела, объ-

явил его наследником и попросил принять фамилию, когда сам уже был преклонных лет, да и Алекс был вполне зрелым. Дядя семьи не создал и потомства не оставил. Владимир, намного переживший приёмного сына, сказал, что, видимо, не судьба возродиться фамилии, и более об усыновлении не хлопотал. А компанией с тех пор, как Владимир отошёл от дел, занимался мой отец, муж сестры Алекса.

Как уроженка Уятина, Вы, я уверен, знаете историю нашего семейства. Это одна из самых богатых семей уезда, но не из самых знатных. Но через девиц нашей фамилии, имевших хорошее приданое, мы неоднократно роднились с лучшими семействами губернии, и многие невесты хороших фамилий почитали за честь выйти за Барташевского. Впрочем, в России всегда так: во втором ли, в третьем поколении наследники сиятельных фамилий проматывают достояние отцов и совершают *mésalliance*, чтобы поправить свои дела, ежели это, конечно, удаётся. Не то, к примеру, в Британии: там, коли построил калошную фабрику и нажил капиталец, то и баронет. Впрочем, не будем отвлекаться.

Итак, золотая роза Барташевских появилась в семье где-то около 1830 года. Её по завещанию материной тётки Александры Полянской получила известная Вам Аглая Семёновна. Это брошь в форме розы из золота, на лепестках которой блестели росинки-бриллианты, а на одном из листков в прожилках читался затейливый вензель АБ.

Скорее всего, совпадение инициалов и стало причиной то-

го, что роза досталась Аглае. Существовала легенда, ничем, впрочем, неподтверждённая, что тётка получила эту брошь в подарок, или же она была отдана ей на сохранение Авдотьей Полянской, любимой фрейлиной Екатерины Великой. С кузинами Авдотьей и Екатериной Александра в молодости дружила. Так, нет ли, но, когда Аглая вошла в возраст, она на своём первом балу появилась с этой брошью, и роза стала её любимым украшением. Аглая утверждала, что украшение было изготовлено по заказу Екатерины Великой для Александры Браницкой, племянницы и любовницы Потёмкина, которую императрица очень баловала. Ходил слух о том, что Александра была на самом деле её дочерью. Он связан с персоной великого князя Павла: Александра родилась в том же 1754 году, что и великий князь, и по преданию, Екатерина родила не мальчика, а девочку, которую подменили сыном служанки-калмычки. Мальчик-калмык стал Павлом, а дочь императрицы будто бы отдали Энгельгардам.

Когда предмет её страсти Василий Коневич трагически погиб, Аглая решила покончить с матримониальными планами, осела в деревне и занялась хозяйством. Старший брат, служа в столице, с удовольствием доверил дела своей разумной сестре. Со временем неустроенность личной жизни сестры стала восприниматься как приятный бонус, ведь состояние её когда-то достанется его детям. Шесть племянниц от двух братьев одна за другой дебютировали в свете, украшенные брошью тётки.

Аглая Семёновна в завещании разделила свои капиталы между братьями, но золотую розу завещала старшему, оговорив, что украшение всегда будет храниться у старшего в роду, но носить его должно только девицам Барташевским. То есть старшая из дочерей носит брошь только до замужества, а затем она переходит следующей по старшинству. Если нет дочерей – блистает роскошью племянница. Но не жёны! Это причудливое решение не было изложено в завещании, а высказано устно, но никем из родни никогда не подвергалось сомнению и выполнялось неукоснительно.

Последней золотой розой блеснула внучатая племянница Аглаи Лидия. Это фотография предположительно 1870 года. Не правда ли, девушка хороша? Девушки Барташевские все были недурны, но красавицей слыла только она. И именно Лидия сыграла роковую роль в этой истории. Когда она снимала это украшение после бала, одна из «росинок» упала. Бриллиант подобрали с пола, и на следующий день отец отвёз брошь к ювелиру, чтобы он закрепил камень, и заодно проверил все остальные. Спонтанно у него возникла идея сделать копию этого украшения. На следующий год предполагалось, что начнёт выезжать следующая дочь, и отцу захотелось сделать двойной портрет, на котором обе девушки будут украшены розами. В семье подрастали ещё две маленькие сестрицы, он уже предвкушал их выход в свет с двумя розами.

Вторая роза была золотой, но с хрустальными росинками.

Не было мысли сделать точную копию. Более того, заказчик специально оговорил, что ювелир должен сделать зеркальное изображение цветка, чтобы подделку можно было легко отличить. Сравните розы на портрете Ирины, присланном Вами, и фотографии Лидии. У Ирины веточка изогнута вправо, а у Лидии – влево. А фотография Лидии с сестрой так и не была сделана. На следующий день после того, как две коробочки были привезены от ювелира, одна из них, а именно та, где хранился оригинал, оказалась пуста.

После безуспешного домашнего расследования хозяин дома обратился в полицию, но на следующий день заявил, что роза нашлась, и даже показал её полицейскому чиновнику. Показал он, естественно, копию, о которой не знали даже близкие, ибо готовился сюрприз.

Лидия, любимейшая дочь, повинилась в том, что передала брошь своему возлюбленному, спасая его от долговой ямы. Не удивительно, что имя этого возлюбленного было Василий Михайлович Коневич. Это полный тёзка и племянник предмета Аглаи Семёновны, игрок, мот и волокита. Пришлось эту историю предать забвению. Конечно, мужчины семейства об утрате розы были поставлены в известность, а барышни по-прежнему считали эту вещицу старинной, той, которой, возможно, касались руки Екатерины Великой. История Лидии, прожившей меньше тридцати лет, интересна сама по себе, но к интересующему Вас украшению она более отношения не имела.

Спустя сорок с небольшим лет в семействе Барташевых вновь возникла нервная ситуация, связанная с розой. Возникла после замужества старшей дочери Павла, на тот момент главы рода. Была ещё одна дочь, совсем малютка (это была моя бабушка). И жена младшего брата моего прадеда потребовала от него передать ей брошь, как матери следующей на выданье Барташевой, той самой Ирины Владимировны. Павел сказал, что сопроводит племянницу на бал и лично проследит, чтобы роза была приколотая к её наряду, но храниться будет у него в соответствии с семейной традицией. Свояченица закатила истерику. Не знаю уж, какие надежды она возлагала на эту вещь. Скорее всего, собиралась её заложить, как это принято было у младших Барташевых. Они ведь промотали отцово наследство за первые восемь лет брака.

Старший брат попросил младшего, который о копии знал: «Укроти свою супругу, ты же понимаешь, что она из-за своего корыстолюбия раскроет нашу постыдную тайну». Как изменились люди! Вот гляжу я ровно через столетие на эту ситуацию и не постигаю: как можно считать постыдной интрижку двоюродной бабки, пусть и укравшей драгоценность у собственного отца, но ведь так давно! А прадедуська мой был очень огорчён.

Вероятно, в начале того лета местный художник написал портрет Ирины с брошью. А на именинах её дяди брошь видели в последний раз.

На Петров день прадед в тот год гостей не звал. Были только своя семья и брат с женой и дочерью. Даже старшая дочь с мужем отсутствовали: ещё не вернулись из свадебного путешествия. Зато послали в город коляску за Борухом Наппельбаумом, сыном владельца местного фото-ателье, и он запечатлел Барташевских на крыльце усадебного дома: слева супружеская чета хозяев, справа – гостей, Ирина Владимировна стоит рядом с матерью. Выглядывающий из окна подросток – это и есть Владимир, последний законный носитель фамилии, мой двоюродный дед. А стоящая на скамейке малютка – моя бабушка. Ещё двое на фотографии: на террасе за окном силуэт гувернантки старшей дочери, задержавшейся с отъездом на несколько месяцев в связи с болезнью, но уже получившей место в Утятинской женской прогимназии. А стоящая за скамейкой и придерживающая мою маленькую бабушку – её няня. Вот все, кто могли быть причастны к исчезновению этого злополучного предмета. Что характерно, ни у кого никогда не возникало и тени сомнений относительно фотографа, гувернантки и няни. Павел был уверен, что брошь похитила его невестка, а та не сомневалась, что её спрятал сам хозяин, дабы уберечь от притязаний младшей ветви рода. Следствия не проводилось, родственники рассорились навсегда. Только Ирину по-прежнему принимали в этом доме. Подросток Владимир питал к кухне романтическое чувство, несмотря на близкое родство, и восхищение ею пронёс через всю жизнь, рассказывая о её странном замуже-

стве и печальном конце.

Недавно я вследствие трагических событий в Вашем городе познакомился с праправнучкой Ирины Екатериной Васильевой и имею счастье общаться с ней благодаря skype. В силу возраста романтическими чувствами загореться уже не могу, но восхищаюсь ею безмерно. Кажется, от Ирины ей достался причудливый характер и парадоксальное мышление. Польза от общения с Катей и в том, что узнал новые слова современного русского языка, а то многие носители языка считают мою речь слишком книжной. И как причудлива судьба, что прапрадедом Кати стал тот Борух, что сто лет назад фотографировал её предков Барташевых!

Извините за многословие, это возрастное. Перехожу к главному. Вглядитесь в групповой портрет. Вы не находите, что Ваша «аристократка» исключительно похожа на няню моей бабушки? А с фотографией её матери 30-х годов няня – просто одно лицо! Я, как только увидел её на фотографии, присланной Вами, сразу почувствовал что-то знакомое и кинулся перелистывать старые альбомы.

Итак, няню звали Меланья Ветошникова, утятинская мешчанская девица. Очень небольшого роста, наверное, не больше 4'-4", почти карлица. Появилась в семье Барташевых с рождением моей бабушки. От Владимира я слышал о ней едва ли не больше, чем об Ирине. В семье она была объектом бесконечных шуток и розыгрышей. Намекала на своё аристократическое происхождение, каждый раз выдумывая

новый роман: то она дочь графа, похищенная из замка, то дочь своей матери, незаконный плод любви её и некоего члена императорской семьи, то сама получает письма из Парижа от сына князя Хованского, сосланного туда жестокими родителями, чтобы разлучить влюблённых. На самом деле родители её проживали в Ветошной слободе, отец был хорошим сапожником, правда, пил как сапожник. А ростом он был не более 5 футов. Когда говорили: «Прохудились башмаки, надо их к графу отвезти», все в доме понимали, о ком речь. Кроме этих фантазий, ничего плохого за Меланьей не было замечено. Честна, исполнительна, опекаемую свою любила и баловала. Видно, непреодолимым соблазном стала даже не материальная, а романтическая ценность этой побрякушки.

Судя по возрасту, ваша «аристократка», скорее всего, внучка или внучатая племянница няни моей бабушки. Я в память о Владимире, и чтобы напомнить моей единственной внучке о русских корнях и заинтересовать родословной, приобрёл бы у родителей Вашей внучки это украшение, заплатив даже выше оценочной стоимости, если, конечно, они решили бы расстаться с ней. Но, если Ваша «аристократка» вернёт себе подарок, с ней бы business я не вёл. Это означало бы косвенное признание её прав на нашу семейную реликвию.

Фотографию Вашей прелестной внучки я повесил в своём кабинете как напоминание о родине предков.

С уважением Michael Willis

P.S. Факты, изложенные в письме, конфиденциальными не являются и могут быть использованы Вами как угодно. Копию я направил Е.И.Тумбасовой для сведения».

– От неё уже пришло послание, – добавил Тимофей. – Вот, пишет, что переслала тому блогеру, который слёзы аристократического потомка опубликовал. Получай, фашист, гранату! Только, я думаю, этого мало. Если не возражаете, я бы это письмо ещё одному деятелю переслал, который из конкурирующей дворянской организации. А также какому-нибудь пролетарскому изданию. И в «Новогорский вестник», который пасквиль напечатал. И Ангелине.

Посыпались публикации. Но удивительно, что статьи в дворянском и пролетарском издании, совсем разные по тексту, имели в названии одинаковое начало: «Когда Адам пахал, а Ева пряла...» А далее в первом «...где был тогда сапожник?», а во втором – «...где был тогда дворянин?».

Осень. «Процесс о трёх миллионах»

Проснулась Марья Кузьминична от постороннего звука. Скрип какой-то... или шелест? Сумрачно. Глянула на часы. Ого, без десяти девять! Опять звук. Это порывом ветра бросает на оконное стекло струйки дождя. Встала, накинула тёплый халат. Отдёрнула занавеску. Да, кончается связь с миром. Если дождь будет лить ещё пару дней, пороги затопит.

Выгребла золу, затопила печку, поставила чайник. Ох, знать бы, что дождь пойдёт, с вечера бы родниковой воды принесла! Теперь придётся под дождём за водой спускаться.

О чём там Зимин думает? Они вторую неделю в кардиологическом центре. Нину прооперировали, и вроде бы всё идёт на поправку. Ему бы вернуться, но не оставит он её одну! Навещать некому, а Нина без поддержки сразу падает духом. Позвонила:

– Соседушка, у вас там что, не каплет?

– Льёт. Что, перекрыло уже?

– Нет, но день-два – и мы на острове. Не думаешь возвращаться?

– Нет, Кузьминична, придётся остаться до зимы.

– А жить где?

– Ну, я у сестры перекантуюсь. А Нину после больницы в

санаторий определяют, в реабилитационное отделение.

– Договорился?

– Сунул.

– О-хо-хо, дело житейское. Знаешь, тебе бы самому с ней, хоть дней на десять. Посчитай, сколько не хватает, я вышлю.

– Да... десяточку. Нина бы обрадовалась. Тебе не внапряг?

– Сегодня в Ссёлки пойду и отправлю. Номер карты сбрось.

Поёжилась, идти не хотелось. Вроде, и продуктами запаслась, и книг в сельской библиотеке набрала. Подумала и позвонила в магазин продавщице Свете. Та отнеслась с пониманием:

– Никаких проблем, тётя Маша. И месяц подожду, и два. Может, больше послать? Чтобы им не впритык тратить? Давайте номер, сейчас переведу.

Договорились на двадцать. Включила телевизор, областной канал, погоду посмотреть. Передавали криминальные новости. Вчера четверо неизвестных грабителей в балаклавах ворвались в облкомбанк, убили охранника, ранили кассиршу и похитили 18 с чем-то миллионов рублей. Бедняга, подумала. Нашёл непыльную и денежную работу. Дома родители, жена, дети. Вот горе-то! Стоит его жизнь этих денег?

Решила сварить суп. Но воды в баке на доньшке. Всё-таки придётся выйти!

Собиралась как в поход. Поверх куртки – дождевик с ка-

пюшоном, на ноги – резиновые сапоги с меховыми вкладками. Этим летом мужики через брѣх с матюгами всё-таки сделали перила. Не везде, но в особо опасных местах. Шла, хватаясь за них, и приговаривала: молодцы!

У родника кто-то сидел на корточках. Парень. Явно незнакомый.

– Ты откуда здесь, мил человек, – спросила.

– Из города.

А фляги-то у него Ленины. Ладно, лучше помолчать. Парень прихватил фляги и пошёл к ступенькам. Марья Кузьминична увидела, что вода взбаламучена, и решила пару минут подождать. Подошла к бане. Так, навесной замок был прикрыт от дождя разрезанной пластиковой бутылкой. А теперь она отброшена в сторону, а замок висит на дужке открытый. Обязательно надо было сломать! Ведь ключ – вот он, на гвозде под крышей висит. Да, нехороший гость у Лены. Не племянника ли дружок?

Долго карабкалась наверх, передыхая чуть ли не через каждый десяток шагов. С площадки некоторое время глядела на Ленин дом. Над трубой парок, видно, с утра протоплено. Створка левая иначе висит, значит, ворота открывали. Стало быть, гость на машине приехал. Но что за необходимость машину прятать? Именно прятать, причём от глаз людских, от непогоды у Лены просто негде. Нет, надо всё-таки в Ссёлки сходить.

Дрова в печи, конечно, ещё не прогорели. Ладно, остав-

лю трубу открытой, авось, не зима. Подпёрла дверцу совком, проверила сумку, взяла тележку и пошла на выход.

На террасе Ленинского дома кто-то курил. Когда она прошла мимо, он спустился с крыльца и пошёл за ней:

– Женщина, вернитесь!

– В чём дело?

Повернулась. Здоровенный такой сутулый мужик. Лицо какое-то как не промытое в чёрных крапинках. Сзади ещё один идёт. Тоже шкаф, только физиономия мучнисто-белая и глаза отёчные.

– Комендантский час, – Ухмыльнулся второй. – Выход из деревни запрещён.

Стараясь не показать испуга, спросила:

– И надолго этот час?

– Как получится. И телефон сдайте.

Вынула из сумки и протянула тому, кто ближе стоял. Он сунул в карман. Марья Кузьминична пошла назад, катя за собой тележку.

– Что ж не спросите, почему?

– Учёная, – не сдержалась она. – Нашу деревню дважды фашисты брали.

– Ну, ты, – сделал шаг за ней второй. Но первый придержал его за плечо.

Дома сразу зашла в горницу, которая выходила окнами на улицу. Двое по-прежнему стояли на дороге и глядели на её дом, о чём-то разговаривая. Потом в пределах видимости по-

казался ещё один. Издалека не видать, но это не тот, которого у родника видела. Тот обычный молодой парень, средний такой и по росту, и по комплекции, и по внешности. А этот худой, длинный, какой-то весь разболтанный, всё время двигается, даже на минуту не замрёт. Значит, четверо. Нет, ведь ещё один должен был их в машине ждать. Скорее бы в дом ушли, надо односельчан предупредить. Нет, не получится! Первый, который в их компании явно был на первых ролях, что-то сказал подельникам, и они зашагали по дороге в сторону Паниного дома, а он пошёл в другую сторону, видно, в Ленин дом вернулся.

Марья Кузьминична некоторое время набиралась смелости, а потом махнула рукой и пошла к Лене.

– Здравствуйте вам, – переступив порог, сказала она. Вот это неожиданность: вместе с первым в доме находился парень с родника и... девушка! Причем совсем молоденькая, светленькая. Но не ангелочек, нет! Скорее, дьяволёнок. Вон какой взгляд колючий. – Лена, у тебя столько гостей! Может, ты ко мне переберёшься? Ну, хоть на ночёвку ко мне приходи!

– Нет, – слабым голосом отозвалась переставляющая кастрюли Лена. – Спасибо, Маша, мы уж как-нибудь...

– Ну, зачем же вам тесниться? Приходи, Лена. Да и давление тебе надо померить.

Лена отмахнулась, глядя на неё умоляющим взглядом:

– Иди, Маша, иди...

– Ну, что ж...

Марья Кузьминична вернулась в дом с колотящимся сердцем. Хорошего ждать не приходится, выжить бы. Но пока живы, надо заботиться о качестве жизни. У Лены запасы небольшие, она малоежка, и гости к ней не ездят. С завтрашнего начнутся реквизиции. Эх, соседей не предупредила! Ручка скользнула в карман... ах, телефон, будь они неладны! Ладно, надо заняться подготовкой к погрому.

У неё уже второй год кроме холодильника был дополнительный морозильник установлен. Намораживала с лета овощи с огорода, а к осени ещё притаскивала из Ссёлок мяса и рыбы. Учитывая запасы в погребе, могла год продержаться. Вот теперь этот провиант следовало спрятать. И она выложила на стол монолит из смёрзшихся куриных грудок и крупную горбушу. Всё остальное сгребла в пакеты и поволокла в ближний летний домик. Вторым рейсом она вывезла на тележке морозильник, включила его в розетку и распишала туда продукты. Прикрыла картонной коробкой и задвинула столом, который на зиму был принесён сюда со двора. Так, здесь всё. Дома протёрла пол, а на место морозильника втиснула боком кушетку, притащив её из горницы. Может, всё-таки вырвется Лена?

Погребов у запасливых Воловых было два. Один, большой – в дровянике. А другой, поменьше – под домом. Люк неудобно расположен, в начале коридора, в метре от входной двери. Там у неё мешок картошки, несколько вилок капу-

сты да банки на первое время. Если что-то кончалось, она пополняла запасы из большого. Марья Кузьминична сходила за дровами, заодно завалив творило поленьями. Вот так!

Когда вернулась в горницу, чтобы прикрыть ещё на всякий случай пластмассовые бочки с мукой и крупами, увидела, как возвращались из похода по деревне второй и долговязый. Второй нёс в руках клетчатую сумку. Длинный размахивал руками, что-то оживлённо говорил, оба смеялись. О-хо-хо, опасно, но придётся пройти по их следам! Марья Кузьминична взяла сумку с аптечкой, выждала минут пять и заспешила по односельчанам.

Паня была не в духе. Бурчала: «К бабке не ходи, Федькины друзья!» Но у неё кроме телефона ничего не взяли. Пугать её подробностями Марья Кузьминична не стала, просто сказала, что бандюги здесь надолго, а запасов у Лены – сама знаешь. Так что прячь харчи. Да и курочек лучше часть отделить и перетащить в полуразрушенный сарай на соседнем участке.

– Маша, помоги, а, – заныла Паня.

– Если только на обратном пути, – ответила она. – Надо всех предупредить и проверить, может, обидели они кого.

К Анне она заходить не стала, та ждала её на дороге:

– Это те, про которых по телевизору говорили?

– Наверное. Да, Аня, они грабить скоро начнут, у Лены запасов мало...

– Чего о пище думать, если живу не быть?

– Помирать собирайся, а пашенку паши, – вздохнула Марья Кузьминична. – Всё-таки, пока живы, надо как-то бултыхаться.

У Наташи в глазах только бесконечный испуг. Про запасы она даже не поняла. Марья Кузьминична теребила, внушала, а потом рукой махнула и сказала:

– Давай я тебя до Рясовых доведу!

Рясовы вели себя спокойно. Дед уже третий день лежал с тяжёлым радикулитом. Бабка махнула рукой:

– Да всё я понимаю, Маша! Может, оно и к лучшему – вместе умереть. Я вот думаю: если дед первым умрёт, я ведь дальше жить буду, как ты, Лена, Паня, Анна, Наташа...

– Вот зараза, – закричал дед. – Она меня похоронит и дальше жить будет!

– Буду, Вася. А вот ты, если доведётся одному остаться, ты же пропадёшь. Всё на водку изведёшь, печку топить не станешь, готовить себе не будешь, огород бросишь. И умрёшь под забором. Не хочю я тебе такого конца. Так что пусть лучше Федькины бандиты нас вместе прибьют. А власти похоронят.

– Уж прямо и прибьют!

– Уж прямо и Федькины, – вздохнула Марья Кузьминична.

– Да чьи же ещё! – сердито проворчал дед. Марья Кузьминична взяла сумку и пошла к выходу. – Кузьминична, ты что, думаешь, что это те, в телевизоре?

– Вы харчи-то по разным местам разложите. Вдруг ещё поживём?

Наташа тоненько завывала. Надя кинулась её утешать.

– Хорошо, хоть Зимины живы останутся, – пробормотал Рясов.

– Им не очень хорошо. Где они доживать будут? Даже если все дома не спялят, можно ли вдвоём здесь оставаться? Но нам лучше, что их нет. Уж больно Георгий Иванович шибутной. Он бы не выдержал, в драку полез, – сказала Марья Кузьминична и закрыла дверь.

Маруськи дома не оказалось. Входная дверь была не закрыта, а припёрта брусом. А когда Марья Кузьминична вошла в дом Тимофея, то впору самой на что-то опереться. Такое впечатление, что по дому прошёл неандерталец с дубиной! Тимофей ведь жил не как все. У него на крыше большая тарелка, а в доме – одно «железо». Зарабатывал он на жизнь, сидя за компьютером. Сколько зарабатывал и что делал – никто не спрашивал, не деревенского ума это дело. Он и печку не топил, платя немислимые по деревенским меркам деньги за электричество, и огород у него почти начисто был срезан новым руслом реки. Когда ловил рыбу, угощал соседок. Никогда не отказывался помочь бабкам по ремонту, по колке дров, по огороду. Денег не брал, но по осени односельчане спускали ему в погреб плоды своих трудов. Понятно, что уголовники понимали в компьютерах не больше деревенских, но и до них дошло, что всё это можно использо-

вать для связи с внешним миром. Поэтому они что помельче – сложили в сумку, что покрупнее – раздолбали. Заодно накостыляли хозяину, который бросился защищать свои соколовища.

Маруська причитала над Тимофеем, прижимая к его лицу полотенце. Он сидел, как-то неловко повернув голову к плечу и мычал.

– Маруська, отойди, – скомандовала Марья Кузьминична, но та понимала с трудом от испуга, да ещё с похмелья. – Маруська, ударю!

И пришлось-таки грубо отпихнуть её. Стала расстёгивать на нём рубашку. «Марья Кузьминична, голова», – пискнула Маруська.

– Да и фиг с ней, от головы всегда крови много, – отмахнулась она. – Тут перелом ключицы. Да ещё смещение. Пока я его раздеваю, тащи две табуретки.

Смазала ему грудь обезболивающей мазью, села рядом с ним, обхватила, подняла его плечо и отвела назад, другой рукой сдвигая обломки. Тимофей взвыл. Ещё громче завывала Маруська.

– Да всё уже, всё, – и стала ловко бинтовать тело эластичным бинтом крест-накрест, приматывая левую руку к груди.

– Ой, а как... – удивилась Маруська.

– Ничего, это ненадолго, где-то месяц, – «успокоила» Марья Кузьминична и сказала безутешному Тимофею. – Сынок, не горюй. Если мы останемся живы, я куплю тебе все эти

игрушки, даже лучше прежних. Вот клянусь! У меня вклад где-то на сто пятьдесят тысяч. Не хватит – кредит возьмём. Что-то у бандюг отберём, что-то из этого починим. Ну?

– Я заработаю и всё верну. Я просто не напрягался. А теперь буду все заказы брать.

– Даже не сомневаюсь. Ну, жизнь продолжается! Маруся, пощи у него футболки, какие побольше. И рубашки. Поживёт пока у меня.

– А как же, там же бандиты рядом, – возмутилась Марусяка.

– У нас всё рядом. А Тимофею главное – что я рядом. Вот дойдём, я тебе укольчик обезболивающий всажу и спать уложу. Как знала, кушетку сегодня из горницы перенесла.

Бережливая Марья Кузьминична отключила отопление, закрыла дом и повела Тимофея под руку. Посоветовала Марусяке идти к Рясовым, если одна боится.

Вечером появился продотряд. Пришли молодой и долговязый. Не хамили, вежливо попросили. Марья Кузьминична, переодевавшая Тимофея, у которого поднялась температура, сказала:

– Не стесняйтесь, гости дорогие. Погреб – в коридоре, мука, крупы – в горнице, всё прочее – в холодильнике.

– Овощи пока не нужны...

– Пока? Хм.

Бандиты потоптались, потом долговязый залез в холодильник, вытащил рыбу и курятину, которые хозяйка для

них и предназначачала, и спросил, нет ли гречки. Она отсыпала в пакет килограмма два, и они ушли, положив тысячу на край стола.

Овощи понадобились уже на следующий день. Пришли втроём, ещё и девчонка с ними. Без церемоний влезли в подвал, забрали единственный мешок с картошкой, прихватив пару кочанов и банки с соленьями. Денег не предложили. Марья Кузьминична не стала выходить, услышав, что сначала хлопнул люк подвала, а затем входная дверь. Но по скрипу поняла, что кто-то в коридоре задержался. Подмигнула Тимофею и сказала:

– Так о чем я рассказывала? Да, значит, эти бандиты, когда бегут из лагеря через тайгу, берут с собой простачка, которого называют «консерва». Когда все запасы съедены, они его убивают и едят. Надолго хватает!

– Тьфу, ужас какой! А... к чему вы это?

– Вот у нас сейчас пятеро бандитов. Определи, кто из них «консерва».

– Вы думаете, им не хватит еды?

– Не понимай так буквально! Когда грабёж планировали, все выполняли какую-то задачу и были нужны: кто за рулём, кто план разрабатывал, кто наблюдал, кто стрелял, кто отход контролировал. Когда договаривались, наверняка планировали, сколько возьмут и как поделят. Ты можешь предположить, как они договорились поделить деньги?

– Ну... поровну? Или, скорее, уголовникам по четыре, а

новичкам по три?

– Вот ты и определил, кто «консервы».

– Их убьют?!

– Если им обещали каждому до миллиона, может, и не убьют. Но вряд ли. Эти привыкли скрываться и убегать, а молодёжь оседлая, их скорее возьмут. Зачем блатным рисковать? Будут убиты все, кто их видел, и к бабке не ходи. Так что очень возможно, что им обещали по три лимона. Обещать – не дать.

– Тётя Маша, ты уверена, что нас убьют?

– Увы, Тимочка. Ну, мы-то все старые, пожилы. А вот тебя жалко. Если бы не рука, я бы тебя на плоту отправила бы по течению. Где-нибудь у моста прибился бы к берегу и дошёл бы до Пружинского перекрёстка.

Тимофей открыл рот, чтобы возразить, но Марья Кузьминична погрозила ему кулаком, показав на дверь.

Позже, когда они сели обедать, она ему сказала:

– Драться с ними нам не резон, ты уже попробовал. Я пытаюсь посеять среди них страх и недоверие. Девчонка бессердечная, но неглупая. И влюблена в молодого. Молодой по жизни отморозок. Ему и девчонки не жалко, он себя очень любит. Наверняка на банк он бандитов навёл, они-то пришлые. И плевать им, что молодого мужика убили, что женщина в тяжёлом состоянии. Днём в программе сказали, что она одна дочь воспитывает, что у охранника двое детей осталось. И знают они, что никого из нас в живых не оставят. Так по-

чему мы их жалеть должны? Пусть до них дойдёт, что им предстоит. Пусть попытаются удрать, пусть их на вторых порогах разобьёт. А уголовникам придётся бежать. Они-то не будут знать, то ли живы подельники, то ли скрылись, то ли арестованы. Тоже убегать кинутся. Если нас всё же убьют, пусть хоть кто-то из них в холодной воде захлебнётся. Но я ещё повоюю!

Через час девчонка пришла:

– Бабушка умерла. Чего надо делать?

Тимофей вскрикнул. Марья Кузьминична сказала, тяжело поднимаясь из-за стола:

– Да скажи уж прямо: убили.

– Максим не хотел. Он просто отмахнулся. А она отлетела – и виском об сундук.

– Максим – это шкаф такой с заплывшими глазами? Я запомню. Пойди до следующего дома и скажи хозяйке, чтобы пришла помогать. Да живенько, – когда она вышла, сказала, не понижая голоса. – Тимофей, спорим, что следующую «консерву» убьют именно так, вроде как случайно?

– Даже спорить не буду. И кого убьют, тоже не буду спорить, – сдавленным голосом ответил он.

– Да, девочка им пока будет готовить. Ну, и как девочка...

Выскользнула в коридор и услышала, как на террасе переговариваются вполголоса молодые:

– Ты слышал?

– Да, я, пожалуй, согласен... Тина, это старичьё какое от-

мороженное... спорят, кого первого убьют!

Тимофею она велела спать. От смерти, мол, даже она, медик, не спасает. Подумав, ещё укол ему сильный вколола. Поглаживая по голове, сказала:

– Ты мне нужен сильный и здоровый. Я уже созрела до убийства.

– Я тоже.

Вошла в дом, взглядом нашла покойницу, тронула её. Маленькая седенькая старушка как будто заснула, полусидя-полулёжа у сундука:

– Господи, да она уже часа два, как умерла!

– Да кто на неё глядел, – лениво процедил второй, известный ей теперь как Максим. – Забирай эту дохлятину отсюда!

В дверь тяжело вступила Паня:

– А не пошёл бы ты сам к такой-то матери?

Максим начал подниматься из-за стола:

– Ах ты...

Но первый положил ему руку на плечо и сказал:

– Ребята, одевайтесь, пойдём пройдемся. Женщины, вы куда её определите?

– В горницу, – ответила Марья Кузьминична.

– Ну... нормально.

Они принялись за работу. Почти не переговариваясь, быстро прибрались в горнице. Паня сказала:

– Мне не достать. Сними иконы!

– И куда их?

– В горницу.

Марья Кузьминична подала Пане иконы, а потом подумала и сняла ещё фотографии в рамках, тоже в горнице развесила. Обмытую и обряженную покойницу перенесли на стол и пошли за гробом. Когда возвращались, почти столкнулись с бандитами.

– Э... а гроб откуда? – спросил Долговязый.

– Праведникам бог даёт, – ответила Паня.

Она сказала, что останется читать, но через два часа её надо сменить. Марья Кузьминична кивнула и пошла домой. Никогда в жизни не читала Псалтырь, но как-нибудь справится.

Однако через полчаса пришла Анна. Сказала, что по деревне шляется бандитская девка с молодым бандитом, что от неё она узнала о смерти Лены. О читке сказала, что не нужно, что сменил Паню на пару часов, потом сходит передохнуть и будет читать до утра.

Потом вернулась девчонка. Она расспрашивала о том, как готовят к смерти, чем отличается деревенское погребение от городского, при этом шаря взглядом по комнате. После её ухода Марья Кузьминична обнаружила, что в коридоре с полки исчезла надорванная упаковка хозяйственного мыла в целлофановой фабричной упаковке. Исчезновение было абсолютно бессмысленным.

Через некоторое время она вновь пришла, на этот раз не с улицы, а мимо баков, огородами. Девчонка нагло слоня-

лась по двору, заглядывая во все щели. Шёл дождь, поэтому хозяйка пожалала плечами и следить за ней не стала. А через некоторое время послышались крики. Быстро промчалась по дороге девчонка, за ней топали Долговязый и Максим. Вскоре бандиты прошли назад, переговариваясь пьяными головами:

– Никуда не денется... ага, замёрзнет и вернётся...

Потом пришла Анна: «Выгнали».

– Оно и к лучшему, – ответила Марья Кузьминична. – Не стоит рисковать, дома помолишься.

Тимофей под воздействием препаратов спал, всхрапывая. Уже почти стемнело. Выходить на улицу было страшновато, а оставаться дома – муторно. Она накинула старую куртку Олега, в которой ходила за дровами, сунула ноги в калоши и побрела по меже между огородами, решив посмотреть, насколько поднялась вода в реке. Впереди что-то мелькнуло. Плот! Его относило к противоположному берегу, потом развернуло и снова потянуло на середину. И на нем что-то тёмное. Вот, зашевелилось. Есть! Ключули! Теперь надо ещё одного удалить. У Марьи Кузьминичны к нему отдельный счёт.

Сдвинув половик в коридоре, она уставилась на люк подвала, как будто первый раз его видела. Надо же, как сделано мастерски! Металлическое углубление для пальцев, чтобы открывать, и в то же время чтобы ходить не мешало. А петли на каких крупных болтах! У неё и отвёртки такой здоровенной нет. Пошарила в инструментальном ящике. Вот, по-

жалуй, долото подойдёт. Провозилась около часа, почти уже отчаявшись. Когда нужна мужская помощь, как назло, один с радикулитом, другой побитый-поломаный, третий вообще уехал! Наконец тяжёлое творило отделилось от пола. Она прислонила его к стене, закинула половик в угол горницы и достала из-за шкафа циновку. Новую купила, собиралась следующим летом в горнице стелить. Кинула на открытый люк. Хорошо лежит, не прогибается.

Закутавшись в старую куртку, долго сидела в темноте, глядя на дорогу. Наконец появилась тёмная фигура. Один. Не долговязый. Постоял и двинулся к её калитке. Прислонился к ней, прикуривая. Ну, господи, благослови!

Марья Кузьминична прошла по краешку вдоль стены, приоткрыла дверь так, чтобы свет из коридора падал на дорожку, и сказала вполголоса:

– Не сомневайся, деточка, никто тут тебя не найдёт!

И быстро отступила назад, всё так же вдоль стены.

Максим рухнул в подвал, даже не вскрикнув. Ругаться он начал уже там. Эх, надо было хоть грабли туда положить! Марья Кузьминична стояла и наблюдала за тем, как в проёме сначала замаячила голова, потом за край ухватилась рука. Тогда она с силой наступила на неё и вогнала шприц в предплечье. А потом, не переставляя ногу, ещё брызнула в поднятое лицо аэрозолем. Схватила тяжёлую крышку и прикрыла подвал. Быстро накрыла его половиком и стала пятиться к двери, но наткнулась на Тимофея.

– Тётя Маша, он же вылезет!

– Ушёл, ушёл подальше, у них же оружие! Не вылезет, я ему такую адскую смесь всадила, у него сейчас сознание смешается и мышцы расслабятся!

Через десять минут на приподняла крышку и заглянула вниз. Сидя на полу, Максим ещё продолжал шевелиться. Она прикрыла крышку и стала прикручивать болты.

– Тётя Маша, ты в отверстие в ручке засунь что-нибудь, ну, вот хоть гвоздь большой. За него возьмишь и поворачивай!

– Где ты раньше был, – ворчала она. – Все руки ободрала, пока открутила!

– Рычаг придумали древние люди.

– Жалко, что они не придумали самонадевающиеся наручники. Возьми с полки фонарик, будешь мне светить!

– А если очнётся?

– Я тебе не древний человек, а современный медик. Действую не рычагом, а наукой.

Сама-то боялась безумно. Но связать пленного было необходимо. Руки замотала за спиной, ноги ещё и к железной подпорке примотала. Прислонила тело к стене, залепила скотчем рот. Брезгливо обшарила карманы. Ничего существенного, кроме пистолета и финки с наборной ручкой. Лучше бы телефон с собой носил!

– Тимочка, ты в армии служил?

– Нет.

– Ну, значит, стрелять не умеешь. Дальше будет опять самооборона без оружия.

Долго не могли заснуть. Тимофей всё-таки после полуночи захрапел. Поняв, что под такую музыку не заснёт, она перенесла постель в холодную горницу, накинула на одеяло зимнее пальто и тулуп и наконец-то уснула.

Проснулась от громкого стука. Спала одетая, поэтому открыла сразу. Взглянув на её заспанное лицо, главный спросил:

– К вам никто не заходил?

– Нас тут двое. А кто нужен-то?

– А вчера кто последним заходил?

– Тина два раза забегала. Второй раз – с кавалером. Он не заходил, на крыльце постоял. Всё. Да, потом ещё вот с ним и с Максимом в догонялки играли.

– Зачем она приходила?

– Ну, она спрашивала, зачем брёвна на берегу лежат...

– Какие брёвна?!

Долговязый испуганно мотнул головой:

– В том конце... плот...

Главный схватил его за грудки, но потом резко опустил руки:

– Ну... ты...

Выскочил и зашагал вверх по улице. Долговязый заспешил вслед. Марья Кузьминична оделась и вышла на дорогу. Бандиты уже маячили где-то за Аниным домом. Она верну-

лась во двор и побежала по тропинке мимо баков к Лениному дому. Только сейчас она сообразила, что в первый раз в нём не было никого! Главный дальше, чем когда с дороги её вернул, от дома не отходил! Когда они с Паней покойницу обмывали, они во дворе отирались. Добычу охраняли! А теперь в доме только покойница. Понятно, деньги хранятся в чулане. А где телефоны?

В чуланной двери блестел новенький дверной замок, да ещё и навесной висел на старенькой накладке. Где это они замки нашли на нашем острове, удивилась она. Да, значит, всё там, и телефоны в том числе. Пнула дверь ногой с досады. Побежала назад. И вовремя. С дороги слышались мужские голоса. Пулей влетела в дровяник, ухватила охалочку и медленно пошла к дому. А бандиты уже входили в дом, переругиваясь:

– Не мог Максим!

– Да? А где тогда он?

«Где-где, у вас под ногами», – подумала она злорадно.

Они зашли в дом и не церемонясь расположились за столом. Долговязый сказал:

– Бабка, дай пожрать!

Марья Кузьминична с грохотом свалила дрова у печи и сказала:

– Не видишь, только встала. Сейчас затоплю и кашу поставлю.

– Ну её. Картошки, что ли, навари.

– Так нет картошки, ты всю унёс. Макароны будешь?

– С мясом!

– Мяса нет. Разве что Барсика освежевать?

– Хватит! Ты когда Борьку видела? Куда он ходил, рассказывай, – стукнул по столу главный.

– Это кто Борька? Ваш молодой, что ли? Так говорю ж, только на крыльце стоял. А, он же ещё баней интересовался!

– Где баня?

– Вы что, за водой ни разу не ходили?

Значит, не ходили, молодой у них водоносом был. Кинулись на площадку к спуску, Марья Кузьминична из горницы в окошко наблюдала. Впрочем, главный сразу вернулся. То ли про богатства свои вспомнил, то ли просто лодырь. Она быстренька вернулась в дом, полезла в буфет, разворошила коробки с ампулами, выбрала одну, переломила, достала новую бутылочку со спиртом, вылила туда лекарство, ампулу с ваткой бросила в печку, бутылочку поставила на место.

– Тимофей, я при них буду тебя перевязывать!

– Понял, не дурак! Клофелин?

– Твой клофелин – прошлый век!

Когда главный вернулся в дом, Марья Кузьминична чистила луковицу. Он присел за стол и уставился на неё. Она пожалала плечами и сбросила нашинкованный лук на сковородку. В молчании они провели минут пятнадцать, потом в дом ворвался запыхавшийся долговязый с потрёпанным пакетом в руках:

– Вот! Под крышей нашёл!

Главный вынул из пакета три запечатанных в целлофан кирпича тысячерублёвок, повертел в руках и убрал в пакет:

– Это те, которые вы девке вчера дали? Да как вы...

– Кто же знал, что она их спрячет! Мы думали, она никуда не денется!

– Макароны будете? – Марья Кузьминична невозмутимо глядела на них. – Ешьте да ступайте к себе. И допустите наконец наших читалок к покойнице!

– Читайте, кто вам мешает!

– Бугай ваш пьяный вчера выгнал.

– Ну, сегодня ни его, ни водки, – пробормотал Долговязый.

– Это хорошо, – сказала Марья Кузьминична, и налила Тимофею чай.

Бандиты ушли, бросив напоследок: «Обедать придём». Тимофей спросил:

– Что ж не перевязывала?

– Как-то это получилось бы подчёркнуто. Долговязый – придурок, а вот главный... он, зверюга, нюхом чует. На обед придут и застанут нас невзначай. Время-то не сказали! Давай, Тимофей, я тебя застегну, и дойди ты до Пани и Анны, скажи, что к покойнице допускают!

Всё получилось. Уходя с обеда, Долговязый прихватил с собой бутылку, несмотря на слёзные просьбы Марьи Кузьминичны не лишать её медикамента. Через полчаса она по-

шла следом за ними, и нашла их спящими, одного за столом, другого на кровати. Первым делом скотчем был обмотан и привязан к стулу главный.

– А чтой-то ты делаешь? – сунула нос в дверь пришедшая сменить Анну Паня.

– Тише, люди спят! Топор пойдя найди, – прошипела Марья Кузьминична, переходя к Долговязому.

– Зарубишь, что ль?

– Кладовку открыть надо!

– Дык пошарь в карманах!

Пришлось обыскать обоих. Ключи, конечно, оказались у главного. И у обоих пистолеты.

– И где они их покупают, – с интересом разглядывала оружие Паня.

– Не трогай!

– За дуру-то не считай! Вдруг стрельнут!

Телефоны были свалены вместе с прочей техникой Тимофея в сумку, которая стояла у старинного круглого столика, невесть как оказавшегося в крестьянском доме. Она сгребла их в фартук и метнулась в дом, выхватила свой и посмотрела:

– Ну, мы могли год в оккупации прожить, и никто бы про нас не вспомнил. Третий день без связи – и никто не звонил! Гад наш участковый один раз, и больше не соизволил! Ссёлковскому позвоню! Михаил Антонович, вам повышение по службе не требуется? Мы тут для вас резонансное дело раскрыли...

Через полчаса над Вторым Рясово загрохотал вертолёт.

– Вот придурки, сказал Тимофей. – У нас и сесть-то некуда... разве что на дороге у самой речки.

Вся деревня сидела у покойницы, только Марья Кузьминична ушла в дом, поставила телефон на зарядку и разговаривала. Предупредила Зими́на, чтобы не давал жене смотреть местные новости. Он захлюпал в телефон: «Как жалко-то, Кузьминична!» На похороны обещал приехать. Посоветовал позвонить Ангелине с телевидения, может, она поможет с вездеходом. «А не дорого?» Он отрезал со знанием дела: «Информация – тоже товар!» Ангелина связала её с каким-то жуком с какого-то сайта, который за видео обещал завтра с утра пригнать вездеход, способный просто проехать через залитые на метр пороги. Позвонила Тимофею, который не выпускал обрётённую технику из дрожащих рук, и велела ему вести съёмку. Потом снова Ангелине, уточняя, не обманет ли этот жук. Она подтвердила, что всё будет, и что сама приедет. Тогда Марья Кузьминична заказала ей венок и продиктовала надпись. Ей стал что-то кричать какой-то мужик, чтобы убрала телефон и поговорила с ним. Она отмахнулась и позвонила Свете, попросила нанять местных, чтобы могилу выкопали: «Света, всё потом! Под берёзой, где все наши!» Тут мужик у неё телефон вырвал и отключил.

– Ах, простите, – опомнилась она. – Вы за бандитом? Что ж один, его же вытаскивать надо, – вышла в коридор и дёр-

нула за половик. – Вот, пожалуйста, забирайте!

Не пошёл у них разговор с прибывшими. Когда по деревне побежали бойцы в бронежилетах, касках и с автоматами, грубая Паня сказала:

– Ух ты, в каких лесах они такие красивые воевали, пока нас бандиты убивали?

Яростно ругались по поводу покойницы, которую приезжие во что бы то ни стало хотели забрать для вскрытия. Бабки встали стеной. Следователь воззвал к Марье Кузьминичне как к старосте, женщине образованной и относительно вменяемого возраста. Она ответила:

– Я как бывший медик и неверующая позволяю после смерти меня не только вскрыть, но и нашинковать. Но воля покойной выражена была внятно и недвусмысленно: не вскрывать, похоронить в Ссёлках. И мы должны её уважить. Вот покойница, вот её пробитый висок, вот угол сундука, с которого кровь не стёрта. Пишите протокол на коленке – и баста! Этот урод утверждает, что просто отмахнулся, свидетели, такие же бандиты, это подтверждают. Вскрытие иного не докажет.

Самый гадкий момент – при пересчёте не хватило трёх с небольшим хвостиком миллионов. В рюкзаке оказалось 12 миллионов, причём под пачками денег обнаружилось хозяйственное мыло. Марья Кузьминична сразу заявила, что мыло это у неё с полки вчера стащила бандитка по имени Тина. Но как оно могло там очутиться, если чулан всё время был за-

крыт и под наблюдением? Три миллиона, которые так и пролежали на столе рядом с уснувшим бандитом, по их утверждению, они сами дали Тине, убеждённые, что она никуда не денется.

Кто их украл? Естественно было предположить, что они уплыли с Тиной и Борькой. Но полицейские, обозлённые деревенской неуступчивостью, предположили, что деньги на мыло подменили те, кто чулан открывал. Взревела Паня. Из слов, ею произнесённых, в литературе употребляются только союзы. Марья Кузьминична, к несправедливости жизни привычная и ничего хорошего от власти не ждущая, сказала:

– Паня, успокойся. Пусть ответят на вопрос: на кой мы их вызвали? Могли спокойно утопить этих троих, разделить все 15 миллионов и после этого улететь на Багамы. Пусть обыскивают всю деревню вместо того, чтобы двух беглецов искать. Это для них и привычнее, и добычнее.

Всё это довершилось интервью заместителя губернатора, которое он поспешил дать центральному каналу, мол, наша доблестная полиция успешно обезвредила банду, и никто не пострадал. А потом другие бесконечно тиражировали это интервью на фоне кадров с замотанными в скотч бандитами и стоящими рядом старухами. Приличнее всех поступила телерадиокомпания, в которой работала Ангелина. В нескольких фразах сочувственно изложили ситуацию, в которой оказались пожилые жители деревни, посетовали на негибкость административно-территориального деления,

что давно следовало закрепить деревню за Ссёлками, указали на вину Рясовского участкового, который был обязан проверить относящиеся к его участку населённые пункты, а такие удалённые – тем более. А потом повторили монолог Елены Николаевны Рясовой, прозвучавший у них год назад в связи с махинациями чёрных риелторов.

К вечеру в деревне не осталось посторонних. Надя Рясова закатила глаза и сказала вслед вертолёту:

– Он улетел, но обещал вернуться! Ах, шалунишка! Спрашивается, на кой ляд мы их звали? Только время потеряли! Давайте теперь поминки готовить!

Утром приехали на военной машине с высокими колёсами Ангелина и Зимин. Его встречали со слезами. И он кинулся к старухам, будто год не виделись. А когда выехали на шоссе неподалёку от Ссёлок, их встретили и местные, и приехавшие на заказном автобусе старухи из большого Рясово. От шоссе и до церкви все двигались пешком. Марья Кузьминична услышала недоумённый шёпот местных: «Почему не вопят?» Удивилась: они что, не знают, что у Лены – родни никого. Оказалось, что в Рясово, в отличие от других деревень, сохранилась традиция причитаний. Неожиданно тонким-тонким голосом вступила Наташа:

– Круглая-то ты да сиротиночка,
Уж бедная ты да ягодиночка,
Уж никто тебя не провожает,
Ни отца-то у тебя да ни матери.

Провожают тебя да люди добрые,
Люди добрые да всё соседушки,
Люди добрые да ото всей души,
Ото всей души, да не от радости...

Это завораживающее гипнотическое пение прорвало какие-то шлюзы в душе, и вдруг полились слёзы. Она плакала, вспоминая Ленино миролюбие, её трогательные рассказы, незлобивость, нелёгкую судьбу, преданность непутёвому племяннику Феденьке. Когда тонкий голос Натальи внезапно смолк, вступил низкий грубый голос Пани:

– Как подымись, да туча грозная,
Упади, да с неба камушек,
Расколи-ка гробову доску,
Вы слетите с неба, ангелы,
Положите в тело душеньку...

Замолчала Паня, и из конца процессии, где шли приехавшие из большого Рясово, откликнулись:

– Я путем иду, широкой дороженькой.
Не ручей да бежит, быстра эта реченька.
Это я, бедна, слезами обливаюся...

В церкви Марья Кузьминична простояла недолго. Как-то неловко она чувствовала среди молящихся. Поставила свечу перед какой-то иконой и вышла на воздух. Следом за ней вышла продавщица Света:

– Ой, не могу службу отстоять, дела ждут, побежала я.
– Пойдём, Света, мимо почты, я деньги сниму, заодно рас-

считаемся.

– Если туго с деньгами, я подожду. Похороны ведь!

– Нет, Лена оставила деньги на похороны. Что останется, этому Федьке-паршивцу велела отдать.

– Тратьте, не экономьте, Федька уж полгода как умер, – сказала вышедшая со Светой специалист Рясовской сельской администрации, привезшая старух, которую по-прежнему они звали секретарём сельсовета.

– А что же, а Лена... – растерялась Марья Кузьминична.

– Я получила бумагу и положила её в сторону. Старая она, чего было смысла жизни её лишать? Сказала, Федька наказан на год запрещением посылок.

– Да, человек надеждой жив. Спасибо вам!

Вернулась вовремя, чтобы успеть проводить гроб от храма до могилы. Когда, кинув горстку земли, отошла к Пане, та с тоской ей сказала:

– Эх, думала, это место для меня... да вот соседushка опередила...

– Ты что? Твои ведь все в большом Рясово!

– Мои на небе, а в Рясово только могилы. А я хорошо, если два раза в год там бываю. Уйду – и никого с нами не будет. А тут, покуда живы, меня соседи навещать будут.

– Да, я тоже с мамой моей рядом не упокоюсь, – сказала Анна. – Здесь наше место.

– О чём вы толкуете, подружки, – обнял их подошедший сзади Зимин. – Жить надо! Назло пенсионному фонду! А

давайте я вам пример дам для подражания! Иду я, значит, вчера по Горьковской, а впереди над тротуаром зонт телепается такой радужный, перламутровый... ну, где-то в области моего пупка, а из-под него ножки такие капелюшечные, да на каблучке малюсеньком. Заглядываю я под зонт, а там...

– Да неужто наша графиня? – ахнула Паня.

– Она самая! Я поздоровался, она в ответ кивнула этак свысока... вот как жить надо! Любит она себя!

– Ну, что ж, – вздохнула Паня. – она мне чуть не в матери годится. Что барыней себя вела, так мы сами ей дозволяли. Что с ерундовиной этой скандал получился – да шут с ней, она же плохого не хотела, это мозгляк ейный вонь поднял. Дай ей бог до ста и дальше!

Через день позвонил следователь, сказал, что в лозинках под мостом труп утопленницы обнаружен, надо, мол опознать. И замолчал многозначительно.

– И для чего вы мне это говорите?

– Я должен вызвать вас для опознания.

– Ну, попробуйте, – усмехнулась она и прервала разговор.

Перезвонил потом не он, а Ссёлковский участковый. Да, вода спала, сказала она. Но не настолько, чтобы можно было пройти. Машина, может, и проедет, но таксисты рисковать не будут. Да и зачем ей эта докука, за сто вёрст ехать и на покойницу глядеть. Ах, гражданский долг? Когда это она задолжать успела тем, кто свой служебный долг не выполняет? Ладно-ладно, на него конкретно у неё обиды нет, пусть

присылают машину завтра с утра пораньше. Да, поедет она с Тимофеем. Заодно врачу его покажет и кое-какие покупки сделает.

Тимофей сегодня с утра копался в своих завалах. Одной рукой ему было неловко, но пришли Маруська с Наташей ему помогать. К приходу Марьи Кузьминичны почти всё уже было разобрано, прибрано и на три кучки разложено: что цело, что ремонтировать или на запчасти отложить, что на вышвыр.

– Глянь, Маша, какой порядок навели, – похвасталась Наташа. – Он ведь тут сидел, паутиной заросший. А железки – дело наживное, ещё купит!

– Завтра покупать поедем, – сказала Марья Кузьминична. – Полиция за нами машину пришлёт. Придётся за это на покойницу поглядеть, но зато потом пойдём покупать всё, что душевненьке угодно... но в пределах означенной суммы.

– Этого хватит, тётя Маша, – радостно сказал Тимофей. – Тут многое уцелело. Я ещё покопаюсь, может, ещё что-нибудь до вечера восстановлю.

Выходя из прозекторской в коридор, Марья Кузьминична с возмущением сказала:

– Вот скажи, для чего они нас сюда притащили? Её о пороги так побило, что даже не разобрать, не то он её убил, не то река. Ни лица, ни обуви. Куртка, вроде, её. Но таких в большом городе сотня на километр. Тимочка, ты что так побледнел? Ох, бедный, не привык ты к такому... давай-ка

на воздух!

Сзади тащился сопровождавший их полицейский. Она усадила Тимофея на лавочку, сказала:

– Дыши!

Поглядела на полицейского и что-то в памяти забрезжило. Вспомнила, как стояла эта белобрысая у шкафа и шарила взглядом по сторонам и сказала:

– Ну-ка, встань вот так, боком, – отошла в сторону, вернулась, подняла его руку. – Ну, точно! Давай-ка вернёмся.

Полицейский, тоже отчасти утративший свежий цвет лица, поплёлся следом за ней. Она влетела в прозекторскую и спросила патологоанатома:

– Скажите, а руки у неё в каком состоянии?

– Отпечатки, возможно, восстановим, я же сказал... а что?

– Девчонка была левша. Но это, наверное, по трупу не определишь? Зато на левой руке на запястье вверх от мизинца у неё был не то шрам, не то ожог, не то родимое пятно. Красноватый такой серпик.

– Есть!

Он показал.

– Она, Тина!

Полицейский, снова слегка позеленевший лицом, оживился:

– Это можно считать уверенным опознанием? Давайте запишем!

Марья Кузьминична расписалась в его бумагах и вернулась во двор:

– Пошли, Тимофей, я участковому позвонила, он обещал нас от Ссёлок до дома довезти. А то эти: «мы вас катать не намерены, или сразу отвезём, или сами добирайтесь». Здесь в двух кварталах травматология, санитар мне сказал. Чтобы побыстрее, купим платный талон, да и всё!

В травматологии к ним присоединился Зимин. Он перечислял названия магазинов и их адреса, Тимофей кивал: «Это серьёзная сеть... нет, туда не пойдём... большой, говоришь... ладно, посмотрим». Осмотр врача его заинтересовал гораздо меньше. Ну, а в магазине терпение у неё лопнуло. Оказывается, Тимофей не собирался всё покупать в одном месте! Они ходили, консультировались, записывали цены и параметры, собираясь сюда вернуться, если в следующем магазине будет дороже или не тех производителей. И Марья Кузьминична решительно сказала:

– Мужики, я для вас только кошелёк. Пока вы до кассы не дошли, мне тут делать нечего. В следующий магазин пойдёте без меня. Я двинусь по своим покупкам, а вы позвоните мне, когда дело дойдёт до пробивания чека.

Она посетила пару аптек, пополнив свои изрядно пощипанные после недавних событий запасы, потом не удержалась и пошла по магазинам. В очередном её застиг звонок Зимина: «Тимоха начал затовариваться». Выяснил, где она находится, и посоветовал добираться пешком, тут, мол,

недалеко, и дал ориентиры. И Марья Кузьминична бодро зашагала по тротуару, иногда поглядывая на противоположную сторону, потому что после того, как она пройдёт мимо банка, следовало повернуть направо. Вот и он... господи, а ведь это тот самый, ограбленный! Она даже приостановилась. Потом опомнилась и пошла дальше. Потом снова оглянулась. Следующее за ним здание – ювелирный магазин. На крыльце рядом с урной курил охранник. «Вот профессия», – вздохнула Марья Кузьминична. Пригляделась и вздрогнула. Сволочь, небось, не раз вот так курил с соседом по службе. А сам обрекал его на смерть.

Что делать? Нет, первым делом свои заботы, этот отморозок теперь никуда не денется! И она устремилась к компьютерному магазину.

Их взяли у кассы, когда она вставляла карточку в терминал. Оказывается, всё время, пока они ходили по магазинам, их «вели», ожидая, когда они начнут тратить три миллиона. Тимофей расстроился, что покупка не состоялась, Марья Кузьминична пришла в бешенство. Она сказала:

– Вот смотрите, на карте моё имя и дата выдачи. Полгода назад! Счёт проверяйте, а пользоваться им вы мне не запретите! Давайте терминал, я плачу! Тимочка, получай товар, вот чек! А за эту задержку я могу их достойно наказать. И поверь, я это сделаю!

Зимин сказал:

– Достали! Помню, был древний фильм «Процесс и трёх

миллионах». Там жулики решили банкира обокрасть, другой жулик решил этих жуликов обокрасть, а в результате его ещё один жулик опередил. Полиция запуталась в них. Так и наша полиция... тоже быстро умная.

Разобрались довольно быстро. Баланс она им сразу распечатала, и денег там всего-ничего, а через сорок минут они каким-то образом умудрились добраться до её вклада и убедились, что он сделан два с половиной года назад, а полгода назад перенесён на новый счёт под новые проценты, и никаких движений средств кроме процентов за это время не происходило. Невнятно извинились. Марья Кузьминична махнула рукой:

– Не стоит беспокоиться. Завтра проклятьями будете мою голову покрывать!

Позвонила тому, кто недавно пригнал им армейский вездеход. Объяснила ситуацию и мотивы, почему не захотела сообщать о преступнике.

– Хотите – сами задерживайте, хотите – местную полицию привлекайте. Снимайте шоу в любых ракурсах. А нам много не надо, просто доставку до дома обеспечьте за информацию!

Постепенно все втянулись в привычную круговерть, только Паня, заходя, вздыхала: «Вот, теперь ты на бою живёшь», имея в виду, что её хата теперь с края, да Марья Кузьминична за готовкой, иной раз забывшись, говорила себе: «Надо Лену угостить» и тут же вспоминала, что Лены больше нет.

Перезванивалась пару раз с Зиминим. Его Нину выписали из больницы, и долечивалась она в санатории, и муж с ней. Говорил: «Если бы престарелые дома такие были, я бы записался!»

Как-то крутилась у плиты, обед готовила. Стук в дверь. Кто бы, Паня в такую пору не ходит. Открыла. Лицо знакомое, следовательно, но не тот, что самый противный, постарше. И Зимин за ним!

– Кузьминична, не смотри зверем, человек меня подвёз!

– Ну, заходите. А что, вода ушла?

– Да нет, у них автомобиль вездеходный.

Разговаривали спокойно, без взаимных претензий. Вечером собрались, Марья Кузьминична соседям вкратце изложила:

– В общем, взяли этого Борьку отмороженного. И представьте, урки его не выдавали, хотя знали прекрасно, кто он есть. Убить собирались, а полиции сдать – нет! И как свой своего находит? Двое бугаев – в розыске, приехали к долгоязому, дружку по отсидке. Решили ограбить ювелирный магазин, предложили Борьке в долю войти, он отсоветовал, мол, трудно будет потом цацки загнать, и предложил взять соседний банк, он, мол, давно всё продумал. Там расчёт был на то, что в охране ребята разболтались и мышей не ловили. Привлёт к этому делу Тину как водителя. Утверждает, что кроме имени ничего о ней не знал. Врёт, на такие дела случайных людей не берут. В общем, она больше недели карау-

лила на маршруте, где объезд, там медицинский центр строят, техника дорогу раздолбала, и в непогоду пробка бывает. Как назло, погода сухая всё была, помните? А накануне мелкий дождь пошёл. И на второй день грузовик застрял как раз в нужном месте, перекрывая инкассаторам выезд. Девчонка подаёт сигнал, хватает машину и едет на встречу с ними, бандиты звонят условным звонком, охранник открывает, выстрелы, ограбление удалось! Главное, уходили они пешком дворами, а сели в машину в четырёх кварталах на тихой улице. Девушка за рулём, рядом с ней парень, машина не вызывает подозрений и вырывается из города. Дальше идёт уже не по Борькиному плану, а по бандитскому. Молодые надеялись поделить деньги и разбежаться в разные стороны, а их не выпустили и привезли к нам. Адрес дал Максим, он с Фёдей сидел. Передал Лене привет от покойного племянника. А я-то думала, что они её запугали! А они её убили этими словами: от покойного! Дальше рассказываю. Три миллиона девчонка умудрилась вытащить в день приезда. Там же в кладовке, после пересчёта, пока долговязый с Борькой за замками в Ссёлки ездили, а два бугая водку пили. Мыло в кладовке там же взяла.

– А на нас поклёп был! И не извинились, – возмутилась Паня.

– Не привыкли они извиняться. Продолжаю. Эта пара надеялась на следующий день сбежать. Но влил дождь, и дорогу закрыло. А дальше продолжался трёхкратный обмен ши-

ла на мыло. Борька нашёл деньги в её сумке и переложил в свою. Тина обнаружила пропажу и поняла, что молча спереть мог только он, урки бы шум подняли. Она не глупее его, сообразила, где искать. Сунула ему в сумку мыло, которое стащила у меня. Договорилась с Борькой бежать на плоту. Потом закатила истерику бандитам, мол, хочу свою долю! Они ей дали подержать, решили, что никуда не денется. Спьяну, конечно, они все дни пили, Света сказала, что четырнадцать бутылок у неё взяли. Пакет она передала Борьке, а он спрятал его в бане, зная, что никто из его компании за водой не ходит. Не учёл только одного: что урки опомнятся и решат деньги отобрать. Девчонка от них убежала, не зная, что он деньги до плота не донёс. Возвратиться к бане побоялись, решили бежать с тремя миллионами, причём каждый считал, что они у него. Убил ли он её, или она разбилась о камни, экспертиза не выявила. Но, когда дома вытащил из сумки хозяйственное мыло, испытал шок. Надеялся только, что отсидится, а потом вернётся в баню за тем пакетом. Потерял сознание, когда во время допроса узнал, что деньги найдены.

– А другие деньги что, утонули?

– Это зависит от того, что там ещё было. Если сумка не тяжёлая, может, ещё всплывёт. Вот повезёт кому-то!

– Да, пусть лучше у себя оставят, чем деньги банку сдавать, – сказала Анна. – Вот бы нашли их такие бедняги, как те, что от грабежа пострадали! В одной семье дети без отца, в другой мать-одиночка теперь с инвалидностью. А банк ни

копейки не дал, говорят, это их халатность!

Сороковины пришлись на субботу. Думали протопить дом Лены, чтобы помянуть её в родном доме. Но потом Марья Кузьминична сказала:

– Не будем менять традиций. У нас банный день. После бани все поднимаются ко мне, поскольку я ближе. Нас всего десять человек, чего мудрить!

– Год не пей, два не пей, а после бани выпей, – потёр руки Рясов.

– Васька, мы не на пьянку собираемся, а помянуть хорошего человека, – одёрнула его жена.

– Надь, да это поговорка такая!

– Алкаши и грязнули придумали! Я предлагаю родниковые поминки!

– Ну, уж ты сказанула, – возмутилась Паня. – До этого даже Меченый не додумался!

Сидели старики, вспоминали. Марья Кузьминична знала соседку всего два с небольшим года, а местные жили рядом всю жизнь – свою или её, в зависимости от возраста. Истории весёлые и печальные, поучительные и дурацкие. Тимофей шепнул ей:

– Вернись домой – запишу. Боюсь, это будет хроника умирающей деревни.

– Типун тебе на язык! Зимин рекомендует долго жить, как наша аристократка, назло пенсионному фонду.

В дверь постучали. Все как-то резко смолкли. Кому бы

явиться, если вся деревня здесь? Хозяйка выбралась из-за стола и вышла на террасу:

– Господи, Юрий! Что же мать не предупредил? Проходи, у нас поминки!

Наташа прослезилась:

– Сыночка! Аль случилось что?

– Это у вас случилось! Я только узнал – сразу поехал! Всё, мать, хватит тебе одной жить! Собирайся, поехали!

Марья Кузьминична пересадила Тимофея на своё место, усадила Юрия рядом с матерью, подала чистый прибор и пошла в горницу за стулом для себя. Ничего не подобрала, и пошла во двор, какой-нибудь чурбачок решила принести. Не возвращалась так долго, что за ней уже собирались послать Тимофея. Но тут она вернулась с пластмассовым бочонком:

– Тут пока сообразишь, что можно под сиденье приспособить...

– Думочку подложи, – передала ей с дивана подушечку Паня.

– Так что ты решила, Наташа?

– Маша, да уезжала я к ним, когда река не туда потекла. Не могу я в городе! Людей стесняю, сама стесняюсь! Домой приехала – у-у! Такая... свобода!

– Мама, да что у нас, неволя? Или тебя кто обижал?

– Сынок, мне семьдесят лет скоро. Я тут всю жизнь. Я сама себе хозяйка. Я ещё в силах себя обиходить. И ещё... стыд меня гнетёт. Я так испугалась! На этом конце банди-

тов ловили, а я у Рясовых прижухла как мышь под веником. Простите, люди добрые!

– Тётя Наташа, перестань, – возмутился Тимофей. – Никто из нас ничего сделать не мог. Только тётя Маша, как она говорит, воевала используя науку.

– Это какую науку?

– Психологию и фармакологию.

– Марья Кузьминична, скажите вы, что мне делать? Ведь это мама моя! Как я могу её после всего здесь оставить?

– Юра, мы не воевали, мы в заложники попали. Это могло быть в любом городе. Скажешь, нет? Наоборот, я бы сказала, теперь можно надеяться на спокойную жизнь. Снаряд дважды в одно место не падает.

– Ну, коли всё обсказали и всё пожрали, так идти вон не пора ли, – хлопнула по коленям Паня.

Все зашевелились. Марье Кузьминичне нужно было кое-что обсудить, и желательно бы в узком кругу, а потом она решила: а почему? Вместе горе мыкали. И сказала:

– Ну-ка, сядьте. Пока здесь все, а Юра тоже свой, должна я вам сказать...

Присели, глядя насторожено. Паня сказала:

– Ну, не томи. К детям, что ли, надумала?

Марья Кузьминична встала, откинула в сторону думку, открутила крышку бочонка и выложила из него на стол три целлофановых кирпича:

– Вот. Видно, побоялась девчонка, что Борька у неё день-

ги отберёт. Помнишь, Тимофей, как она по двору моему моталась? Дождик тогда ещё припустился, и я за ней не пошла. А она, значит, место искала, чтобы деньги спрятать и позже сюда вернуться. Думала, небось, что нас убьют, и дом пустой будет. Его-то могли опечатать, а сараюшки не стали бы. Давайте решать, соседи, что делать с ними.

– Как что? Сдать полиции, – возмутился Юрий.

– После всего хорошего? А вот фигурки, – возразил Тимофей.

– Отдавать не надо, но тратить их как-то стрёмно, – подала голос поразительно молчаливая сегодня Маруська. – Мне-то давать бесполезно, я хоть сколько дай, всё равно пропью. Может, Зиминым квартиру купить? Нина после операции, ей в городе лучше.

– А ты меня спроси, хочу ли я в городе? Нет у меня никого кроме Жорки. Да вы вот. А прежние знакомые сразу разнокомились, как мы в нищету впали.

– Анька правильно сказала, кровавые это деньги, – вздохнула Паня. – Начнём тратить – замараемся. Я так думаю... надо как в Нюсиной песне...

Замолчала. Все ждали продолжения.

– Тётя Паня, не томи, это какая песня? – не дождавшись продолжения, спросила Маруська.

– Про Робин-Бобина.

– «Робин-Бобин Барабек скушал сорок человек», – вспомнил Тимофей. – Прогулять, что ли?

– Да нет! Он же как ты... всё с луком ходил.

– Паня имеет в виду Робин Гуда из Шервудского леса, – улыбнулась Марья Кузьминична. – Он грабил богатых и отдавал бедным.

– Вот и я так сказала!

– Паня всё правильно сказала, – потянулся к бутылке Рясов. – Значит, отдать двум несчастным бабам – вдове и подстреленной. За это надо выпить!

Зима. «Главрыба, Шариков тебя не забудет!»

Уже сумерки подступали, когда автобус въехал в Уремовск. Марья Кузьминична решила сойти у торгового центра, чтобы потом пересесть на троллейбус, но, пока она добиралась до водителя, автобус успел проехать по проспекту пару кварталов. Выйдя из автобуса, стала оглядываться, соображая, в какую сторону двинуться. И увидела, что у неё за спиной светится неоновая вывеска «Hotel». Она подумала, что неплохо бы устроиться в гостинице и не ехать с ночёвкой к сёстрам Воловым. Она некоторое время топталась на перекрёстке, взвешивая все «за» и «против»: центр города, до больницы всего пара остановок, да и вещевого рынок недалеко; улочка, куда следовало свернуть к гостинице, пешеходная, с хорошо отреставрированными одно- и двухэтажными особняками XIX века, в старинном здании номеров, наверное, немного, так что, скорее всего, стоят они недёшево. Ладно, за спрос денег не берут!

Портье, милая молодая женщина, в ответ на вопрос о наличии недорогого номера цену назвала немаленькую, но и не заоблачную; не поняв реакции Марьи Кузьминичны, спешно добавила, что это с завтраком.

– Тогда вообще прекрасно, – махнула рукой Марья. –

Оформляйте на двое суток.

Протягивая ей магнитную карточку, портье извинилась, что идти по коридору довольно далеко, и окно номера находится над служебным входом в ресторан, поэтому после десяти утра её может побеспокоить хлопанье дверью:

– Но зато есть и плюс: напротив вашей комнаты за дверью без номера – служебная лестница, которая выведет вас к ресторану, а ещё вы сами можете воспользоваться служебным входом и через хоздвор выйти на улицу Гагарина.

– Как удачно! Моя больница на ней. Это что, у вас такое длинное здание?

– А вы подумали, что в старинном особняке? Нет, это удачный новодел. Нам запретили выше второго этажа строить, так архитекторы исхитрились на целый квартал вглубь дворов растянуться.

Войдя в номер, она оценила его по достоинству: двуспальная кровать, дверь между прихожей и комнатой, чтобы никакие шумы из коридора не побеспокоили, просторный санузел, даже с биде и фен. А шумная ресторанный дверь? Она отодвинула штору и хмыкнула: была бы юной девицей, озабоченная сохранением чести и достоинства. Прямо под окном – пластиковый полукупол, водружённый над тамбуром служебного входа.

Высушив волосы после душа и переодевшись, она покрутилась перед зеркалом и осталась довольна. Хоть сейчас в ресторан! Кстати, не мешало бы поесть. Начало шестого, вре-

мя подходящее. Не будет она экономить, разыскивая кафе подешевле!

В конце коридора обнаружилась дверь без номера, скрывавшая узкую служебную лестницу. Спустившись по ней, Марья Кузьминична оказалась в широком коридоре прямо перед стеклянными дверьми ресторана, автоматически открывшимися перед ней. Зал был пуст, только у входа пожилая супружеская пара допивала кофе, да ближе к бару ещё один стол был занят. Два плотных кавалера и очень худая высокая черноволосая девушка. Марья Кузьминична невольно задержала на ней взгляд. Вот явно незнакомая, но в то же время на кого-то знакомого похожа!

В это время к ней подошла официантка и пригласила сесть через стол от этой троицы. Марья Кузьминична просмотрела меню, отметив, что кофе слишком дорогой, решила выпить его после ужина в номере, благо разовые пакетики с собой имелись, быстро сделала заказ и попросила сразу принести счёт, извинившись за неурочный визит. «Нет-нет, никакого беспокойства, мы открываемся для посетителей в шесть, но постояльцев обслуживаем без перерыва», – улыбнулась девушка.

Она ещё только приступила к салату, когда за соседним столом начал разгораться скандал. Выкрикивал оскорбления один из мужчин, невнятно бубнил успокаивающе другой, тихо оправдывалась девушка. Наконец она встала и попыталась выбраться из-за стола. Скандалист вскочил и отвесил ей по-

щёчину. Девушка заскулила и пошла к выходу. Он нанёс ей боксёрский удар в грудь, и она рухнула на стул, скорчившись от боли.

У Марьи Кузьминичны в висках застучало от бешенства. Она положила вилку, вышла из-за стола и двинулась к соседям. В пылу ссоры они этого не заметили.

– Эй ты, дерьма кусок, – негромко сказала она. – Ну-ка, повернись!

– Чего тебе, бабка?

Рука у Марьи Кузьминичны была тяжёлая. Ещё в бытность её хирургической медсестрой приходилось иногда дежурить в травматологии. Среди тамошних пациентов наибольший процент пьяных, да и «белочка» не редкость. Поэтому она никогда не ждала, когда ей прилетит, и всегда успевала ударить первой. А в последние годы ей приходилось воевать с запоями Маруськи и менее частыми пьянками старика Рясова. На этот раз сил прибавила ярость. Оплеуха была такой, что скандалист рухнул на пол, опрокинув стул. Когда он поднялся с налитыми кровью глазами, она сказала:

– Ну, подними на меня руку. Здесь камер повешено! Это будет самый популярный ролик на ютубе! Пузатое ничтожество среднего пола бьёт старуху! А до этого – молодуху. Нашёл достойных соперников! Жаль, мужиков тут нет, с ними бы ты себя иначе вёл! Молодец среди овец, а против молодца – и сам овца.

Марья умышленно его дразнила, отвлекая на себя. Сходу

невозможно оценить взаимоотношения этой троицы, но уже понятно было, что третий – человек случайный в их компании. Вот он, пришедший в себя, перехватывает скандалиста и бормочет ему, что камера со стороны бара направлена прямо на них, и всё записывается: «Не усугубляйте, это может получить нехороший резонанс». Кто девушка? Явно не жена. Скорее, проститутка. Но и девушка с заниженной социальной ответственностью едва ли стала бы терпеть такое в публичном месте. Подошла официантка, протянула ей надорванную пачку бумажных платков ухватила за локоть и повела к выходу. Повёл следом за ними замолчавшего скандалиста сосед по столу. Марья Кузьминична вернулась к столу, вытерла руки салфеткой: «Руки обмарала об эту гадость!» и придвинула к себе недоеденный салат. Жевала уже без аппетита, скорее, только потому, что уплаченных денег было жалко.

Вдруг на стол опустился поднос. Улыбающаяся официантка составила на стол кофе, пирожные и фруктовую вазу.

– Я не заказывала, – растерянно произнесла Марья.

– Комплимент от шефа, – торжественно произнесла официантка.

Послышались аплодисменты. Марья Кузьминична обернулась. Вышли из кухни и выстроились в ряд, судя по форме, повар и три поварихи, ещё одна официантка и бармен.

– Наверное, мне следует встать и раскланяться? – мрачно спросила официантку Марья. – Что-то не хочется. Вот ведь

среди них два мужика. Но не вышли!

– Алексей Степанович не видел, он на кухне же, мы ему только потом рассказали. А Славик... ну, вы видите, какой он дробненький. Его же соплёй перешибёшь!

Ответить Марья Кузьминична не успела. Распахнулись двери, стремительно вошёл какой-то мужчина. Подошёл к столу сказал:

– Так, комплимент... а вино какое предпочитаете?

– Чтобы это кино сочли пьяной дракой?

Мужчина помахал рукой работникам ресторана, чтобы подошли, и представился:

– Рогов Игорь Анатольевич, директор этого ресторана. Только что вместе с вашими спарринг-партнёрами просматривал запись вашего поединка. Эти мерзавцы уговаривали всё стереть. К счастью, безопасность нам не подчиняется. Они послали их далеко и надолго, и правила нарушать отказались.

– А нам посмотреть можно? – выпалила официантка, а потом испугалась. – Ой, извините, Игорь Анатольевич!

– Это уж вы сами у охраны спрашивайте. В нерабочее время, Лиза – добавил он, смягчив резкий тон улыбкой. – А пока мы не открылись, давайте шампанского выпьем. Так вы какое предпочитаете...

– Марья Кузьминична, – представилась и она. – Сухое или брют. Можно розовое.

– Славик, крымское, – скомандовал директор.

Выпили. Кухонные женщины по-быстрому чмокнули Марию в щёчку, одна из них шепнула: «За нас, за баб, спасибо!» и побежали на кухню. Степенно поклонившись, ушёл за ними шеф, стала убирать со стола официантка.

– Лиза, кофе остыл. замени и отнеси в номер вместе с десертом, – сказал Рогов, попрощался и ушёл в служебные помещения.

– Мне бы руки помыть, – опершись на стол и попав в лужицу вина, поморщилась Марья Кузьминична.

– Пойдёмте, покажу, – сказала Лиза и пошла к раздвижным дверям. – Я и модель туда проводила кровь смыть.

– Какую модель?

– Ну, эту, Сандру... а вы что, её не узнали?

– Нет. А кто она?

– Ну, как же! Сейчас постоянно рекламу крутят. Там большой аквариум с акулой, а она вся такая в рыбьей чешуе и икру намазывает...

– Господи, а я-то думаю, какое лицо знакомое! То есть она не последний кусок доедает. Зачем же позволяет так себя унижать?

– Это шоу-бизнес, – молоденькая официантка вздохнула с видом светской львицы из надоевшей ей арт-тусовки. – Вот, – махнула она рукой на дверь и повернулась к ресторанному залу. – Через десять минут принесу ваш десерт в номер.

Марья Кузьминична не успела подойти к умывальнику,

потому что услышала хрип за дверью, ведущей к туалетным кабинкам. Она распахнула её и увидела полулежащую на полу Сандру. Не сразу поняла, что она не лежит, а висит на узком ремешке, привязанном к ручке окна, но сразу поняла, что дела плохи, крикнула: «Лиза!» и подхватила девушку под мышки, приподняв, чтобы ослабить петлю. Влетела Лиза. Девчонка, несмотря на молодость, действовала как надо. Ломая ногти, она сначала попыталась отвязать ремешок, а потом поняла, что не справляется, и присоединилась к старухе, рванув Сандру вверх и пропыхтев «Держите» сняла петлю через голову. Дальше Марья Кузьминична действовала профессионально: дыхание «изо рта в рот», массаж сердца. Почти сразу Сандра открыла глаза. Лиза шёпотом спросила:

– Как вы думаете, притворяется?

– Да почему?

– Она же давно здесь. Уже бы умерла.

– Ты думаешь, на это решаются легко и сразу? Погляди на её лицо, она же рыдала не меньше четверти часа.

Сандра заплакала. Лиза присоединилась. Марья Кузьминична рывкнула:

– Тебя тоже откачивать? Слышишь, посетители пошли? А у тебя со стола не убрано. Живо, работать! Только косынку оставь, надо ей шею прикрыть. И чтоб никому, слышишь, Лиза?

– Не беспокойтесь, не дура. У нас за болтовню увольняют. Марья свалила девушку на свою кровать, обернула ей шею

мокрым полотенцем, предварительно подложив пакет на подушку, села рядом и сказала:

– Ну, рассказывай. Меня, кстати, тётёй Машей зовут. А ты? Саша? Я так и подумала, что за имя – Сандра. Огрызок какой-то.

Сандра лепетала о маме, о брате, о том, что семье нужны деньги. Что эта работа ей никогда не нравилась, но она с первого курса подрабатывала, иначе не прожить. Что, когда два года назад её пригласил Георгий, сразу стали жить лучше. А потом у него стал портиться характер...

– Подожди, они же знают, что над тобой этот тип измывается? Я вижу, у тебя по всему телу синяки разной степени давности. А на бедре – ожоги от сигареты. Ты что, мазохистка?

– Да я бы от него по снегу босиком ушла! Но мы же кругом должны!

– Лечение за границей?

– Ну, мама ездила, да. А ещё Серёжа... он в школе учился неважно, его пришлось на платное в институт... и ещё приходится за каждый экзамен платить...

– То есть не тянет? Зачем тогда деньги тратить?

– Но ведь его тогда в армию...

– погоди! То есть чтобы он от дедовщины не пострадал, они тебе дедовщину в семье устроили?

– Что вы такое говорите...

– Мамаша твоя – типичный старослужащий. Чтобы сыну-

лю не тронули, отдала тебя на растерзание. Ты со своим дипломом врача вполне можешь себя прокормить. А этим упырям нужно твою кровь пить. Бросай, а?

– Я не смогу. И дома станет совсем невозможно. Он же... ну, Георгий... он будет ходить...

– Не пускай.

– Мама впустит.

– Да, ты такая овца, что будешь уступать бесконечно.

Марья Кузьминична тяжело задумалась. Потом хлопнула ладонями по коленям и поднялась:

– Вот представь себе, твоя сегодняшняя глупость удалась.

Что скажет твоя мама?

– Дура!

– Кто?

– Это мама скажет: дура! Она всегда так говорит!

– Значит, так. Ты умерла сегодня в шесть часов вечера.

Начнёшь жизнь заново.

– Как? Где?

– В деревню хочешь?

– А что я там?

– Сначала просто поживёшь. Без мордобоя, без оскорблений. А там видно будет.

– А мама, Серёжа?

– Мама пенсию получает?

– Нет, что вы! Ей только 47!

– Значит, зарабатывает.

– Что она там зарабатывает, в её конторе!

– Ну, поумерит аппетит. А Серёжа твой в армию ходит, потом на работу устроится. Ты тоже работать будешь, но на себя.

– Кем?

Марья Кузьминична прошлась по комнате. А, была не была! Не зря же она, вынув деньги Тины из бочонка, не показала никому её документы. Не хотела, чтобы родные, если они живы, узнали о её преступлении и гибели. Пусть лучше думают, что легкомысленная девчонка умчалась куда-то далеко за лучшей жизнью!

– Ну, диплом врача на новую фамилию я нарисовать не смогу. Но вот фельдшера у меня имеется. Устроит?

– Да какой из меня врач, я интернатуру с трудом одолела, то съёмки, то показы. И два года прошло, как я диплом получила. Фельдшером в самый раз... а вы серьёзно?

– Паспорт на имя Кузнецовой Алевтины Ивановны, двадцати двух лет от роду, диплом Харьковского медицинского колледжа, СНИЛС, страховой медицинский полис. Она блондинка была. Пойдёшь на такую жертву – перекраситься? До утра послезавтрашнего продержишься?

– У меня показ завтра. Ой, а шея?

Она вскочила с кровати и бросилась к зеркалу:

– Ужас!

– Ну, раз девушка о внешности забеспокоилась, значит, кризис прошёл. Иди к себе в номер, делай примочки. Ви-

дишь, холодные немного красноту сняли. Но, конечно, совсем не пройдёт. Завтра теплом будешь лечиться. И вот тебе – это у меня мазь от варикоза. Будешь мазаться. А в люди придётся выходить либо с косыночкой на шее, либо с каким-нибудь украшением типа ошейника: ну, там бархатная ленточка с висюльками... что там у вас носят, в вашем шоу-бизнесе? Оттянись напоследок перед тем, как в деревне в калоши обуваться.

– Ой, надо же купить одежду деревенскую! У меня каблук, пальто – всё такое, что в обычной жизни я даже в Москве носить не стану. А уж в деревне...

Сандра выгребла из сумки деньги и выложила их на стол:

– Вот, насколько хватит.

– Давай размеры запишу, Аля. Теперь тебя так звать будут. И вечером тогда выбери время завтра, зайди.

С утра Марья Кузьминична посетила поликлинику, очень быстро прошла стандартное обследование и отправилась на вещевой рынок. С неохотой подбирала одежду для девушки: недорогой пуховик, джинсы, сапоги, спортивный костюм, бельё. Денег было вполне достаточно, но Марья была почти уверена, что девушка передумает. Покупая себе куртку, наткнулась на что-то знакомое. Пригляделась: пальто одно к одному как у Пани. Вытащила из кипы барахла, наваленного на прилавок. Даже с этикеткой. Да ничего себе, 1996 год! Засмеялась. Продавщица кинулась к ней:

– Ну да, старая вещь, я и не скрываю. Мамаше дав-

ным-давно купила. А она так и не собралась подшить. Она у меня грузная, но маленькая. Так и пролежало на антресоли. Но это не ваш размер.

– Соседка моя в таком ходит. Оно потрёпанное совсем, а она с ним никак не расстанется. Ну-ка, прикину... кажется, один-в-один. За сколько отдадите?

– Если куртку возьмёшь, пальто пойдёт в придачу!

У входа на рынок купила фонарик, от Ссёлок придётся идти в сумерках. В номере поставила его на зарядку, бросила покупки и пошла к Воловым, предварительно позвонив. Со-врала, что только сегодня приехала и уже уезжает. За обедом болтали о том, о сём. Марья Кузьминична удивилась, что в квартире очень тихо.

– Так умерли соседи, – сказала Марина. – За последние полгода тот отсек обезлюдел. Сначала Шура опилась... ну, ты помнишь? – Марья кивнула: скандальную Шуру не запомнить было невозможно. – Ну, а потом старик Егоров отмучился. А бабушку его сын в Москву забрал, там у них второй народился, невестка на работу вышла, свекруху на хозяйство бросили. Тихо в нашем подъезде. Здесь мы да соседка, наверху в каждом отсеке по одной семье. Две квартиры куплены, но пока не ремонтируют и не въезжают. Слух прошёл, что пойдём под снос.

Марья Кузьминична уже протянула руку к кнопке кодового замка, но вдруг остановилась. Вспомнила, как прошлой зимой затаскивала пьяную Шуру в квартиру, а вредные Его-

ровы не открыли входную дверь. Она вернулась на площадку первого этажа, вынула из сумки связку своих ключей и сунула в замочную скважину тот, что от сарая. Подошёл, как и в прошлом году. Включила свет и огляделась: справа дверь в квартиру Егоровых, слева в конце коридора – Шурина дверь. А перед ней вдоль стены – старинный кожаный диван с твёрдыми валиками и деревянной полочкой на спинке. «Хорошее убежище», – кивнула сама себе, выключила свет, закрыла замок и пошла в гостиницу. По дороге ещё затоварилась в аптеке. Провизору пояснила:

– В нашу деревню, как вода от осенних дождей поднимется, медицинская помощь не доберётся до ледостава. Живём на горушке, окружённой водой и трясинной. Даже вертолёту сесть некуда. Так что, милая, сделай мне набор лекарств и инструментов на все болезни.

– Тогда и хирургический набор на случай аппендицита, – хмыкнула та.

– Могу и аппендицит вырезать. Но лицензии не имею. Закончила то же здешнее медучилище, что и ты. Только лет на тридцать раньше.

– Ну уж, тридцать, – засмушалась польщённая провизорша. – От силы лет двадцать.

«Десять – пятнадцать», – подумала Марья Кузьминична, но эту мысль оставила при себе. Главное, что контакт налажен. Женщина расстаралась, предлагала новинки, о которых пенсионерка не знала.

Вечером легла ближе к полуночи. Сандра, как она и предвидела, не пришла.

Ночью проснулась от постороннего звука. Было непривычно темно. Она не сразу сообразила, что сквозь шторы не пробивается свет от уличных фонарей. Щёлкнула выключателем ночника, свет не зажегся. Снова какой-то писк за дверью. Встала, включила телефон: час быка, начало третьего. Подсвечивая им, открыла дверь. Привалившись к стене, у двери сидела Сандра. Марья Кузьминична подхватила её под мышки и затащила в номер:

– Что же ты раньше не пришла?

– Я... лежала... на полу...

До неё не сразу дошло:

– Без сознания, что ли? Опять ударил?

Сандра засмеялась каким-то лающим смехом:

– Не ударил. Избил.

Марья Кузьминична догадалась вытащить из розетки фонарик и осветила девушку:

– Боже! Я вызываю скорую и полицию!

– Не надо. Я потом всё равно откажусь. У меня воли нет давно...

– Ладно. Сделаю что смогу, – и забегала, приговаривая. – Нехорошо это, обмываю тебя на полу, как покойницу.

– Так я же вчера умерла, – тихо засмеялась Сандра.

– Стоп. Глубоко не вдыхать, кашлять и смеяться на малом выдохе. Не исключено, что рёбра сломаны.

– Не-е. Трещины в худшем случае. Я знаю, как это...

– Что, уже ломал? Убить тебя мало за всё твоё унижение!

За окнами замигал свет. Следом включился ночник над кроватью. Марья Кузьминична включила люстру и ахнула: чёрные волосы девушки на затылке слиплись от засохшей крови.

– Что же я делать с ними буду! Ой, тут рана глубокая! Надо концы сшивать, значит придётся этот участок выстригать. А сначала перекисью размачивать.

– Это долго. Обрежьте их совсем. Наголо!

– Ты что?

– Вы же сказали, что перекрашивать надо. Свои-то у меня рыжие. А эти – и крашенные, и наращенные. Кругом не свои. И потом... в таком виде я уж точно ему не нужна.

– Ага. Если только в качестве боксёрской груши. А ведь, действительно, корни на миллиметр светлые, – бормотала Марья Кузьминична, подрезая волосы. – Слушай, неровно получается. Можно, я бритвой?

Как ни старалась аккуратно действовать вокруг раны, но кровотечение возобновилось. Хорошо, что она не оставила закупку аптечки на последний день! Побрызгав обезболивающим спреем на рану, она сказала:

– Что бы такое в зубы? А, вот, ложка одноразовая. Сожми, шить буду! Ой, а что это у тебя с глазами?

– Что? А, это линзы цветные. Выпала одна... наверное, когда там на полу лежала.

– Слушай, совсем другой человек! Глазки такие голубенькие, славные, и даже лысая голова тебе идёт.

– Ага. Гармонирует с синяками и ссадинами.

На всё ушло почти два часа. Когда, уже перевязанная и одетая, Сандра прилегла на кровать, Марья Кузьминична выключила свет и расшторила окно:

– Жаль, кажется, свет больше вырубать не будут. Придётся тебя через окно эвакуировать.

– Со второго этажа?!

– А что, батареи здесь чугунные, трубы стальные. Я сегодня трос хороший купила на нашу водовозку, вот закреплю за отопление, тебя в петлю усажу и буду помаленьку стравливать. Мы вчера с Лизой ходили к охране кино смотреть про мою драку, я запомнила, что тут камеры охватывают. Очень удачно, что ты из своего номера переходила в мой, когда света не было и камеры не работали. Эту пристройку над входом камеры видят только с левой стороны. Моё окно не видно. Так что спускаю тебя на правую, ты вдоль стены отходишь назад метров на десять, а потом выходишь на дорожку и топaeшь к воротам, вроде как мимо проходила, по малой нужде зашла. Из ворот выходишь – и через дорогу. Идёшь налево очень долго, квартала четыре. А они немаленькие. Когда увидишь на противоположной стороне заправку – считай, дошла. За ней – магазин, дальше начинаются старые двухэтажные дома. Второй – тот, что тебе нужен. Раньше на другую сторону не переходи, там люди, там опасно. Вход со дво-

ра. Код от двери – вот, на бумажке. Слева на первом этаже нет жильцов. Вот ключ. В коридорчике стоит диван, я его сегодня влажными салфетками протёрла. Выключатель справа, но свет лучше не включать. Вот тебе фонарь. Отопления там нет, но от квартир тепло идёт, в пуховике не замёрзнешь. Теперь тебе надо внешность изменить.

Сандра засмеялась:

– Да куда уж ещё!

– Цыц! Фигура у тебя... запоминающаяся. В виде шнурика. И лицо мертвенно-бледное, как у покойницы. Косметики у меня нет, но сейчас кофе разведу и покрашу в лучшем виде. А фигуру утолстим деревенскими гостинцами. Капюшон не натягиваешь, это будет горб. Поверх джинсов – лыжные штаны с начёсом, Тимоше покупала. Поверх сапог – войлочные боты, тоже ему. Поверх шапки – моя шаль пуховая. Поверх пуховика – Панино пальто. Этикетку не оторви, она ей будет особенно дорога, это год её выхода на пенсию. Вот так, заправила. Ну, глянь, какая симпатичная упитанная горбатая старуха!

Сандра посмотрелась в зеркало и прыснула:

– Надо добавить ещё один штрих к этому образу: я буду хромать!

– Так, поменьше, только слегка приволакивай ногу. За воротами прекращай. Быстро идти ты не сможешь, обувь будет сваливаться, придётся шаркать. Если уж будет неважно, разуешься. Всё остальное снимешь только на месте. Вот, в

кошёлку сложишь. И ложись спать. После одиннадцати выйдешь к остановке на противоположной стороне, сядешь на 22-й автобус, и едешь до кольца станкостроительного. Там остановка междугородних рейсов. Ох, у тебя ведь телефона нет. На вот, надень мои часики старенькие. Новогорский автобус отходит от вокзала в 12 часов. Я буду на нём. Повтори маршрут... так, всё правильно. Садись в петлю. А эту пропусти под мышками. Больше ни слова! Ложись на подоконник и спускай ноги на козырёк. Не бойся, я тебя удержу!

Когда трос ослаб, Марья Кузьминична перевела дух. Втащила его в комнату и, скручивая, наблюдала, как на дорожке, шаркая и прихрамывая, прошла нелепая фигура. Когда она скрылась за воротами, перевела дух, задёрнула шторы и принялась за уборку. Волосы и окровавленные тряпки сложила в пакет, чтобы выбросить потом подальше от гостиницы. И линзу туда же. Подумала, что в коридоре могли остаться следы, но решила отложить это дело до завтрака, слишком странной будет выглядеть на мониторе постоялица, затеявшая уборку коридора в 4 часа утра.

Действительно, кровь осталась от головы сидящей девушки на стенной панели, и ещё несколько капель на полу, что она обнаружила, когда отправилась утром в ресторан. Как хорошо, что горничные не приступили к работе! Уронила карточку и неуклюже наклонилась, придерживаясь рукой с влажной салфеткой за стену. Так, чисто. А теперь с пола. А, вот она, вторая линза. Порядок!

После завтрака принялась укладывать вещи, собираясь ещё полежать потом с полчаса перед отъездом. Но тут в дверь постучали. Открыла. Горничная, и с ней два мужчины, один в полицейской форме. Сердце заколотилось: что с девушкой?

– Разрешите войти?

– Да пожалуйста! Что, или мой спарринг-партнёр всё-таки пожаловался?

Мужчины переглянулись, женщина улыбнулась. Похоже, среди работников гостиницы запись пользуется успехом.

– Мы разыскиваем Александру Тимонину.

– А кто это?

– Вы из-за неё пошли на спарринг.

– А, которая в рыбьей чешуе!

– Мария Кузьминична, дело серьёзное, женщина пропала.

– Вы думаете, он её убил? А меня подозреваете в соучастии?

– Мария Кузьминична, мы не шутим! Женщина пропала из номера, причём без одежды.

– Джигит завернул в бурку и унёс в туман? Или её расчленил и вынес этот скот? Хотите проверить мои сумки? Уверю вас, там только покупки, преимущественно одежда... ещё лекарства. Подождите, у вас же тут везде камеры пона-тыканы! Чем по всем номерам ходить, посмотрели бы, куда она пошла.

– Ночью во всём районе на полчаса отключалось электри-

чество.

– Точно! Я в это время просыпалась. Было начало третьего. Как-то не по себе стало. Потом часа два заснуть не могла. Уж и свет включили, а у меня нервы разошлись. Чай пила, читала, душ принимала.

– Вот в эти полчаса она и исчезла.

– Молодец!

– Как вы думаете, куда она могла сбежать?

– Ну, не в мою деревню! Второе Рясово, может, слышали? Девять домов, восемь из них жилые, десять жителей. Мы были бы рады одиннадцатому, но такие дураки редко встречаются.

– Однако прописаны вы в Утятине.

– Там живёт семья моего младшего сына. А я уже три года в деревне. Кстати, если вы меня ещё чуть-чуть задержите, я опоздаю на автобус.

– Поедете на следующем.

– Следующий мне не подходит, после трёх через Ссёлки рейсов нет.

– Я довезу вас на автовокзал.

– Вот спасибо!

Марья Кузьминична стала быстро укладывать вещи, при этом отвечая на вопросы. Да, говорила с ней. Пардон, в ресторанном туалете. Девушка там плакала, а она призывала её уйти от этого скота. Да, рассказывала. Показала на теле синяки разной степени давности. И ожоги на бедре. От сига-

реты, да. Да, в этот номер девушка заходила. Тогда же привела её сюда, капель накапала. Посидела, потом вспомнила, что у неё показ, и полетела одеваться. Какой показ? Наверное, ателье номер восемь. Нет, конечно, это я к примеру. Что она может тут рекламировать, Кардена, что ли? Девушка из третьего эшелона моделей, просто была у неё пара удачных съёмок в рекламе.

Вовремя вспомнила про пакет с волосами. Поспешно скомкала и сунула в сумочку. Всё!

Полицейский с горничной стали стучать в соседние номера, а Марья Кузьминична и второй мужчина, тот, что в штатском, пошли на выход. Он даже взял её сумку, ту, что побольше:

– Придётся пройтись, машина за углом, на проспекте.

Сдала портье магнитную карточку, получила в ответ стандартную улыбку и приглашение: «Приезжайте к нам ещё!» и невольно засмеялась.

– Правда, Марья Кузьминична, не каждый же раз у нас такие гости неадекватные, – выходя из образа, сказала милая женщина. – Вот наша визитка, если позвоните заранее, забронируем вам номер и бюджетнее, и на первом этаже, и поближе к выходу. Приезжайте!

– Ну, не знаю. Всегда останавливалась у подруг времён студенчества. На этот раз захотела побыть в цивилизных условиях. И что же? Сначала драка, потом допрос и задержание, – кивнула она на сопровождающего.

Портье ахнула. Полицейский покачал головой:

– Дама шутит со мной уже целый час. А я предложил подвезти её до автовокзала, поскольку мы за беседой время перебрали.

– Может, такси вызвать?

– Да нет, если уж обещал...

Вышли из гостиницы и пошли к проспекту, и почти столкнулись с не спеша идущим братом:

– Маша...

– Здравствуй, Ваня. Извини, некогда болтать, на автобус опаздываю.

Иван Кузьмич растерянно смотрел ей вслед.

Полицейского разбирало любопытство, но спросить о том, что это за знакомства в чужом городе, не осмелился, памятуя, наверное, о её остром языке. А Марью Кузьминичну в другое время эта случайная встреча очень бы расстроила, но не сейчас, потому что больше её беспокоило, что там с девушкой: как дошла, не обидели ли дорогой, удалось ли незаметно зайти в дом и потом выйти, не стало ли хуже. Когда приехали на автовокзал, её заволновало уже поведение полицейского. Он вынул сумки из багажника, прошёл вместе с ней через охрану с металлоискателями, встал у кассы и не думал уходить, несмотря на явное желание Марьи Кузьминичны проститься. А ведь ей два билета покупать! Не у него же под носом...

На вопрос о наличии мест из кассы громыхнуло: «На про-

ходящие – по прибытию». Худенькая женщина, прислонившаяся к стене у кассы, сказала: «За мной будете». Марья Кузьминична прислонилась рядом и повернулась боком, не желая общаться с полицейским. Но тут послышалось: «Тётя Маша!» К ней подлетела Светка, продавщица из Сёллок:

– Ой, а я всё выглядываю, хоть бы кто из своих подошёл! Слава богу, не одна буду на перекрёстке стоять! Вы какими судьбами тут?

Не сказать, что Марья Кузьминична ей обрадовалась; не хотелось ей, чтобы кто-то видел сейчас Сандру. Однако вступила в разговор, отвечая, что приезжала в больницу и за покупками. Потом поглядела на кресла для ожидающих и спросила:

– Это что, Кристинка твоя? Ты посмотри, что выделяет! Иди, приглядывай, куплю я тебе билет!

Светка ойкнула, поблагодарила и полетела к дочке. Полицейский кивнул ей и отошёл к буфету. Тут и радио захрипело, оповещая о прибытии их автобуса, и Марья Кузьминична уже без опасения спросила три билета. И всё-таки тревожно, почему он такой навязчивый. Проверял, не врёт ли она о деревне? Даже когда уселась в автобус, тот продолжал стоять у окна, жуя пирожок и глядя в её сторону.

На кольце станкостроительного в кучке ожидающих Сандра из-за роста была заметна издали, но не гляделась совсем уж нездешней: такая же неброская одежда, такая же неказистая сумка, в которую она запихнула свою маскарадную

одежду. Увидев в окне Марию Кузьминичну, улыбнулась. Старуха подумала, что впервые видит девушку улыбающуюся, и это зрелище ею тронуло. Образ модели Сандры – пиковая дама: прямые чёрные волосы, мрачные чёрные глаза, мертвенно бледное лицо, тёмная, почти чёрная помада. А у этой голубоглазой смуглой девочки улыбка детская: жемчужные зубки, розовые губки, ямочки на щеках. Разве дашь ей 27 лет? И это при том, что последние два года она жила с садистом. Ну, не все два, она говорила, что сначала он вёл себя с ней вполне прилично. Всё равно порода у девчонки хорошая. Будет она ещё счастливой!

Кстати, о смуглой коже. Вблизи стало видно, что её самодельный кофейный макияж оказался нестойким. Лицо в разводах. Ну, понятно, спала, руками лицо тёрла. А зеркальца-то нет!

– Аля, у тебя кожа лица аллергии не подвержена? – спросила она, пропустив её к окну. – Вот зеркальце и влажные салфетки. Или лучше водичкой?

– Моя кожа и не то выдерживала. Боже, ну и замарашка!

– Слушай, что это тебя трясёт? Неужели замёрзла?

– Кажется, температура.

– С ночи?

– Да нет, спала как убитая. Я, когда в тот коридор вошла и закрылась изнутри, все двери подёргала и такую опасность почувствовала, такое спокойствие на меня сошло. Проснулась – на часах начало двенадцатого! Я сразу бежать!

А оказалось, что даже рано. Полчаса ждала. Вот здесь стала мёрзнуть. Нервы, наверное...

Ещё автобус за пределы города не выехал, а она уже заснула, прислонившись к окну. Марья Кузьминична и сама решила вздремнуть, ночка-то у неё была беспокойной, а день весьма тревожным, но тут рядом раздался возглас: «Маша!» Над ней стоял пожилой человек, щеголевато одетый, но весьма потрёпанный жизнью. Судя по обращению, он был знакомцем из давней молодости. Нет, никаких ассоциаций! Увидев её реакцию, засмеялся:

– Не узнаёшь? На первой операции ты мне сказала: «Да не бери ты в голову этот дивертикул, главное, пальчик себе не порежь!»

– Митенька! Ты так переменялся... заматерел...

– Ага, от слов «такую мать». Запаршивел.

– Да ладно тебе!

Этот Митенька, Дмитрий Иванович, лет приблизительно тридцать пять назад отработывал в Утятине распределение. Был он тогда весел, лохмат и женолюбив. Проявлял внимание ко всем больничным дамам от двадцати и до сорока. Но с Машей, сверстницей, но уже опытной медсестрой и матерью двоих сыновей, у них сложились приятельские отношения без всяких намёков на интим. Молодой хирург был эстетом, а Марья Кузьминична и в молодые годы красотой не блистала, что её, учитывая семейное положение, уже мало волновало. Да и Митеньку она всегда воспринимала как младшего

братишку. Да, помотала жизнь приятеля. Красные прожилки на лице... ну, понятно, он выпить и в молодости был не дурак, с чего бы к старости завязать. Голова уже не лохматая, а изрядно вытертая на чужих подушках. И к ней он подошёл не с сентиментальными воспоминаниями, а с конкретным кобелиным интересом к девушке.

– Эй, Митька, – негромко сказала она. – Это племянница моя. Она тебя лет на сорок моложе, то есть во внучки годится. Не коси глазки свои блудливые, ты ей не объект.

– Вот ведь, как была ты бестактной, Машка, так и осталась, – он смущённо засмеялся. – Может, я и дед, но тяготею к прекрасному.

– Это прекрасное не для подслеповатых стариковских глаз, – отрезала Марья Кузьминична, и, смягчив тон, поинтересовалась. – Сам-то как? Как уехал на родину, так весточки и не подал. Где ты, кем ты? Женат, дети, внуки?

– Женат. Дочь от первого брака. У неё двое детей.

– Поняла, не общаетесь? А браков, законных я имею в виду, было, конечно, не два...

– Три.

– Все врачихи?

– Вторая – медсестра. А почему ты решила...

– Митька, ты же всегда мышковал на своей лужайке.

Сзади послышалось сдавленное хрюканье. Кто б сомневался, Светка подслушивала. Марья Кузьминична на распросы ответила, что Николай умер уж пятнадцать лет как,

второй раз замуж ей бы и в голову не пришло, сыновья взрослые и даже не очень молодые, четверо внуков и две неродные внучки. А Дмитрий Иванович – главврач их районной Пружинской больницы, оказывается.

– Вот же, какое у меня полезное знакомство, я три года в районе, а не знала!

– Это, Маш, ненадолго. Похоже, уйдут меня скоро. Слушай, а здорова ли девочка твоя?

– Да, температура повышается, – ответила она, взглянув на порозовевшее лицо с выступившими на нём капельками пота. – Господи, хоть бы до дома добраться!

Но добраться им было не суждено.

Уже блеснули за холмом золотые купола Успенского собора, уже зашевелились жители райцентра, готовясь к выходу, когда с грунтовой дороги на шоссе выскочил мощный внедорожник. Удар – и автобус улетел в кювет Уткнувшись в кустарник, он остановился, оставшись задними колёсами на асфальте. Чудом не перевернулись! Спасибо, что собственная скорость была небольшой.

Противно вопила сигнализация джипа, оставшегося на обочине и только одним колесом съехавшего в небольшую придорожную канавку.

Удар пришёлся в ту сторону, где сидели у окна впереди Сандра, а сзади Света. Они и пострадали больше всех. При столкновении стоявший в проходе Митя упал на сидевших напротив Марьи Кузьминичны женщин. Её же только при-

давило телом Сандры. Сзади выла Света, но её почти заглушал крик Кристинки.

– Митя, погляди, как там водитель, – попросила Марья Кузьминична.

Водитель был в порядке, а вот дверь не открывалась. Мужчины вдвоём принялись выламывать дверь, шофёр крикнул:

– Кто помоложе, вылезайте через водительское сиденье!

Естественно, туда двинулись все. И первая же толстуха застряла. Марья Кузьминична, обхватив девушку, нащупала пульс у неё на шее и перевела дух: жива! Она не знала, в каком состоянии мать с ребёнком сзади, но крикнула:

– Света, потерпи, сейчас стадо пройдёт, и я вам помогу.

К счастью, дверь удалось отжать, и за минуту автобус опустел. Остались только сильно пострадавшие и их близкие. Выскочивший первым Дмитрий Иванович отловил знакомого и командовал:

– В скорую, в полицию и в МЧС! Чтобы все свободные машины!

Вернулся в автобус, спросил у Марьи Кузьминичны:

– Как?

Уже расстегнувшая пальто девушки, она с испугом сказала:

– Митя, хруст.

– Тогда выносить не будем. Съежься, милая, как тебе удобно, и замри. Сейчас голову перевяжем.

Вернулся шофёр с аптечкой, за ним следом заскочил ещё

один – из встречного автобуса. У ребят тряслись руки, но действовали они как положено. Марья Кузьминична прежде всего ощупала Кристину и сказала ей:

– Ты же цела, тебя мама прикрыла. Мне тебя утешать или маму лечить?

Девочка продолжала орать, и Дмитрий Иванович сказал:

– Там в аптечке есть уколы для пищалок. Вколи ей, а если не перестанет, ещё один.

Девочка резко замолчала, и он стал осматривать Свету. Марья Кузьминична прошла в конец автобуса, где на полу расплывалась лужа крови:

– Что же ты молчал, мужик? Ребята, нужен жгут!

– Что там? – спросил Дмитрий Иванович.

– Мужик пилу вёз. Сам на неё и напоролся. Ты работай, Мить, я жгут наложу, а всё остальное – в больнице, – глянула на руку и воскликнула. – О, чёрт, часов-то нет! Митя, время скажи.

Сунула записку с временем под жгут и сказала:

– Мальчики, уложите его покуда на заднее сиденье.

Она вернулась к Сандре, сняла порванную стеклом окна шапку с её головы и сказала:

– О, господи!

– Что там?

– Лоскут кожи почти сдёрнут.

– Сейчас помогу. Вот, дощечку примотал временно. Открытый перелом, – перешёл к ней и сказал. – Со скальпиро-

ванной раной я пока один справлюсь, а ты лёгкие ранения посмотри.

Марья Кузьминична вышла из автобуса с одним из водителей, и принялась обрабатывать ссадины, ушибы, порезы. Когда жалобы закончились, вернулась в автобус.

– А в джипе что? – спросил Дмитрий Иванович.

– Подушкой придавлен. Матерится и воет, значит, не пострадал. Пусть повоет, хоть такое наказание. От закона на верняка откупится.

Они уже заканчивали обматывать бинтами многотрадную головку девушки, когда послышались звуки сирен. Подъехало сразу несколько спецмашин. Стали грузить пострадавших. В первой скорой увезли мужчину с перепиленной ногой и двух женщин с давлением, в следующую погрузили Свету на носилках и Сандру, привязанную к выломанному креслу. Туда же залезли Дмитрий Иванович и Марья Кузьминична с Кристиной.

– Маш, – шепнул он ей, кивнув на девушку. – Муж?

– Сожитель, – шепнула в ответ.

– А посадить?

– Боится.

Когда они вошли в приёмный покой, мужчину уже увозили на носилках. Дмитрий Иванович спросил:

– Всех вызвали?

– А кого всех, – довольно грубо ответила ему сидящая на телефоне медсестра. – Единственный хирург и дежурная

операционная сестра.

– Как тебе, – обернулся к Марье Кузьминичне он. – Оценила?

– Мерзость запустения, – ответила она. – Ремонта не было с девятой пятилетки. И что правда, хирург один? Нам ждать, пока он ногу зашьёт?

– Да, – с вызовом ответил он. – Ни денег, ни кадров. Из областного центра где-то через час бригада приедет. Наши дамы ведь нетранспортабельны.

– В Утятине не так. Меня вот в 58 лет на пенсию выперли. А у вас не только врачей, но и сестёр не хватает? Ну, дела. Вот что, дорогой главврач, давай-ка, переодевайся – и в операционную.

– Тогда и ты.

– Так ты прибеднялся, чтобы меня запрячь? Ну и жук ты, Митька! Но учти, я три года не работала.

Прибежала сестра-хозяйка. Марья Кузьминична сказала ей:

– Вот у нас Кристина. Ей, пожалуйста, поручите какую-нибудь важную медицинскую работу. Она у нас уже на происшествии аптечку носила, – перевела взгляд на сидящую на телефоне. – Дмитрий Иванович вам велел женщине промедол вколоть, а девушку на рентген? Женщине с рукой минимум час ждать. Извольте зад поднять.

Когда Марья Кузьминична выкатила носилки с Сандрой, тётка, на которую она напустилась в приёмном покое, встре-

тила её с неожиданной сердечностью:

– Устроим вашу родственницу в четвёртой палате в лучшем виде, не волнуйтесь.

Марья Кузьминична пожала плечами, вернулась в операционную и занялась подсчётом инструментов и перевязочного материала.

Освободившись, она пошла разыскивать палату Сандры. В ней суетилась всё та же медсестра, сестра-хозяйка и Дмитрий Иванович. Она испугалась:

– Что-нибудь не так?

– Да нет, помаленечку в себя приходит, – ответил врач. – Вот дренаж, завтра посмотрю, может, всё хорошо пойдёт. Ты ведь будешь с ней?

– Естественно.

– Маш, я вот что подумал, что тебе за так тут сидеть, – оживлённо продолжал он. – Давай мы тебя оформим в смену недельки на три, а?

– Ну, ты жук, – фыркнула Марья Кузьминична. – Что тебе эти недели дадут?

– Да вот, надо Аню в отпуск отпустить, а у меня в отделении и так всего трое. Замени её, а?

Так вот отчего эта грубая особа вдруг стала смотреть на неё масляными глазками! Марья Кузьминична прикинула в уме и махнула рукой:

– Про три недели даже не мечтай! Две постараюсь выдержать. А там или Алевтина моя выздоровеет, или, по крайней

мере, сама управляться здесь сможет.

На самом деле она подсчитывала, как скоро она сможет добраться до Рясово, и решила, что недели через две лёд гарантированно встанет. По пути сюда Марья Кузьминична ответила на телефонный звонок, Тимоша ей сообщил, что вода прибывает, и, если она не появится дома до вечера, то уже не сможет попасть туда до ледостава. Но не бросать же девушку в таком состоянии!

– Мы тебя поселим в массажном кабинете, – оживился Дмитрий Иванович. – Массажистка в отпуске, так что будешь полной хозяйкой. Пойдём, покажу.

В коридоре он, взяв её под руку, прошептал:

– Я так понимаю, что Алевтина твоя от сожителя прячется? Я все травмы в протокол включил как при аварии полученные, кроме старых трещин. Три недели, Кузьминична!

– Шантажист, – прошипела Марья Кузьминична. – А что со Светой, где Кристина?

– Светку твою приезжие латают, – ответил он уже нормальным голосом. – Сложный перелом плеча, но бригада хорошая, повезло ей. А девчонку полиция отцу отвезёт.

Они спустились в приёмный покой, где опять голосила Кристина. Теперь она не хотела уезжать из больницы, потому что ей понравилось разносить лекарства по палатам с дежурной медсестрой.

– А кто папе расскажет, как ты в больнице работала? Я, наверное, если ты здесь остаёшься, – сказала Марья Кузьми-

нична. – Ой, сумка моя!

– Там в нижнем багажнике только две не забрали, мы решили, что это пострадавших, – сказал полицейский.

– Вот эта – Светина, забирайте вместе с девочкой. А эта моя. Я сейчас свои вещи рассортирую и вам одну сумку дам. Пожалуйста, отвезите во Второе Рясово. До порожков только, а там через поток перекинете тем, кто ждать будет. Вы же знаете, сегодня не предать – придётся ледостава ждать!

– Да без проблем!

Кристина натягивала куртку:

– Ба Маша, не рассказывай папе, я сама буду рассказывать!

Девушка выздоравливала тяжело. Дмитрий Иванович ворчал, что у таких молодых кости должны срастаться на раз, но они сами портят здоровье дурацкими диетами. А Марья Кузьминична видела, что дело в психическом состоянии, но поделаться ничего не могла. Несколько лет жизни под физическим и психологическим прессом, а потом такая встряска – даже атлет сломается. Стал понимать что-то уже и Дмитрий Иванович, потому что предложил пригласить психолога.

– Он такой же, как ваше больничное оборудование? – ехидно спросила она.

Главврач обиделся, сухо бросив: «Как хочешь». А Марья Кузьминична хотела помощи, но понимала, что они в патовом положении: если психолог хороший, то разоблачит их противоправную ситуацию, а если плохой, то как бы хуже не

сделал.

За время работы в отделении приобрела полезное знакомство. В отделении лежала тёща нового Рясовского участкового. Ей очень нравилось, как легко медсестра делала внутривенные, поэтому просила её делать всегда. Марье Кузьминичне это было нетрудно, всё равно целыми днями в палате высиживала, так что от оплаты отмахнулась:

– Чай, свои! Я всех земляков за так колю! Ты лучше при случае поговори с зятем, чтобы племяннице моей сделал регистрацию. Молодёжь безалаберная! Больше года без прописки. Я понимаю, что придётся штраф платить, и не отказываюсь. Только договорись!

– Да не вопрос, – обрадовалась жадноватая баба.

Через две недели Дмитрия Ивановича сняли. Марья Кузьминична, узнав об этом, быстренько очистила массажный кабинет от своего присутствия, перенесла вещи к сестре-хозяйке, и поменялась со сменщицей, выйдя в ночь:

– Митя, завтрашним днём выписывай Алевтину! В ближайшие дни вырвусь из дома и недостающие документы привезу: свой диплом, трудовую, Алин паспорт и страховой полис.

– Мы что, с двумя сёстрами останемся? А, ладно, не мои теперь проблемы! Алевтине твоей, конечно, ещё далеко до выздоровления, но, может, дома стены помогают... если что, ты звони, Маша, я сам к тебе приеду. А документы нужны срочно, эта стерва везде копать будет. Может, по электрон-

ке... хотя откуда...

– Есть у меня сосед с интернетом.

– Тогда пришли мне на домашний адрес, вот, записываю.

Позвонила Тимоше, попросила протопить дом. Тот сказал, что дорогу на той неделе прочистили, так что такси довезёт до самого дома, разве что на горюшку не въедет.

С утра было солнечно. Но, когда вышли на крыльцо, почувствовали, что поднялся ледяной ветер. Аля с трудом добрела до такси, и Марья Кузьминична испугалась, что напрасно забрала девушку из больницы. Но она опасалась, что новая главврачиха, баба стервозная, начнёт копать историю пациентки, зная, что её родственница – приятельница предшественника.

Едва выехали за город, как небо заволокло тучами и пошёл снег. Мело так, что таксист дворники почти не отключал. Когда проезжали Ссёлки, он сказал:

– Вот что, бабуля, не рискну я в твою дыру ехать.

Марья Кузьминична стала звонить Тимоше. Он подтвердил, что дорогу переметает, и обещал, что выйдет им навстречу с санками.

– Возьми ватное одеяло, – попросила она. А водителю сказала. – До сосёнок дорога нормальная, а дальше не будем рисковать. Там развернёшься.

Вышли из такси и побрели по снегу. Али надолго не хватило, обессилела метров через пятьдесят. Марья Кузьминична бросила сумку на снег: «Садись, отдыхай!» Так и шли.

Девушка старалась, волоча ноги из последних сил. Но сил не было. Пара десятков шагов – и остановка. Теперь она и поднималась с трудом. В последний раз у неё на это уже не хватило сил. Но тут перед ними сквозь метель проступила фигура Тимофея.

– Слава богу, – простонала Марья Кузьминична.

Тимофей усадил Алю на одеяло, закутал её и сунул в руки сумку: «Держи!» На протест Марьи Кузьминичны, что сама донесёт, возразил, что сумка девушку от снега прикроет. Попрепирались, он хотел бежать, а потом и её на санках довести, но она взмолилась:

– Тимошенька, я же потеряюсь в этой круговерти!

Так и шли. Иногда она отставала, и он останавливался в ожидании, иногда наоборот, натыкалась на санки. Вдруг Тимофей остановился:

– Тётя Маша, я, кажется, заблудился.

Марья Кузьминична подошла к нему и увидела, что он стоит перед полузаметёнными собственными следами. Они шли по кругу. Ветер крутил и швырял снег в лицо. Посадки они давно прошли, и ориентиров не было. Идти дальше было опасно. Возьми влево – и можно было в реку скатиться. Возьми вправо – а там крутой берег старицы.

– Наверное, придётся выкопать пещеру и заночевать в снегу!

Господи, да он, кажется, доволен! Вот мужики, и в сорок лет будут в индейцев играть! Марью Кузьминичну затрясло:

ладно, она пожила, хотя можно было бы и ещё, но её спутникам лет-то всего-ничего! И тут издалека донеслись звуки била.

– Кого это за водой понесло?

– Нет, это нам сигнал подают, Тимоша. Ты сказал кому-нибудь, что за нами идёшь?

– Нет. Но тётя Паня видела, что я вчера и сегодня ваш дом протапливал. И видела, что я с санками вниз пошёл. Она, больше некому!

– Так, судя по звуку, мы сильно вправо забрали.

Они двинулись, и вышли к порогам минут через пятнадцать.

– Вверх не вывезу, – сказал Тимофей и бросил санки.

Аля зашевелилась, пытаясь подняться, но он легко подхватил её на руки, перекинул через плечо и, не обращая внимания на протестующий писк, почти бегом устремился в гору. Марья Кузьминична потащила вслед за ним санки. Потом санки вырвала из её рук Маруська, подхватив её под руку. Через десяток метров за другую руку ухватила Паня.

– Спасибо, бабоньки, – выдохнула Марья Кузьминична, привалившись к родному забору. – Ох, и напугались же мы! Паня, это ведь ты придумала в било бить?

– Нет, это Рясов-злодей. Пьяный, а догадался!

Дома было тепло, дрова в печи ещё не совсем прогорели. Тимофей скинул свою ношу на диван и стал подбрасывать дровишки. Паня потопталась у порога и сказала:

– Ну, отдыхайте. Может, хлебушка принести? Я позавчера ходила.

– Не надо, у меня сухари есть. Паня, а что ж ты пальто не носишь? Или рукава не подшила?

– Ты что, Маша! Надя мне подшила. Оно у меня теперь к обеднишнее. Вот давеча в церкву ходила в нем. Бабы обзавидовались: вещь из тех времён! Всё, пошли, Маруська!

Они ушли. Следом за ними ушёл Тимофей, которому Марья Кузьминична передала адрес и документы для сканирования и пересылки:

– А вернёшь потом по хорошей погоде!

Болела Аля всю зиму. Сначала Марья Кузьминична её жалела, уговаривала поесть, кутала и хлопотала вокруг неё, выводила во двор и заставляла хотя бы пару раз пройти по двору. После Нового года только поняла, что так дело не пойдёт, и стала выставлять её на улицу с лопатой, велев ежеутрене дорожку расчищать. В первый день, увидев это, Тимофей за пару минут разгрёб им снег от калитки до терраски. Марья Кузьминична отругала его, сказав, что, если Аля не будет напрягаться, у неё никогда силы не появятся. Со временем она втянулась в это как в привычный ритуал, и, когда начинались ясные дни, даже скучала. А окончательно выздороветь она начала, когда бабки потащили её в баню и отхлестали вениками. После этого она даже стала крутить ворот водовозки. Очень её веселил деревенский уговор ходить по двое за водой, когда один спускается к роднику, а второй

крутит ворот, поднимая набранную воду на санках, да к тому же они перед спуском два раза бьют в било, оповещая деревню, что можно присоединиться и тоже набрать воды. Она и черпать воду из родника хотела, но Марья Кузьминична не пукала: «Не хватало ещё с твоим плевритом!»

– Тётя Маша, как у нас тихо! Я не представляю теперь, как можно спать под городской шум!

– А давай-ка разбавим тишину! Ну-ка, включи телик, сейчас сериал начнётся.

Показ сериала предварила реклама. Мелькнула тень акулы, потом она ткнулась в толстое стекло аквариума и уставилась на мрачную брюнетку в чешуйчатом платье, щедро выкладывающую икру на малюсенькие бутербродики. «Сандра, – булькает акула. – А как же диета?» Мрачная Сандра улыбается одними губами, взгляд по-прежнему холодный: «Это же «Рыбное королевство»! Могу ли я отказать себе в таком удовольствии!» И облизывает свои губы цвета красного дерева, поднося бутерброд ко рту.

– Главрыба! Шариков тебя не забудет! – передразнила манерные интонации модели Марья Кузьминична.

Аля звонко рассмеялась.

Следователь Павлов тоже смотрел на эти кадры. Только он не сериал глупый включил, а просматривал все записи, где Сандра засветилась. Вот ей отвешивает оплеуху продюсер, а потом бьёт со всей дури в грудь. Как он только рёбра ей не сокрушил? Вот она демонстрирует свадебное пла-

тье московского кутюрье, как его там? Вот, в деле записано: Рональд Робски. Всё время забывается это дурацкое имя. Скажем так: Боба Бобский. Ну кому нужна в качестве невесты эта бледная немочь? Только такое чмо, как этот Боба, мог увидеть её невестой. Какой джигит завернул её в бурку и унёс в туман? И как он умудрился проделать это в те двадцать пять минут, пока было отключено электричество? Авария не была умышленной, это проверено-перепроверено.

Мысль о бурке и джигите неприятно царапнула воспоминанием о ехидной пенсионерке, которая знатно влепила этому скоту по физию. Что-то в ней зацепило Павлова, если он помнит её и теперь, спустя полгода. Дело это, начавшееся резво, потом застопорилось. Всё, вроде бы, было очевидным: явно он Сандру избил, некоторое время она лежала на полу, эксперт говорил, часа два, судя по тому, сколько крови натекло. А потом встала и ушла. В чём была, в том и ушла. Мать модели вещи проверила и заявила, что всё на месте вплоть до белья. То есть ушла она в одной тунике. Это футболка такая, только длинная и широкая, Павлов выяснил. В ноябре в тунике ушла! Мамаша тоже... ну и мерзкая баба! Глазки ещё строила ему, дура старая! У неё дочь пропала, скорее всего, и не жива уже, а она молодому мужику глазки строит! И про этого скота лишнее слово сказать боялась: «Георгий... он не мог... он щедрый, интеллигентный!» Тьфу! Начальство тоже... сначала посадили продюсера, бри-

гаду задёржали: резонансное дело, давайте скорей. А потом вдруг поворот на 180 градусов: нет тела – нет дела! Злодея выпустили, дело заглохло.

И всё-таки что-то неправильное в этой пенсионерке. Такое впечатление, что знала она обо всём заранее, вот! И деревня эта, второе там чего-то. Полистал дело. Вот, Второе Рясово. Что-то с ним связано... нет, не помню! Спросил соседа по кабинету:

– Не слышал ты про такую деревню – Второе Рясово?

– А ты не слышал?

– Да что там?

– Год назад, помнишь, Комбанк взяли в Новогорске?

– Блин!

Лихорадочно вспоминал, с кем из новогорских коллег можно пообщаться. Позвонил. Выяснил, что главный по этому делу – большая шишка и дурак. Тот, кто конкретно вёл дело – в командировке. А напарник его – молодой, но вполне толковый. Вынырнет – позвонит.

Пол дня всё из рук валилось. Все заусенцы обкусал. Наконец коллега проявился: чего изволите?

– Да интересует меня деревня Второе Рясово, а в ней одна старуха...

– Марья Кузьминична, небось?

– Слушай, а как ты угадал?

– Я сам в непонятках. Вроде, положительная женщина, всю жизнь в медицине, сыновей вырастила, внуки у неё. Гра-

бителей скотчем связала, полицию вызвала. Опозорила она нас, конечно. Но и мы тоже хороши, напустились на неё, что она у грабителей деньги украла. Глупость, конечно. А вот подумал, что, если бы она банк ограбила, я бы не удивился. Только если ограбит – никогда не попадётся. Тебе лучше с участковым поговорить. Там формально Рясовский участок, но Ссёлки к ним ближе. Вот тебе номер, поговори.

Участковый из Ссёлок о Марье Кузьминичне отозвался в превосходной степени: староста, медик, пьяного усмирит, больного вылечит. В магазин придёт – хлеб на всю деревню потащит. Книги в библиотеке тоже на всю деревню берёт, называется передвижница. Гости к ней наезжают, да. Дети, внуки чаще, конечно. Вот сейчас племянница гостит. Давно гостит. Могу даже точно сказать. Когда у нас жуткая метель была? 12 декабря, вот! С пути сбились, чуть не погибли. Рост какой? Очень большая, прямо фотомодель.

Павлов подскочил: модель? а выглядит как? Участковый сконфузился: да нет, это я так, просто рост у неё большой. Ну, рыженькая... конопушки... а давайте я вам фото сброшу. Я её щёлкнул, когда они картошку сажали. Заезжали с главой администрации, он её у нас в Ссёлках работать уговаривал.

Руки тряслись, когда открыл фотку. Юная девушка глядела, смеясь, не в объектив, а куда-то в сторону. Коротенькие светло-рыжие волосы колечками пружинились на голове, несколько трогательных веснушек на переносице, ямоч-

ки на щёчках, голубые глазки светились как льдинки. Павлов ругнулся от досады: не она! Но до чего хороша! Та – вамп, а эта – сама милота! Вот бы ей сейчас не старую футболку, а хоть даже нелепое свадебное платье этого Бобы. Да что там, Павлов бы и сам на такой женился, если бы не был давно и прочно женат.

Ну, что ж, ещё одно дело останется нераскрытым.

Снова весна. «Если нет выхода»

Тает снег. Сегодня с утра уже выше нуля. Спустилась с крыльца Марья Кузьминична не одетая, в чём по дому управлялась, выплеснула грязную воду. Сощурилась на бледно-голубое весеннее небо: эх, хорошо! Надо бы в Ссёлки сходить, а то, пожалуй, по такой погоде они через пару дней на острове окажутся. Вот интересно: осенью ожидание половодки какое-то тоскливое. А весной её ожидаешь как что-то неизбежное, но предшествующее чему-то очень хорошему. Ну, как же, тепло, огород, лето! Может, гости приедут. Впрочем, к ней на этот раз гости и зимой приезжали. Внук Колюшка с девушкой своей из Москвы. Студенческие каникулы. Собирались пробыть пару дней и ехать в Утятин, а потом передумали. В Утятин, сказали, летом съездим. Неделю прожили. Коля родословную записывал. Марья Кузьминична очень обрадовалась. Часто прошлое вспоминалось, родители, братья, поездки к родственникам матери, отцовых-то она не знала. Но это были только её воспоминания, никого они больше не интересовали. Умрёт она – и они умрут вместе с ней. А тут старший внучок заинтересовался.

– По нашей, по женской линии Карпухины деградировали, – усмехнулась как-то. – Родители мои: папа – подполковник, мама – журналист. Брат Ваня Плешку закончил, жена педагогический, дочь – академию управления. А я толь-

ко медучилище, а сыновья мои вообще... отец твой после службы во флоте на сверхсрочную остался, дядя в институт поступил и тут же бросил, шоферит. Нет, они нормальные люди, работают, семьи создали. Но в смысле приобретения знаний как-то не очень. В родительской семье чтение было не труд, а радость. Помню шестидесятые, их споры о Солженицыне. Сама младшим подростком «Один день Ивана Денисовича» прочитала. Просто для того, чтобы понять их разговоры.

– И как вам? – спросила Даша.

– Гадостное впечатление, – засмеялась она. – «Матренин двор» позже прочитала – и всё! Толстые журналы в нашем доме были всегда, родители в библиотеке брали, подросла – сама записалась. Вроде бы, в чтении я всеядная, но вот Солженицына читала какими-то фрагментами. В середину нос суну, в каком-нибудь журнале полностью прочту, а в следующем номере продолжение уже пропускаю. Язык тяжёлый, восприятие жизни безрадостное. Вроде в ненастье на болотной кочке стоит и свысока грязь под ногами описывает.

– Ну, – протестуяще протянула девушка. Но спорить не стала. И всё-таки ущучила. – А сейчас, я гляжу, вы больше детективами интересуетесь?

– Возраст такой. Голова стала как мусоропровод. От громоздкого засоряется. А лёгкое чтиво пролетело – и пустота. Можно следующее ведро забрасывать. Редко что к стенкам прилипает.

Молодым во Втором Рясово действительно нравилось. То, что для здешних пенсионеров было обыденным трудом, им казалось развлечением. Они с утра отправлялись за водой, шутливо препираясь, кто будет спускаться. Стучали в било и натаскивали воды на всю деревню, даже до домов на санках развозили. Катались на оставшихся от Воловых старинных детских лыжах с мягкими ещё креплениями, спускались на санках к порогам и с гиканьем бежали назад по дороге. А после прогулки Коля подсаживался к бабушке, расспрашивал и чертил родословное древо. Первый раз увидев это, Марья Кузьминична невольно рассмеялась. Чтобы объяснить свой смех, рассказала об «аристократке». У девчонки глаза загорелись:

– Вот это история!

– Как говаривала мисс Марпл, в деревне много возможностей для изучения жизни.

Общительная Даша поболтать уходила в гости ко всем старухам по порядку, сказав на бегу Коле: «Ты записывай, я потом послушаю», и Коля включал диктофон: «Бабушка, ты не против?» А прощаясь, она обняла Марию Кузьминичну и назвала её бабушкой. Глядя вслед увозящему их такси, она с удивлением подумала, что ни одна невестка никогда не пыталась назвать её мамой, чего она, впрочем, и не хотела. А тут... приятно почему-то. Но неужели у них серьёзные планы? Такие молодые, куда им?

С этими воспоминаниями она стояла во дворе и очнулась

не оттого, что замёрзла, а от звука подъехавшего автомобиля. Хлопок двери и голоса:

– Этот дом, точно! Видишь, бельё висит наше!

– Чего это ваше, – возразила она, подходя к калитке. – Моё!

– Ну, я имела в виду... из Утятина, – стала оправдываться Татьяна, что для неё уже было необычным.

– Ладно, проходите, – поёжилась Марья Кузьминична и быстро пошла к крыльцу.

Под ритуальные расспросы о детях, родственниках и знакомых она выставила угощение. Ещё через десять минут Марья Кузьминична поняла, что дети первыми к сути дела не перейдут и сказала:

– Выкладывайте, что случилось.

– Почему ты решила... – промямлил сын.

– Значит, у тебя всё в порядке. А у тебя? – у Татьяны слёзы на глазах выступили. Она всхлипнула, вынула пухлый пакет из сумки и выложила на стол перед свекровью. Марья Кузьминична потянулась за очками. – Ну, извини, я его этому не учила.

– Чему? – с вызовом спросил Вова.

– Бессердечию, – и стала внимательно просматривать бумаги. Аккуратно сложив в пакет, вздохнула. – Это серьёзно. На какое назначили?

– На понедельник.

– Мама Ваню не берёт? Ладно, не реви, конечно, я приеду

и пробуду сколько надо.

– А...

– Нет, не сейчас. Приеду в воскресенье. Мне надо сделать некоторые неотложные дела, собраться, оставить распоряжения.

Несмотря на то, что выходила она из дома в половине шестого утра к первому автобусу, её провожали. В субботу с утра пришла из Ссёлок Аля, они вместе переделали необходимые дела дома и во дворе, собрали вещи. В пять прибежал Тимофей и стал грузить вещи на санки, старательно их привязывая. Когда женщины вышли из дома, рядом с санями бестолково топталась Паня, не то помогая Тимофею привязать сумки, не то мешая.

– Паня, на три недели я, максимум на месяц!

– А если...

– Да не будет никаких «если»! Вернусь я, как же я без вас!

А вы без меня...

Тимофей потащил санки. Его с трудом уговорили не провозать их.

– Ладно, в гору хоть затащу...

Лихо пошёл, так что женщины за ним не успевали. Когда простились и впряглись в сани, Марья Кузьминична крикнула:

– Да, хороши бы мы были на этой горке!

– А я говорила, зачем столько картошки? (Кроме сумок с одеждой, которую Марья Кузьминична брала в поездку, они

прихватили кое-что из содержимого подвала для Али).

– Ладно, Аля, дотащим! Я с тобой хочу поговорить опять о том же... не пора ли тебе возвращаться? Третий год под чужим именем живёшь!

– Зачем? Тётя Маша, мне здесь очень хорошо!

– Хорошо по сравнению с твоим прежним личным адом. Но с точки зрения молодой современной девушки с дипломом врача сидеть в деревне и выдавать таблетки от головной боли, промывать желудки при отравлении алкоголем, ставить клизмы старухам, делать уколы хроникам – это прозябание! Это не жизнь, это смирение перед жизнью! Я думала, ты передохнёшь в деревне, придёшь в себя и оживёшь! Надо возвратиться, чтобы твёрдо сказать своим мучителям, что прежнего рабства не будет, восстановить документы и начать жить. Подтвердить квалификацию, работать врачом, пусть не в Москве, а в городке типа нашего Пружинска. Копить на квартиру, дружить, влюбляться, ошибаться! А в деревню приезжать на недельку раз в год по дороге на море. Это место для доживания. Ещё лет десять – и Второго Рясова не будет, вымрет.

– Но Ссёлки-то останутся!

– Ох, Аленька... я тебе ведь говорила, по чьим документам ты живёшь. Да, хозяйка их похоронена, и на памятнике значится «Неизвестная». Я не потому её документы припрятала, что использовать их собиралась, а потому что хотела скрыть от её родителей её постыдный конец. Пусть не знают

о том, что она без сомнений согласилась на многие убийства ради денег. Судя по поведению, ей кровь людскую не только в шприце видеть приходилось, закалённая была. А вдруг кто-то из прошлых подельников вздумает её искать? А вдруг разыщет по регистрации тебя кто-нибудь из родных и спросит, откуда у тебя документы их кровиночки?

– Ладно, тётя Маша, доживу до отпуска – решусь съездить к матери и забрать документы. Явлюсь в полицию, скажу, что в заброшенной деревне жила. Без подробностей. Надеюсь, что как за два с половиной года Тину никто искать не кинулся, так и до лета спокойно пересажу.

– Ну, а если кто появится, поможет обычное враньё: «Я – не я, фамилия не моя, а бывшего мужа. В колледже вместе учились? Да, была в параллельной группе Тина, может, и Кузнецова. Сроду не знала, что Тина – это Алевтина». Она блондиночка крашенная, мелкая, едва тебе до уха.

Так Марья Кузьминична на месяц выпала из жизни Второго Рясово.

Неделю днём светило солнце и стучала капель, а ночами подмораживало. А потом резко потеплело. В один из таких дней фельдшер Алевтина Ивановна терпеливо объясняла бабушке Макаровой, что на двери объявление точное, что надо в четверг прийти на укол до девяти часов, а то потом она уедет в Павловские выселки. И что нет, позже она не может, потому что её обещал шофёр автолавки до мостика подбросить, а он ждать не будет. Тут в ФАП зашёл Зимин.

– Дядя Гоша! Сто лет не видела! Как вы здесь?

– Да вот, приехал из Новогорска, бабушку свою в санаторий отвозил, а тут говорят, вода пошла. Звоню Тимофею, а он отвечает: не просто пошла, а аж рычат пороги. Придётся назад возвращаться и у сестры переждать.

– Да, снега много, тает резко. Но зачем возвращаться? Может, ещё притормозит весна, и проскочите. Поживите у меня.

– Да неудобно как-то.

– Чего там «неудобно»? Вы мне заодно розетки и выключатели поправите, а то электрика не дозовёшься.

Весна не притормозила. К четвергу поток только усилился, а поля почти освободились от снега. Без десяти девять Аля закрыла дверь и поспешила к сельской администрации, где она договорилась встретиться с водителем автолавки.

Так получилось, что за два года она была в Павловских выселках только второй раз. Но теперь придётся сюда добираться чаще: одна женщина с рассеянным склерозом и один новорождённый. Заодно посетила ещё двоих с инвалидностью. Бабулям никакой медицинской помощи не требовалось, но они страшно довольны были вниманием к своей особе. Последний визит затянулся сверх всякого приличия, вырваться удалось с трудом. Бабуля в далёком прошлом, когда ещё в Ссёлках была средняя школа, преподавала там географию. Когда Аля сказала, что опаздывает на автобус, пациентка удивилась, мы, мол, старые, и то в Ссёлки пешком хо-

дим. И показала: видишь, через поле две бабки ползут? Иди им навстречу, тропинка тут протоптана одна – до имения. У бабок спросишь, открыты ли ворота. Если открыты, там в ограде одна пика выломана, ты худенькая, легко пролезешь, там путь будет получше, там гравиевая дорожка. А если скажут, что закрыта, пойдёшь по тропинке вдоль ограды. Там, конечно, грязновато, но пройти можно. А от ворот имения уже зады Ссёлковских усадеб видать. Пойдёшь через болото к кладбищу. И ничего там не трясина, в плохих местах народ давно камни выложил. А ходу дотуда тебе, такой молодой, час, наверное.

Поскольку ближайший автобус от мостков отходил через час, а там ещё пересадку делать надо было, Аля решила двинуться пешком. Бредущие навстречу бабули охотно объяснили, что по четвергам тут всегда экскурсии бывают, поэтому ворота открыты. Но лучше охранникам на глаза не попадаться, «больно сердитые нынче дежурят». И Аля поспешила по полю к купе деревьев, сквозь голые ветви которой проглядывало двухэтажное здание.

Легко пролезла через дыру в ограде и по натопанной тропинке вышла к белой ротонде. Дальше ещё пара незначительных строений, облупленная скульптура, затем большой старинный дом – и, обогнув его, она оказалась в экскурсионной толпе, стоящей лицом к зданию. Аля бы проскочила мимо, но два охранника в камуфляже уж очень пристально сверлили её взглядом, и она притормозила. Тут же её под-

хватила под руку какая-то полная женщина и шепнула: «Туалет там?», Аля кивнула, и двое кинулись за угол. Охранники отошли, а она невольно прислушалась к тому, что вещала экскурсовод:

– ...фасад исполнен в стилистике английской викторианской готики; такое архитектурное решение фасада подчёркивает и цветовая гамма – цоколь, балюстрады и верхние аттики окрашены в цвет тёмного кирпича, контрастирующего со светлой охрой стен...

– А внутрь мы войдём? – перебил её кто-то из толпы.

– Внутреннее убранство не сохранилось. После многочисленных переделок то под контору, то под пионерлагерь, потом под дом отдыха, там даже стен прежних не осталось.

– А какая же здесь была контора, – вырвалось у Али. – Тут же рядом ни жилья, ни производственных зданий?

– Имение Павлицевых-Пудовкиных было построено в центре села Павлицево. Когда возвратимся к воротам усадьбы, обратите внимание на простирающееся вокруг усадьбы болото. Там ещё видны среди камыша камни фундаментов стоявших здесь когда-то домов.

– На болоте? – спросил кто-то.

– Вокруг раньше леса стояли. Их начали вырубать перед войной, а после войны, когда нужно было отстраиваться – тем более. Свели леса, сократился расход грунтовых вод на десукцию – и началось заболачивание. Сначала подвалы стали весной подтоплять, потом из них вода вообще перестала

уходить, в колодцах вода стала цвести. И началось переселение. А болото заросло густым покровом осок, хвощей и камыша, мхом. Здесь теперь богатое птичье население. Дальше, за болотом, ещё во времена Пудовкиных начали дома строить сами хозяева. Владельцы имения крестьян переселяли, чтобы там сады разбить. Переселялись неохотно. В деревне Ссёлки никогда больше полусотни жителей не было. А в пятидесятые павлицевские массово туда стали выезжать. Совхоз школу построил, клуб, детский сад. Есть Павлицевский сельсовет с администрацией в Ссёлках, а села Павлицево нет. В имении открыли пионерский лагерь и профилакторий завода. В девяностые лагерь закрыли, профилакторий приватизировали и закрыли. А теперь пройдем к флигелю управляющего.

Повела она их не к высокому крыльцу длинного одноэтажного здания, а к торцу, в котором была арочная кованая дверь с навесным замком. Вниз вела крутая каменная лестница.

– Оцените толщину стен подвала. Флигель, как и дом Пудовкиных, построен в конце девятнадцатого века. Но вот подвалы этого здания, несомненно, относятся к более раннему времени, скорее всего, они ровесники дома Павлицевых. Мы посмотрим только одно помещение, где хранились мясные запасы. Обратите внимание на крюки в сводчатом потолке и стенах. На них висели туши...

– А эта лестница куда ведёт?

– В одно из помещений дома, раньше там была кухня.

– А за дверью что?

– Подвал представляет собой небольшой лабиринт, но, поскольку стены из-за сырости ненадёжны, экскурсантов мы дальше не водим.

Аля с удовольствием шла вместе с экскурсантами. Было интересно, но почему-то не по себе. Поэтому, когда экскурсовод объявила, что экскурсия окончена, она в числе первых пошла к воротам. Путь их лежал мимо ещё одного двухэтажного здания, простого, в отличие от дома Пудовкиных, но с красивой лепниной над оконными проёмами и доской, на которой, наверное, было написано, что эти развалины охраняются государством. Крыша была дырявая, а вместо окон были вставлены ржавые решётки, явно не старинные, а советского периода. «Это что, дом Павлищевых?», – спросила она идущую рядом женщину, и та охотно пояснила, что в восемнадцатом веке въезд в усадьбу был с противоположной стороны, поэтому парадные вход там, под большим балконом на массивных колоннах. Общительная женщина делилась впечатлениями долго, в результате Але удалось пропустить только когда все погрузились в автобус. Она махнула рукой и ступили на тропинку.

Путь лежал под уклон. Сначала обледеневшая тропинка шла по травянистому полю, почти освобождённому от снега, потом под ногами ощутимо зашлопало. Теперь ей приходилось глядеть под ноги, иногда прыгать с камня на ка-

мень, если они отстояли далеко. Остановившись перед очередным прыжком, она услышала сзади стук камней. Оглянулась и увидела, что её догонял охранник. Она почему-то страшно напугалась и заспешила. Один раз даже ступила в воду. Но и он пару раз промахнулся. Тем не менее, расстояние между ними сокращалось. И вот он оказался в двух метрах от неё. Алю испугало абсолютное отсутствие эмоций на его лице. Остановившись, он сунул руку в карман. Тут она вспомнила, что в её кармане лежит баллончик, который Мария Кузьминична подарила ей и велела всегда носить на случай нападения собак. Она тоже сунула руку в карман. И тут разнеслось:

– Аля-а!

На Ссёлковском конце тропинки стоял Зимин и махал рукой. Аля перевела дух и пошла дальше. Опомнившись, обернулась и увидела спину удаляющегося охранника. Когда камни кончились, она перешла на бег. Оскользясь на тропинке, она добежала до старика и уцепилась за него.

– Что он хотел?

– Не знаю... он ничего не говорил, только бежал за мной.

Я так испугалась!

– Пойдём присядем.

Зимин взял её медицинский чемоданчик, и они пошли к деревьям. Аля не заметила, как роща закончилась, и они оказались у церкви, закрытой в эту пору. За церковью началось кладбище. Потом старик потянул её на боковую тропинку, и

они вышли на свежевычищенный от прошлогодней листвы квадрат могил на десять:

– Вот наш участок.

Поставил чемоданчик на скамейку и усадил Алю рядом. Она оглянулась:

– Наш?

– Ну да, тут наши, рясовские. Я сегодня с утра со школьниками скворечники делал, потом мы территорию убирали, а после обеда решил здесь прибраться. Как вода сойдёт, бабки наши придут к Пасхе убираться – а тут порядок!

Под его негромкий говор Аля постепенно успокаивалась. Но ночью ей приснился тот подвал и пустые глаза охранника, который вдруг превратился в кошмар её прошлой жизни Георгия. И она закричала.

Прибежал Зимин, обтёр ей лицо мокрым полотенцем:

– Успокойся, доченька, пойдём чайку попьем, а то опять кошмар приснится. Вот, с душицей сейчас заварю, небось, Тихоновна тебе дала? В травках она дока.

– Да, тётя Аня...

А следующей ночью Зими́на мучила бессонница. Он ворочался, прислушивался, опасаясь, что из спальни вновь донесётся крик. Наконец решил перекурить, а потом почитать что-нибудь, пока сон не сморит. Свет не включал, встал, взял сигареты и зажигалку, в прихожей набросил куртку прямо на майку, сунул в карман курево и пошёл к выходу.

Здание детсада было построено в восьмидесятых. Двух-

этажное типовое строение и тогда было великовато для села. А в девяностых садик ужался до одной группы, среднюю школу закрыли, оставленную в селе начальную школу разместили тут же, на первом этаже, а на втором сделали квартиры. Теперь детского сада уже не было, зато с торца пристроили террасу, которая стала входом в фельдшерско-акушерский пункт. ФАП на первом этаже, а квартира фельдшера, вход в которую был из той же террасы – на втором. На лестницу, ведущую вниз, он и собирался выйти. Не доходя до двери, услышал какой-то звук за ней. Он не успел обуться, поэтому как был, в носках, метнулся на кухню, схватил ножик с подставки и медленно, чтобы не скрипнула, открыл дверь. Осторожно пошёл по ступенькам. Прислушался: кто-то пытался открыть дверь подбором ключа или отмычкой. Шёпот. Да он там не один! А Зимин с кухонным ножом. Вернуться и запереть верхнюю дверь? Позвонить участковому? Да пока он проснётся, их тут перережут! Треск. Отжимают дверь чем-то типа топора. Отступить поздно. Старик двинулся к дверям и наткнулся на вилы, которыми сегодня грузил на машину состриженные с деревьев и кустов ветки, да так и не собрался убрать в сарай. Хорошо, что треск ломающейся двери заглушил металлический звук упавшего инструмента. Ну, держитесь, супостаты! Сунув нож в карман («А, хрен с ним, карман зашью, если жив буду»), он ткнул вилы в первого, кто вошёл в выломанную дверь. Ударил вполсилы, убивать не хотел, но этого хватило, чтобы противник взвыл и

согнулся. У второго реакция оказалась молниеносной: чем-то вроде гвоздодёра, которым выломал дверь, он ударил по вилам, и Зимин выронил их и отступил назад, зацепился за ступеньку и упал, поэтому второй замах грабителя пришёлся мимо. Сидя на ступеньке, старик умудрился вытащить из кармана нож и не глядя ткнул вперёд. Кажется, в ногу попал. Несильно так, наверное, просто царапнул. Но этого хватило, чтобы грабитель, в свою очередь, зашипел и выронил гвоздодёр. Поднимать он его уже не стал. Если бы он видел, что дом защищает старик, то, наверное, добил бы его. Но террасу сквозь окна освещал уличный фонарь, а на лестнице было темно. Свет из открытой двери падал лишь на лежащего у входа первого грабителя. Второй подхватил его под мышки и потащил на улицу. Зимин без боязни включил свет, вытащил из кармана телефон и вышел на террасу, когда услышал звук отъезжающей машины. На двери медпункта висели телефоны экстренных служб. Он набрал телефон участкового и не очень толково объяснил, что случилось. Потом вернулся в коридор, присел на ступеньки и закурил. Через десять минут подъехал участковый, посмотрел на распахнутые двери, кровь на полу и валяющиеся инструменты и сказал:

– Там хороший отпечаток шин. Наши приедут – снимут.

А Алевтина где?

– Спит.

– Как это?

– А мы не шумели.

– Ты сходи всё-таки, погляди. Женщины, они, знаешь... испугается.

Ещё через полчаса приехала бригада из Пружинска.

Утром у медпункта перебивало всё село. Зимин с соседом ремонтировал входные двери. Фельдшер с непроницаемым лицом вела приём. На расспросы любопытных баб отвечала:

– Не знаю, я спала. У дяди Гоши спрашивайте.

После обеда Зимину позвонил Тимофей и сказал, что вода уходит, что завтра можно попробовать перебраться через пороги в броднях.

– Я теперь здесь застрял как ржавый шуруп. Пока бабка моя в санатории, буду Алю охранять.

Когда Тимофей услышал, что случилось, он завопил, что сейчас же прибежит в Ссёлки. Зимин остановил его:

– Ага, аки Господь по воде яко посуху. Неизвестно, сколько продлится, пока злодеев найдут. А я свободен только до возвращения Нины. Так что сменишь меня через две недели. И бабкам нашим смотри, не трепани, а то Кузьминичне доложат. А ей и так с родными забот хватает.

После работы Аля без сил присела в кухне за стол. Зимин суетливо выставлял тарелки, рассказывая что-то. Она сказала:

– Всё как тётя Маша предрекала. Словно она этих злодеев прислала напомнить мне, что пора возвращаться.

– Аленька, что ты такое говоришь?

И она, всхлипывая, рассказала ему о своей двойной жиз-

ни.

– Вот оно что, – покачал головой старик. – Ты, значит, по документам этой бандитки живёшь? Я в то время в Новогорске с Ниной был, операция у неё была. Но вообще права Кузьминична, не дело это. Тебя на врача выучили, а ты в медпункте давление меришь. И вообще... вроде, даже статья такая есть, чужими документами пользоваться.

– Да всё я понимаю! И к лету всё равно решать бы пришлось. По этим документам мне будет двадцать пять лет, надо паспорт менять. На самом деле мне уже тридцатый...

– Ух ты, какая старая, – погладил её Зимин по головке. – Ешь, доченька, печёнку, очень мягкая получилась. Не бойся, в Москву с тобой кто-нибудь из наших поедет, сама ты так и не научилась отпор давать. Видел я, как ты перед тем охранником оцепенела. Но вообще могу тебе подсказать, как себя заставить бороться. Просто надо вспомнить тех, кто тебя любит и кого ты любишь, и сражаться за свою жизнь ради них. Я, например, за свою Нинку буду до конца сражаться... мы ведь сорок лет вместе... и она без меня пропадёт...

Голос его задрожал.

– Дядя Гоша, – обняла его Аля. – Поняла я вас! Я должна сражаться за свою жизнь, чтобы не горевали потом вы, тётя Маша...

– ... и все остальные жители Второго Рясово, а также некоторые ссёлковские. Мы все тебя любим, Аленька. Не огорчай нас.

В следующий четверг был день диспансеризации. Работников ОАО «Павлищевское» рано утром погрузили на старенькую «Кубань» и в сопровождении фельдшера повезли в райцентр. Уже перед отъездом к автобусу подбежал Серёга, муж продавщицы Светки и попросил:

– Нас возьмите!

Из-за угла показалась Света, которая тащила зарёванную Кристину. Она поставила дочь на нижнюю ступеньку, увидела Алю и сказала:

– Аль, помоги, пожалуйста, к зубному Кристинку затащить. Всю ночь сегодня ревела.

Кристина завопила. Аля спросила:

– А на «Лакомку» ты им дала?

– Не дала, – выкрикнула Кристина. – Папа только на пиво просил!

– Никакого пива, – строго сказала Света. – Дома всё будет, а пока ты с ребёнком – ни-ни! А разве можно после зубного сладкое?

– Мороженое!

– Кристина у доктора спросит, что можно, что нельзя. Если скажет, что нельзя мороженое, придётся есть пирожное. Переживёшь пирожное? – спросила Аля.

– Два пирожных и ещё «Фанту».

– Договорились, – сказала Света и сунула мужу деньги. – Серёга, помни!

После лаборатории Аля подвела свою группу к кабинету

ЭКГ, занесла список и сказала своим:

– Сами очередь соблюдайте, а я в зубной пойду. Слышите?

– Кристинка наша всех докторов распугает, – засмеялись ссёлковские. – Иди уж!

Через пятнадцать минут девочка хвасталась зубом, завёрнутым в носовой платочек и утверждала, что ни капельки не плакала.

– Идите, погуляйте часок, а потом можно и по пирожному, – сказала им Аля.

– Нам мама велела фонарик купить, который на голову надевается.

Через пару часов отец с дочерью позвали её в «Лакомку». Аля решила, что хорошо бы заодно и пообедать. Они сидели и уговаривали Кристину поесть супа. Она даже обещала ей подогнать под размер головы купленный фонарик и разрешить ходить с ним весь день. Кристина косила глазом на витрину с тортами и пирожными и кривилась. Серёга изнывал. Потом не выдержал, вскочил: «Я буквально на десять минут, за сигаретами». И убежал.

– Пиво пить пошёл. Всё маме расскажу, – сказала ему вслед Кристина.

– Ох, да она и сама учует, – вздохнула Аля.

Минут за пятнадцать ей всё же удалось накормить девочку, а пирожные вообще ушли влёт. С фонариком пошли на компромисс: Аля повесила его девочке на шею и сказала:

– А что, красиво. Сияет как бриллиант!

Потом спросила, где они могут умыться. Буфетчица показала на умывальник в зале и добавила:

– А туалет у нас на ремонте. Так что придётся в дворový скворечник. Куртки наденьте. Сумки можете оставить, не волнуйтесь, прослежу, никто не тронет.

Аля с Кристиной накинули куртки и вышли через служебный вход. Минут через десять прибежал Серёга:

– А где мои?

– В кабинете задумчивости. Ой, что-то давно они ушли.

Он посидел пару минут спросил: «Где?» и вышел в коридор. Вернулся с платочком, завязанным узелком:

– Где моя дочь?!

Вызванные полицейские его волнений не разделяли: мало ли куда девушка с ребёнком могли уйти: в магазин, погулять. Вещи не взяли? Забыли. Телефон недоступен? Разрядился или деньги кончились. В панике Серёга позвонил своему участковому. Тот заорал:

– Ты зачем их одних оставил? Знал же, что к Алевтине какие-то бандиты в дом лезли!

Зато он связался со следователем, который приезжал после нападения на фельдшерскую квартиру. По этому звонку приехала целая бригада. Они покрутились во дворе, даже собаку пустили. Следователь подошёл к Серёге, вцепившемуся в свою шевелюру, и сказал:

– Здесь ждать бесполезно. Их увезли. Не буду вас успокаивать, следы той машины, что к вам в село приезжала. Не

понимаю, зачем они ребёнка прихватили. Девочка маленькая, много о них рассказать не могла, даже номер бы не запомнила. Она же ещё не учится?

Серёга раскрыл ладонь:

– Вот, зубик...

И завыл.

Сквозь шум в ушах пробился тонкий детский голос: «Тётя Аля-а!» Потом грубый мужской сказал: «А мы не перебрали? Ну-ка, ущипни её!» Резкая боль в бедре, но открыть глаза не удалось. Детский плач, оклик: «Заткнись, сучка!» грохот железа и снова плач. Теперь Аля ощутила, что лежит на боку, уткнувшись щекой во что-то холодное. Опёрлась онемевшими руками, которые почему-то не могла развести, приподнялась, и её вырвало прямо на руки. Зато наконец-то удалось открыть глаза. Перед ней – мокрая стена из крупного камня. Поглядела вниз: руки обмотаны скотчем. Перевернулась набок. Так, ноги тоже связаны. Её за шею обняла Кристина:

– Тётя Аля, я думала, ты не проснёшься!

– Это эфир, – сказала она, ощутив мерзкий вкус во рту. Снова вырвало. – Кристина, тебя травили?

– Меня тоже тошнит, – плаксиво пожаловалась девочка.

– Так, сейчас. Помоги мне сесть.

Взгляд уткнулся во что-то знакомое. Ржавый железный крюк в стене. Подвал для мясных припасов. Освещение только из маленького подвального окошка полусферой под

потолком и из щели в двери.

– Кристина, пока не стемнело, ищи что-нибудь железное, острое.

Тётя Аля, тут ничего нет.

– А что у тебя в карманах?

Девочка вынула из кармана куртки фантик, пластмассовую ложечку из кафе и... перочинный ножик!

– Ура! Открывай!

– Это папин. Он тугой.

– Сунь мне в руки.

Ломая ногти, минут десять пыталась открыть нож. Чуть оттянуть кончик удавалось, но, чтобы полностью раскрыть, нужно было развести руки. Потом догадалась перевернуться на живот, воткнула кончик в пол, нажала, и нож раскрылся.

– Кристиночка, аккуратно, не порежься!

С облегчением сорвала с запястий обрезки скотча, потом освободила ноги и поднялась.

– Ну, что, будем спасаться?

Удивительно! Было плохо, мерзко во рту, тошнило, её с ребёнком заперли в подвале. Но не было страха, уныния, стопора, как бывало всякий раз, когда её ругали, пугали или били. Ясная голова и желание бороться. Почему? Потому что дядя Гоша сказал, что жить надо ради тех, кого любишь и кто любит тебя. И не только ради дяди Гоши, который сейчас, наверное, сходит с ума от страха за неё, ради тёти Маши, которая вытащила её из того мерзкого рабства, но прежде

всего ради маленькой девочки, попавшей в неприятности из-за того, что оказалась рядом с ней, ради её матери Светки, с которой они два года назад попали в аварию и вместе мыкались в больнице, и которая с тех пор общалась с ней как с родственницей.

Аля поднялась по ступенькам и убедилась, что отсюда не вырвешься. Сквозь щель неплотно прилегавшей двери был виден металлический брус, удерживающий дверь. Закрыла глаза и вспомнила, как экскурсовод эту дверь закрывала: этот брус как большая накладка висел на кольце справа, она подняла его и надела на петлю на левой притолоке, а в петлю продела дужку большого висячего замка. Повернулась и поглядела на окошко слева: оно находилось в том месте, где стена заканчивалась и начинался свод. Наверное, это где-то на уровне поверхности земли. Метра три от пола. Может, им бы и удалось пролезть через него, но до окна не дотянуться. Она спустилась по ступенькам и поднялась по другим ступенькам, ведущим в бывшую кухню. Но там дверь была вообще без замка, видно, изнутри на засов закрывалась. Аля сказала вновь заплакавшей Кристине:

– Не помню, кто сказал: если нет выхода, ищи вход!

Подошла к двери, ведущей в другие подвальные помещения. Тоже поперечный брус и навесной замок. Подёргала замок, потом взялась за брус. Он заскрипел, что-то посыпалось. Ага, это кольцо подалось. Аля вставила нож в кольцо и, действуя им как рычагом, вытащила кольцо из стены. По-

дёргала брус. Нет, петля держится прочно. Жаль, эта железяка была бы хорошим оружием. Зашёл бы тюремщик, а она бы его – хрясь по башке! Ладно, обойдёмся тем, что есть. Открыла дверь. Пыль и темнота.

– Ой, что там? – спросила Кристина.

– Не знаю. Хочу надеяться, что там пещера Аладдина. Может быть, там сорок бочек сокровищ. А может, сорок разбойников. Но это вряд ли. Разбойники, конечно, свиньи, но в такой грязи жить бы не стали. Идём?

– Идём, тётя Аля! А сокровища можно взять?

– Что найдём, всё наше будет! О-хо-хо...

Кристина ни за что не желала расстаться со своим «бриллиантом». Так и пришлось идти, имея в качестве освещения слабенький фонарик, болтающийся на шее девочки. К тому же вряд ли его полностью зарядили в магазине. Так что действовать надо было быстро.

По Алиным ощущениям, они обошли подвал три раза. Увидев издали слабое свечение двери, она поворачивала в новые коридоры. Вспомнив детскую книжку «Волшебный двурог», стала двигаться по правой руке, и в одной из боковых комнат вдруг обнаружила очень старое кострище и два пластмассовых ящика из-под бутылок.

– Ну, хоть что-то, – сказала. – Будет на чём посидеть.

И прихватила их с собой. Когда она в четвёртый раз проходила мимо приметной стены из крупного кирпича, в которой была непонятная ниша внизу, наподобие камина, она

зацепила рукавом стену, и из неё с шумом вывалились пара кирпичей. Аля схватила девочку за руку и оттащила за угол:

– Стой здесь, направь свет на стену!

Вернулась, подняла кирпичи отошла подальше и швырнула один в стену. Ещё один. Что-то зашуршало, она метнулась за угол и прижала Кристину к себе. Грохот, пыль! Схватила девочку за руку и побежала по проходу.

– Там что?

– Или сокровище, или логово разбойников. Сейчас пыль осядет – и вернёмся.

– У меня ноги устали...

– Эх, ящики забыла! Ладно, давай я тебя на ручки возьму.

Минут через десять осмелилась вернуться. Скрипело под ногами, скрипело на зубах. Дошли до угла коридора, где валялись забытые ящики.

– Ну, свети!

Обрушился сравнительно небольшой участок стены перед «камином». Теперь рядом с ним образовалось что-то наподобие дверного проёма. Но из него изливался слабый свет. И Аля полезла на кучу. Кристина полезла следом.

– Кристиночка, подожди меня у ящиков. Я проверю, можно ли туда пролезть, и вернусь за тобой.

Кирпичи рушились под ногами, но она всё-таки добралась и заглянула в проём. Это был не коридор, а просто короткий тупичок. Но свет шёл из угла стены сквозь узкую щель. И Аля стала осторожно отламывать кирпичи, расширяя эту

щель. Как ни осторожничала, но очередной кирпич вызвал обвал. Больно ударил большой монолит кирпичей по ноге, но зато дыра была достаточной, чтобы в неё пролезть. А выше был лестничный марш. Хромая, она спустилась с кучи и прихватила ящики.

– Что там, тётя Аля? Сокровища?

– Сокровищ не видела, но, кажется, есть надежда на спасение.

Поставила ящики друг на друга, встала на эту пирамиду и заглянула в отверстие. Нижняя ступенька оказалась на уровне носа. Увы, Аля не настолько спортивна, чтобы подтянуться на руках. Сзади послышалось хныканье.

– Ты что, Кристина?

– Бриллиант погас.

– Ладно, ты меня видишь? Карабкайся ко мне, только осторожно.

Когда девочка добралась до неё, она с трудом присела на своей шаткой пирамиде из ящиков и взяла её на руки. С трудом удалось встать. А поднять на вытянутых руках сил уже не хватило. Тогда она пропыхтела:

– Подымайся мне на плечи и залезай на лестницу.

С этим девочка справилась очень легко, напоследок едва не оторвав ей ухо кроссовкой. Передохнув, Аля сняла с себя куртку и подала Кристине:

– Вот, засунь её за ту железку, чтобы она ко мне была обоими рукавами.

Пока девочка засовывала куртку за железный штырь у стены, Аля обследовала стену перед собой и наметила одно углубление, в которое можно было наступить, поднимаясь. Ещё одно углубление она расковыряла ножом:

– Ну, господи благослови!

Трещала куртка, стонала Аля, редела Кристина, сыпались кирпичи из-под ног. Но всё-таки Аля перевалилась на лестничную площадку. Некоторое время лежала, наслаждаясь оттого, что получилось. Потом кряхтя встала, накинула куртку и поплелась вверх:

– Ну, что тут у нас?

– Там не соковища, там тюрьма!

– Почему тюрьма?

– Здесь одни решётки!

Да, на окнах, до которых не дотянуться, потому что в доме Павлищевых уже давно не было пола, стояли решётки. Но зато по просторному залу гулял свежий ветер и слышен был монотонный стук дождя. Вот полилось с дырявого потолка, и Аля с наслаждением подставила руки. Наконец-то хоть немного удалось их очистить от рвоты и пыли.

– Какие мы с тобой красотки, Кристина! Чистенькие, аж блестящие, – засмеялась она.

– Я домой хочу!

– Будет тебе дом! То, что охраняется государством, не может быть недоступным для народа.

Они обошли помещения первого этажа, но ни малейшей

щели не обнаружили.

– Ладно, есть ещё балкон!

Прежде чем подняться по ветхой лестнице на второй этаж, Аля, опасаясь, что за ними придут похитители, решила прикрыть дыру, по которой они сюда проникли. Она подкатила ком из слепленных раствором кирпичей и, не желая терять последние силы, не стала спускаться по ступеням, а толкнула его ногой. Одна из каменных ступеней проломилась, и остальные посыпались вслед за ней как домино. Гулко грохнуло внизу, крякнул ветхий потолок, но устоял, а вот часть стены обвалилась. Вместо лестничного марша теперь перед ней была квадратная яма, почти доверху засыпанная кирпичами.

– Ну что ты всё ломаешь, тётя Аля?

– Больше не буду.

Они взялись за руки и поднялись на второй этаж. Здесь окна тоже были зарешечены, но Аля знала от собеседницы на экскурсии, что над балконом часть стены отсутствует. Так и оказалось. С балкона открывался вид на узкую полосу парка, куда приходили только экскурсанты, чтобы на этот балкон взглянуть. В десятке метров за кустами блестела мокрая ограда, а за ней склон и далее болото.

– Здесь невысоко, я бы прыгнула, а ты, наверное, побоишься?

– Не хочу!

Выход Аля нашла. Перелезла через перила, поставила од-

ну ногу на историческую лепнину над окном первого этажа, а вторую на советскую решётку и приняла визжащую девчонку на руки: «держишься за шею!». Спустилась по решётке как по лестнице, поставила Кристину на подоконник и спрыгнула. Болью отозвалась отбитая кирпичами нога. Она с трудом поднялась и скомандовала:

– Всё, падай, я ловлю!

Кристина рухнула на неё, а она – на мокрую землю. Уже почти стемнело.

– Теперь слушай меня. Вокруг бандиты. Мы как отважные следопыты идём по вражеской земле и молчим. Если надо что-то сказать, дёргаешь меня за руку, я наклоняюсь, а ты шепчешь мне на ухо. Идти придётся долго. Здесь всего одна дыра в заборе, о которой я знаю. Если устанешь, тоже дёргаешь меня за руку и шепчешь, что надо отдохнуть. Поняла? Всё, пошли.

Идти приходилось по парку, выходить на аллею было слишком опасно. Сначала она чуть ли не до смерти напугалась парковой скульптуры, потом попала ногой в липкую жижу большой лужи. Потом её дёрнула за руку Кристина и прошептала, что устала. Она взяла её на закорки и, тяжело ступая, прошла сотню шагов. Проходя мимо домика управляющего, она подумала, что по подвалу путь показался не таким долгим. В двух окнах горел свет. По-видимому, здесь находился пост охраны. Они скользнули мимо и вышли на аллею. Перейдя на другую сторону, снова нырнули в кусты.

Ох, наконец-то что-то знакомое – ротонда. Значит, не заблудились. Кажется, в ней есть скамейки. Они поднялись по ступеням, Аля села на холодную скамейку, взяв Кристину на колени. Вдруг послышался кашель. Она прилегла, притянув к себе девочку. Кашлявший матюгнулся, потом зашлёпали шаги, постепенно затихая. Аля не сразу осмелилась сесть.

– Пошли отсюда, – прошептала ей Кристина.

И они пошли. В темноте тропинки видно не было, поэтому Аля ориентировалась по просветам в кустах. Наконец они наткнулись на решётку. В какой стороне пролом, она не знала, повернула направо. Через сотню шагов поняла, что идёт не туда, и повернула назад. Кристина тихо захныкала. Аля взяла её на руки и побрела, понимая, что ещё пять минут – и она рухнет. И тут рука, скользящая по прутьям решётки, почувствовала проём. Она поставила девочку на фундамент и шепнула:

– Вперёд!

И нырнула вслед за ней. Взявшись за руки, они побежали по полю к тускло светящимся окнам Павловских выселок.

Аля думала, что сейчас они войдут в чей-то тёплый дом, им дадут телефон, может быть, нальют горячего сладкого чая, и они будут ждать, когда за ними приедут их близкие. Но в первом дворе их встретил лай собаки и ругань хозяйки, в следующем, где жила знакомая ей учительница географии, она назвала своё имя, а в ответ – только хриплый крик: «Уходите, я никого не пущу», в следующем было темно, и никто

не откликнулся, в тот, где был новорожденный, она и стучать не стала, понимая, что бесполезно. И у следующего дома она надрылась под окном: «Позвоните участковому!», а в ответ – ругань. Кристина громко плакала. В последнем доме двери оказались открытыми. Густо пахло перегаром, за столом с бутылкой и баклажкой огурцов сидел небритый мужик. Аля попросила:

– Пожалуйста, дайте телефон на минуточку!

– Да? А ты что дашь?

– Ты совсем жадный?

– Ды бери, – пробормотал мужик, подавая ей грязненький кнопочный телефон. – Слышь, малая, не ори, от тебя голова болит!

– У тебя от пива голова болит, как у моего папы, – ответила ему Кристина. – Дай огурчика!

– Вот цыгане настырные, – сказал мужик, доставая вилкой огурец. – На!

Аля смотрела на телефон и думала: вот и связь есть, но ведь она ни одного номера не помнит! Нет, один всё-таки помнит:

– Тётя Маша, извините за поздний звонок. Я телефон потеряла, вы не можете дяде Гоше этот номер сообщить, чтобы он мне перезвонил?

– Конечно, Алечка. У тебя всё в порядке?

– Да-да, я завтра позвоню!

Буквально через пару минут телефон зазвонил. Оттуда

пьяный голос. Она ему ответила так, как никогда бы в других обстоятельствах не сказала:

– Пошёл на хрен!

– Ты что хулиганишь? – вскинулся мужик.

– Это кто-то у тебя займы попросил.

– А, тогда правильно!

Наконец пробился Зимин:

– Алечка!

– Дядя Гоша, нас держали в усадьбе. Мы сбежали. Звоню из Павловских выселок. Пожалуйста, приезжайте, только клеёнку возьмите, которая на верёвке висит. Всё, телефон садится. Кристина, пошли машину ждать.

– Там холодно, – опять заплакала она.

– Ладно, пять минут, – сказала Аля, усаживаясь прямо на пол. Но через пару минут её так замутило, что она вскочила и пошла к выходу. Ухватилась за забор. Её опять рвало. – Господи, рвать нечем, сейчас пищевод наружу вывалится!

– На, – рядом стоял хозяин дома и совал ей стакан. – Рассол, верное средство.

От моста к ним мчался автомобиль.

Днём её навестили Света с Кристиной:

– Ты погляди, мать чуть не поседела и отца чуть не убила, а ей хоть бы хны! Ты как, Аля?

– Отравили меня сильно. Вчера «скорая» капельницу ставила, чтобы немного очиститься. Но ем пока только жиденькую кашку и наливаюсь под завязку чаем. И нога распухла.

– Ой! Перелом?

– Нет, только ушиб сильный.

Зашли Зимин и Тимофей.

– Аль, никого к тебе не пускаю, но эти – товарищи по несчастью. Ничего? Свет, ты представляешь, звонит и говорит: клеёнку привезите! Тут не знаешь, жива ли, а она сиденье в машине запачкать боится. Вот бабы!

– А меня выселки взбесили, – сказала Света. – Женский голос просит помочь, ребёнок плачет, а они заперлись. Чтоб им так же в трудную минуту пришлось!

Следователь приехал показания снимать. Аля терпеливо отвечала на все вопросы, а потом спросила, чем же эти похитители объяснили своё преступление?

– Говорят, пошутить хотели.

– Вы, наверное, думаете, что это преступление сексуальное? А я вот думаю, что тут что-то более серьёзное, – задумчиво проговорила Аля. – Я ещё когда этот, что помельче, меня по болоту преследовал, заметила кое-что в его поведении...

– Ну?

Аля вспомнила глаза охранника тогда на болоте, и как потом во сне он слился с образом Георгия. Её продюссер ведь не сразу стал мучителем. Георгий зверел по мере того, как лепил из неё образ мрачной брюнетки Сандры.

– К вам поступает информация о серийных преступлениях? Не было ли где-нибудь в соседних районах серии с из-

биением женщин? Возможно, рыжих или большого роста? Словом, в чём-то схожей со мной.

– Нет, такого не было.

– Тогда, может быть, он недавно в эти края перебрался?

– Да, меньше года...

– Вам ведь всё равно сведения о нём нужны. Запросите и об этом тоже! Я, конечно, не психиатр... и не врач, но кое-что в жизни повидала.

– А что вы предполагаете?

– Он обычным способом удовлетвориться не может. А когда кого-то мучает, оргазм испытывает.

– Но маньяки в стаи не сбиваются.

– А вы вот второму мою версию изложите. И скажите, как к таким извращенцам в тюрьмах относятся. Мне кажется, у него тут отдельный интерес, и он его вам раскроет, если испугается.

После его ухода Зимин подсел к ней и спросил:

– Аль, ты почему совсем какая-то другая? Как и не ты? То глаз не подымала, а то следователя стала жизни учить?

– Я проснулась, дядя Гоша. Всю жизнь пыталась угодить тем, кто меня не любит. А вы глаза мне открыли. Теперь я своих мучителей пошлю по неприличным адресам, а жить буду так, как хочу. И общаться только с теми, кого люблю, и кто меня любит.

Зимин уехал за женой, а в зале поселился Тимофей, как она ни убеждала мужиков, что опасности нет. Через несколь-

ко дней её попросили приехать в Пружинск. У следователя сидел ещё один посетитель:

– Вот, этот господин поручил вас похитить.

– Неправда! Я при Гришко сказал, что есть человек, который ищет Кузнецову Алевтину Ивановну, а вовсе не собирается похитить её! Мне просто был нужен её адрес. А эти придурки решили с меня бабла побольше срубить.

– И зачем я вам понадобилась?

– Меня просил разыскать вас очень уважаемый человек. Сказал, что вы дочь его хорошего друга, что он хотел познакомиться, помочь вам, если требуется.

– Не понимаю, почему он к моему отцу не обратился?

– Но... он говорил, «покойного друга».

– Значит, не меня он искал! И вообще, откуда он знает, что я после развода фамилию не меняла?

– То есть Кузнецова вы по мужу?

В дальнейших препирательствах она убеждала его, что Кузнецовы у них в колледже были, но вот Алевтин она не припоминает, хотя нет, была Тина Кузнецова.

– Точно, он говорил, Тиной её мать звала.

– Ну вот и разобрались! Она небольшая была, мне по ухо, блондиночка крашенная.

Фух, отбилась! Когда ушёл, вручив визитку столичного адвоката, которому нужно позвонить, если встретишь тётку, она спросила следователя:

– Ну что, этого перца ведь второй сдал?

– Да, вы кругом правы! И за этим извращенцем Сабуровым аж с Урала приехали, там за ним такой след кровавый: и избиения, и убийства. И действительно рыжих. И второй, Гришко, когда узнал, с кем связался, всё рассказал, и от кого заказ. Вы на этого барина зла не держите, он тутошний предприниматель, владелец этой усадьбы. с уголовщиной бы не связался. А вот в охрану себе придурков набрал, лишь бы меньше платить. Он при Гришко разговаривал про вас, вернее, что вашу однофамилицу разыскивают. А тут Гришко родственница из Павловских выселок похвалилась, что фельдшер к ней приходила и имя назвала. Он решил, что за адрес мало дадут, а Сабуров предложил вас украсть и поторговаться. Сам-то он, конечно, не для того вас украл. Первый раз он за вами пошёл, ну, по болоту тогда, когда ещё не знал, кто вы. На цвет волос клюнул. Когда мы усадьбу брали, Сабуров по подвалу метался и выл. Пришёл над вами поиздеваться, а тут пусто. Вовремя вы сбежали!

И снова лето. Послесловие

С утра Марья Кузьминична хлопотала по дому. Уже дважды Паня заходила:

– А точно Аля приедет? А она не передумала?

– Да едет, едет. С дороги звонила. Из Пружинска на такси. К обеду точно будет.

– До чего я гостей твоих люблю, Маша! А потом ещё кто приедет?

– Да все обещали. Даша с малышом – на всё лето, Нюся тоже, если мать отпустит. Ваню отпустят... может быть. Вова только на пару дней, он уже на работу устроился, не до отдыха. Ольга каждый год обещает приехать, но так ни разу и не была. Спасибо, хоть пишет иногда, фотографии присылает.

Зарычала машина, остановилась у калитки.

– Что-то рано.

Нет, машина солидная такая, не такси. Точно, вышел... Серёга Царёв! Паня поглядела на её помрачневшее лицо и сказала:

– Ладно, пошла я!

– Здравствуй, тётя Маша. Не ожидала? Конечно, нет, чего спрашиваю...

Уселся за стол во дворе, пальцами по нему побарабанил. На неё не смотрел. Потом спросил:

– Наверное, не простишь?

– Давно уж простила. Сам-то как? Дочь, жена, как они?

– Обе замужем, – хихикнул. – Чужая жена от нового мужа родила. Стала как печка, что поставить, что положить.

– Не пьёт?

– Вроде нет.

– А дочь?

– Детей нет покуда.

– Уезжаешь?

– Да. В Израиль.

О встал, пересел рядом с ней и положил подбородок ей на плечо:

– Я, как заболел, всё барак наш вспоминаю. Как на лыжах... а мы все мокрые. Как Валерка спиной к печке грелся и штаны прожёл. Как я у вас прятался, когда мамка лютовала. Как Вовка родился, а мы с Валеркой коляску катали. И ещё как ты нам вечером показывала со свечкой и двумя бокалами, как Земля вокруг Солнца ходит, а Луна вокруг Земли, и как затмения происходят. Вот остарел, полысел, добро нажил... а добро было только в бараке, в вашей комнате. Больше ничего хорошего в моей жизни ни было. Ну, всё сказал. Прощай, тётя Маша. Если что, Валерке передашь, один только он друг у меня был. Не поминайте лихом!

Встал, вышел за калитку, сел в машину, водитель почтительно захлопнул дверцу и отъехал. Обдумать этот странный визит времени не хватило, рядом с калиткой уже стояло такси. Аля приехала!

Вечером, когда гости разошлись, вдвоём перемывали посуду во дворе. Переговаривались:

– Барсик сегодня объелся.

– Старый, ленивый, мышей не ловит. И ты скоро старой будешь. Семью создавать не планируешь?

– Пока не тянет. Не монашка, конечно, но к серьёзным отношениям не готова.

– Денег хватает?

– Так я ведь только первый год в районной поликлинике, и то через пару месяцев на полставки друг отца в свою клинику взял. А через год я к ним перешла на полную ставку. С сентября в ординатуре буду, гарантийное письмо от клиники сама лично отвезла. В кардиологии буду специализироваться.

– Да? А я ожидала, что в психиатрии...

– Для этого у меня самой психика слабовата.

– Да, Аля, ты документы уничтожила?

– Ой, тётя Маша, должна я вам признаться... документы этой Тины стали переходящим кубком.

– Что?!

– Дайте оправдаться, выслушайте. Первое время я ведь у Ники жила. Мы осенью гуляли с малышами, ну и Миша вывернулся от нас на Ленинградское шоссе. Ой, что было! Вдруг бросается какая-то девчонка в яркой куртке, хватает его, рванула назад, но не успела, и их сбивает машина! Мишка наш отлетел к обочине, орёт! Но цел, только грязный

весь. Девчонка вся в крови. Её забирает скорая, я сажусь к ним, Нику отправляю домой. Состояние у неё тяжёлое, документов никаких. Сидела с ней ночь, сказала, если родных не найдём, всё оплачу. Утром приехали Ольга с Дмитрием. Дмитрий, хоть и хакер, но полицейский. Вещи её посмотрел и сказал: явно девочка с Ленинградки.

– Не поняла.

– Ну, проститутка. То есть никто за ней не придёт, скорее всего, приезжая и без регистрации, паспорт у сутенёра. Ольга осталась за ней ухаживать, я на работу. Вечером прихожу, общаюсь с коллегами. Показывают снимки. Там старых травм больше чем у меня! Специализация, что ли, такая, садистов обслуживать, или профессия такая? Ну, когда она в себя пришла, я спросила. Дина из тех же краёв, родителей нет, бабушка вырастила, тоже уже нет. Самой двадцать лет, мелкая, потасканная, выглядит старше. Мы благодарим, она отмахивается: мне что под машину, что под мужика, один конец. А с таким шрамом на роже теперь и на вокзале не снимут. Тут посетитель, у неё такой испуг! Понимаем, что сутенёр или от него, Дмитрий предъявляет корочки и предлагает пройти побеседовать, парень смывается. Ну, при всех не стала, а потом предложила: вот, никакой гарантии, но есть какой-то перец, возможно, криминальный, который дочь кореша разыскивает. Даже имя похоже: ты Дина, она Тина. Рассказываю всю историю. Она говорит: уколы делать могу, за бабушкой ходила, так что под медичку закошу без вопросов.

Скажу, квалификацию потеряла и в профессии разочаровалась. Про жизнь свою врать не буду, так и скажу, что проститутка. Вдруг пожалеет? Хуже не будет, всё равно пропадать. Договорились, что паспорт я положу в её тайник, на чердаке дома, где она угол снимала. В ночь дежурить не осталась, с ней всё вроде более-менее. После работы прихожу в больницу, а её нет, забрали, говорят двое бугаёв. Ну, думаю, не успела! А потом всё-таки пошла в тот дом. В квартире не открыли. Поднялась на чердак, тайник пустой. Немного успокоилась, значит, относительно свободна, и надежды не теряет удрать. А через пару недель звонок: у меня всё в порядке, это я, Тина Кузнецова. А в этом году в апреле я её на кинофестивале увидела. Мне один пациент пригласительный прислал. Я бы её не узнала. Шрам не виден, если не приглядываться. Одетая неброско, но дорого. Она подошла, представилась: я Тина Кузнецова. В общем, всё у неё получилось! Она тогда времени терять не стала, позвонила с телефона соседки, как только я ушла. Адвокат этот помощницу свою прислал, та спросила, чем докажете? Дина-Тина нарисовала, как тайник найти, всё сказала, и про свою нынешнюю работу. Утром за ней прислали качков, которые перевезли её в платную клинику. Там её навестил покровитель, и даже нашёл сходство с покойным другом. Очень кстати оказалась фотография под обложкой паспорта, это покойная мать Тины. В общем, учится в колледже и работает в фирме покровителя.

(БЕЗ ТЕМЫ)

Тимофей tiryas2

Вам: tveritolgast

Оленька, здравствуй.

Не стала звонить тебе, никак с мыслями не могла собраться. Решила на бумаге сначала изложить, а потом на клавиатуре набрать.

Вчера похоронили твою маму, Анну Тихоновну Рясову. Это было её просьба – не говорить тебе и твоему отцу о ней при жизни и не звать на похороны, а дальше, она сказала, всё равно. Я только удивлялась, как твой взгляд художника не уловил очевидного сходства. Не в чертах, нет, тут ты скорее на отца похожа. Глаза твои сразу показались мне знакомыми.

От кого Анна была рождена, она не знала. Односельчане были уверены, что от врага, или немца, или полицая, других мужиков в Рясово в то время не было. Не думаю, что про неё можно было сказать «дитя любви». Судя по тому, как описывают твою бабушку Нонну односельчане, скорее можно предположить, что Анна была дитя насилия.

Деревня консервативна в вопросах морали и одинаково судит женщину оступившуюся и жертву насилия. Нонне с ребёнком пришлось особенно несладко среди военных вдов и вековух. Да и мужики, вернувшиеся с войны, к таким великодушия не проявляли. И даже к ребёнку, который уж точно ни в чём не виноват, отношение было более чем скверное.

Была ли Нонна религиозна всегда, или ударились в религию после того, как её жизнь сломали, мне неизвестно. Вера

дала ей силу жить и искупать свой грех, которого не было. Но она же сломала жизнь её несчастной дочери. Кажется, это называется «грех первородства», когда Адам и Ева согрешили, а ты теперь пожизненно виновата? Кругом пионеры с галстуком на шее, а Анна в платочке. Насмешки и тычки, а с возрастом – приставания более обидные. Правда, мать кружила над ней коршуном и никого старалась не подпускать. После семилетки – на ферму дояркой, рядом с матерью. Ничего в этом обидного, точно так же сложилась жизнь соседок, Лены и Пани. Только они и в клуб ходили на танцы, и песни пели, и с ребятами перемигивались. А Анна молилась. Этот мальчик соседский, внешне тогда непривлекательный, со слов соседей, но талантливый, интеллектуально выше грубых деревенских парней, не мог ей не понравиться. А в смысле житейском дети были весьма неопытные. Когда ты родилась, Анне едва семнадцать стукнуло, а Вениамину и того не было.

Как я тебе говорила, рожала Анна по чужому паспорту. На поминках Паня призналась, что это был её паспорт. И она знала, зачем Нонна у неё его попросила. И Лена это знала, и осудила за это и Анну, и Паню. Но никто из них никогда это не обсуждал. Просто отношения изменились. Паня сказала, что бабка не хотела, чтобы внучка прожила такую же безрадостную жизнь, как у дочки, и договорилась в роддоме, что тебя отдадут бездетной паре.

Не знаю точно, знал ли о тебе отец, но Анна говорила, что не знал. А вот вторая бабка знала точно, иначе не отправи-

ла бы единственного сына в Ленинград к родственникам доучиваться в 10-11 классе.

Я отсканировала для тебя довоенные семейные фотографии: прабабку и прадеда, молодую Нонну. А вот молодая Анна – только на фотографиях для документов. Помнишь, Паня рассказывала, что мужики дурели при виде её? Даже по таким фотографиям видно, что она была красавицей.

В последние годы она бережно пополняла альбом фотографиями, которые я ей распечатывала: ты, Ника, твои внуки. А в конце альбома – маленькая фотография Вениамина 3*4 с уголком, наверное, на комсомольский билет. И три детских рисунка: Анна в кокошнике, Анна в платочке и Анна с распущенными волосами.

Анна оставила завещание на меня. Ты понимаешь, почему? Я лишь душеприказчица. Она не посмела обратиться к тебе. Если ты примешь её добро, значит, ты её простила.

Не могу тебе советовать, но считаю, что тебе стоит встретиться с отцом. Ты унаследовала не только внешность, но и его талант. Если ты стесняешься или не хочешь навязываться, просто пошли ему скан одного из рисунков и свой адрес. Наверное, вам будет друг с другом интересно.

М.К